

**ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editor A.V. Gladishev

ISSUE 9

Saratov State University
2014

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева

ВЫПУСК 9

Саратовский государственный университет
2014

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред.
И90 А.В. Гладышева. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2014. – Вып. 9. – 286 с.

В очередном выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются вопросы, охватывающие проблемы конструирования исторической памяти, различные аспекты конфликтов памяти, механизмы властного контроля, отражения «другого» в коллективной памяти, а также биографики. Отдельный раздел отведен под материалы международной конференции «Запад на Востоке, Восток на Западе: кросс-культурные отношения, взаимовосприятия и историческая память» (Саратов, 2014). Впервые публикуются документальные источники из архива курского краеведа А.А. Танкова, выявленные в ОР РНБ.

Для специалистов-историков, политологов, философов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук,
проф. *Е.А. Вишленкова*, д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев*
(отв. редактор), канд. ист. наук, доц. *В.А. Соломонов* (зам. отв. редактора),
д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*, канд. ист. наук,
доц. *А.В. Баранов* (отв. секретарь), канд. ист. наук, доц. *В.В. Хасин*

Рецензент

Доктор исторических наук, профессор *Е.И. Демидова*

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

История, власть и массовое сознание

- Вилков А.А.* (Саратов, Россия). Полиэтничность и мультикультурализм как факторы политической идентичности в современном мире 9
- Калашиников М.В.* (Саратов, Россия). Генеалогия понятия «либерализм»: П. либертины (либертены) и либертинаж 21
- Вишленкова Е.А., Ильина К.А.* (Москва, Россия). Реформа университетских архивов в России 1830-х годов 40
- Ганус С.А.* (Ужгород, Украина). «Пригча о четырех уездах»: северо-восточные границы во внешней политике украинских государственных формирований во время национальной революции 1917–1920 годов 59

От политики забвения к политике памяти

- Шестов Н.И.* (Саратов, Россия). Механизмы «забывания» в структуре исторической памяти 76
- Кобылин И.И., Николаи Ф.В.* (Н. Новгород, Россия). Переопределяя границы сообщества: культурная память, травма, биополитика 90

Запад на Востоке, Восток на Западе: кросс-культурные отношения, взаимовосприятия и историческая память

- Ковальчик М.Э.* (Вроцлав, Польша). Опыт непосредственных контактов поляков XVIII века с Востоком и Западом (перевод с польского И.К. Кима) 104
- Гладышев А.В.* (Саратов, Россия). Сибирские «монстры» и французские «мраморные сердца» в Нёфшато в 1814 году 116
- Тотфалушин В.П.* (Саратов, Россия). Военнопленные Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. в Саратовском крае 128
- Креленко Н.С.* (Саратов, Россия). Северная Африка в творчестве Э. Фромантена, художника и писателя 135
- Костина А.К.* (Саратов, Россия). Ориенталистские мотивы в творчестве У.Х. Ханга 143
- Попов Д.А.* (Саратов, Россия). «Натуралисты» против «романтиков»: французское искусство XIX века глазами Эмиля Золя 151

<i>Ким И.А., Ли Хен Кын</i> (Волгоград/Москва, Россия). Особенности этнических стереотипов российских корейцев (на примере Нижнего Поволжья)	162
<i>Черевичко Т.В.</i> (Саратов, Россия). Роль туризма в развитии кросс-культурных отношений	170
Память о конфликте или конфликты памяти	
<i>Цихорацки П.</i> (Вроцлав, Польша). Вопреки традиции взаимной враждебности. Из истории польско-российского сотрудничества в 1920 году (перевод с польского И.К. Кима)	176
<i>Орехова В.Д.</i> (Саратов, Россия). «Демократизация по-ливийски»: политический процесс после гражданской войны 2011 года	185
<i>Баранов А.В.</i> (Саратов, Россия). Концепция «Исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи	190
Биографика	
<i>Галямичев А.Н.</i> (Саратов, Россия). Страница творческой биографии С.М. Стама	205
Публикации	
<i>Аврус А.И.</i> (Саратов, Россия). «Юность комсомольская моя...»: Страницы воспоминаний	214
<i>Щавелёв С.П.</i> (Курск, Россия). «...Для увековечивания памяти государственных и общественных деятелей» (рукопись курского краеведа А.А. Танкова «Исторические монументы в провинции» России 1890-х годов)	233
Обзоры и рецензии	
<i>Степанов Ю.Г.</i> (Саратов, Россия). Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2014. – 456 с.	265
Памяти...	
<i>Дмитриева О.Н., Степанов Ю.Г.</i> (Саратов, Россия). Памяти Николая Алексеевича Троицкого (1931–2008)	277
Сведения об авторах	284

CONTENTS

History, the power and mass consciousness	
<i>Vilkov A.A.</i> (Saratov, Russia). Polyethnicity and multiculturalism as factors of political identity in modern world	9
<i>Kalashnikov M.V.</i> (Saratov, Russia). The genealogy of the concept of «Liberalism»: II. Libertines (libertenes) and libertinage	21
<i>Vishlenkova E.A., Ilina K.A.</i> (Moscow, Russia). Reform of University Archives in the 1830-th Russia	40
<i>Hanus S.A.</i> (Uzhgorod, Ukraine). «The Parable of the four counties»: north-eastern borders of the foreign policy of Ukrainian state forces during the national revolution of 1917–1920	59
 From the oblivion policy to the memory policy	
<i>Shestov N.I.</i> (Saratov, Russia). Mechanisms of «forgetting» in the structure of historical memory.....	76
<i>Kobylin I.I., Nicolai F.V.</i> (N. Novgorod, Russia). The redefining of the borders of community: cultural memory, trauma, biopolitics	90
 West on East, East on West: cross-cultural relationships, mutual perception and historical memory	
<i>Kowalczyk M.E.</i> (Wrocław, Poland). The experience of Poles of the XVIII century in direct confrontation with East and West (translated from polish of I.K. Kim)	104
<i>Gladishev A.V.</i> (Saratov, Russia). Siberian «monsters» and the French «marble heart» in Neufchateau in 1814's year	116
<i>Totfalushin V.P.</i> (Saratov, Russia). Prisoners of the Russian-Turkish war of the 1877–1878 in the Saratov region	128
<i>Krelenko N.S.</i> (Saratov, Russia). North Africa in the works of E. Fromentin, painter and writer	135
<i>Kostina A.K.</i> (Saratov, Russia). The oriental subjects in the creation of W.H. Hunt	143
<i>Popov D.A.</i> (Saratov, Russia). The «naturalists» against the «romantics»: French art of the XIX century through the eyes of Emile Zola	151
<i>Kim I.A., Li Khen Kyn</i> (Volgograd/Moscow, Russia). Peculiarities of ethnic stereotypes of Russian Koreans (on the example of the Low Volga region)	162
<i>Cherevichko T.V.</i> (Saratov, Russia). The role of tourism in the development of cross-cultural relations	170

The memory about conflict or the conflicts of memory	
<i>Tsykhoratsky P.</i> (Wrocław, Poland). Contrary to the tradition of mutual hostility. From the history of Polish-Russian cooperation in 1920 (translated from polish of I.K. Kim)	176
<i>Orekhova V.D.</i> (Saratov, Russia). «Democratization in Libya»: Political process after the Civil war of 2011	185
<i>Baranov A.V.</i> (Saratov, Russia). The concept of «Islamic awakening» of Ayatollah Ali Khamenei	190
Biographical researches	
<i>Galymichev A.N.</i> (Saratov, Russia). Page of the creative biography of S.M. Stam	205
Publications	
<i>Avrus A.I.</i> (Saratov, Russia). «My Komsomol youth...»: Pages of memories	214
<i>Shavelyov S.P.</i> (Kursk, Russia). «...To perpetuate the memory of State and public figures» (Kursk ethnographer A.A. Tankov`s manuscript «Historical monuments in the province of» Russia of the 1890s)	233
Reviews	
<i>Stepanov Y.G.</i> (Saratov, Russia). Troitskiy N.A. Sofia Lvovna Perovskaya. Life. The person. Destiny. – Saratov State University, 2014, – 456 p.	265
In memory of...	
<i>Dmitrieva O.N., Stepanov Y.G.</i> (Saratov, Russia). In Memory of N.A. Troitskiy (1931-2014)	277
Data on authors	284

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

УДК 32.019.51

ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А.А. Вилков

Саратовский государственный университет,
юридический факультет,
кафедра политических наук
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье проанализированы основные проблемы и противоречия этноса, нации и мультикультурализма в качестве факторов политической идентичности в рамках суверенных государств в условиях процессов глобализации. Рассмотрена функциональность «перезаформатирования» исторической памяти в качестве одного из оснований политики soft power и предпосылки подготовки и осуществления «цветных» революций в различных странах.

Ключевые слова: этнос, нация, полиэтничность, политика мультикультурализма, политическая идентичность, историческая память, soft power, «цветные» революции.

POLYETHNICITY AND MULTICULTURALISM AS FACTORS OF POLITICAL IDENTITY IN MODERN WORLD

A.A. Vilkov

Saratov State University

Main problems and controversies of an ethnic group, nation, and multiculturalism as factors of political identity in sovereign states within the process of globalization are analyzed in this article. The author investigates functionality of “reformatting” historical memory as one of the bases of soft power and preconditions of preparing and implementation of “colored” revolutions in different countries.

Key words: ethnic group, nation, polyethnicity, politics of multiculturalism, political identity, historical memory, soft power, “colored” revolutions.

Проблема этнокультурных факторов в формировании политической идентичности всегда играла значимую роль, но особую актуальность приобрела после разрушения СССР и восточного блока. Обусловлена эта актуализация достаточно противоречивыми процессами. С одной стороны, получение статуса суверенных государств бывшими советскими республиками предопределило усиление националистических настроений «титulyных» этносов, в том числе и в автономиях Российской Федерации, что привело к целому ряду конфликтных и кризисных ситуаций. С другой стороны, нарастание процессов глобализации и миграционных процессов, усиление политической и социально-экономической значимости наднациональных институтов в рамках интеграционных процессов европейского сообщества, в которые были включены и многие бывшие союзники СССР по социалистическому лагерю, поставили вопрос о самих перспективах сохранения идентичности национальных государств. Одной из важнейших проблем стало переписывание истории и целенаправленное «перереформативание» исторической памяти многих народов СССР и Восточной Европы, которая является одним из ключевых факторов этнической и политической идентификации.

Вновь были актуализированы многие «традиционные» вопросы. Что такое нация в условиях, когда даже многие национальные государства, традиционно признаваемые как моноэтничные (такие как Франция, Германия, Италия), в силу разных причин становятся мультикультурными? Может ли быть единой национальной идентичность в таких странах, с учетом, что культурные различия нередко служат основой серьезных социально-политических конфликтов? Какая модель должна лежать в основе общегосударственной идентичности сложносоставных, полиэтничных и мультикультурных обществ: «империи», «плавильного котла», или «винегрета»?

Среди распространенных подходов к проблематике нации и национализма наиболее известны примордиализм¹ и конструктивизм.

---

¹ Некоторые подходы, например, перенниализм (или историцизм), этносимволизм, как представляется, вписываются в направление примордиализма по ключевому принципу – признанию этнического начала в качестве первоосновы нации. Возможность такого отнесения, на наш взгляд, обусловлена тем, что сам примордиализм включает в себя несколько направлений (например, радикальных сторонников социобиологической трактовки нации и более умеренных сторонников эволюционно-исторической ее интерпретации).

Примордиалисты (от лат. *primordial* – изначальный) этнос признают в качестве первозданной общности людей, заявляющей о себе в истории и реальной жизни в неповторимых исторических формах наций, имеющих особые конкретные признаки. Их критики указывали на то, что многие нации образовывались на основе различных этносов. Французская нация, например, включила гасконцев, бургундцев, бретонцев, и др. Германскую нацию также составили многие субэтносы: баварцы, саксонцы, гессенцы, тюрингцы, померанцы, мекленбуржцы, швабы, и др.

По мнению конструктивистов (Б. Андерсон), этносы и нации представляют собой искусственные образования, целенаправленно созданные политическими и интеллектуальными элитами, и есть не что иное как способ субъективной идентификации индивидов, существующий лишь в их сознании. Не случайно Б. Андерсон определяет нации и этносы как «воображаемые сообщества», которые существуют лишь в головах рационально мыслящих индивидов. Поэтому конструктивисты акцент делают на том, что появление наций стало результатом индустриализации и культурной революции, продуктом повсеместного распространения грамотности и СМИ. По их мнению, в доиндустриальную эпоху главную роль в идентификации традиционных обществ играли не этносы, а сословия и религия. Такие жесткие утверждения подвергали сомнению объективный характер существования самой этничности. Поэтому постконструктивисты (И. Валлерстайн, Р. Брубейкер) акцент стали делать на том, что нацию невозможно сконструировать, не опираясь на конкретный этнический материал, на этнокультурные особенности, имеющуюся систему ценностей, взглядов и стереотипов.

В любом случае – главный смысл подхода конструктивистов заключается в том, чтобы с помощью тезиса о «воображаемости» наций обосновать возможность «переформатирования» различных наций в единое наднациональное сообщество «граждан мира». Идея эта, как представляется, не нова и высказывалась многими мыслителями (в том числе и теоретиком коммунистического проекта К. Марксом), но в современных условиях, под нее подводится довольно реальная практическая политика глобализации. Наиболее продвинутым ее проектом стал Европейский Союз.

Не случайно У. Бек, оценивая характер глобализирующейся экономики, отмечал наличие новых властных центров принятия

ключевых решений «...в облике централизованно планируемого, глобально оперирующего концерна, который развивает раскинувшуюся на весь мир сеть, состоящую из центра, опорных пунктов, филиалов, участников и партнеров. Организация этой сети более или менее иерархична, власть сосредоточена в центре и разветвляется посредством изолированной информационной техники и командных центров, доходя до капилляров местного производства»².

Однако возникает вопрос, как в рамках этого процесса глобализации минимизировать последствия социально-политических конфликтов, которые постоянно возникают в результате нежелания многих этнических групп и наций утратить свою идентичность и раствориться в глобализированном космополитическом сообществе. Эти конфликты возникают не только в развивающихся странах, стремящихся защитить суверенное право на сохранение своей самобытности и социокультурного своеобразия, но и в демократических странах, подвергшихся воздействию мощных миграционных потоков представителей иной цивилизационной идентичности.

Использование неолиберализма в качестве доминирующей идеологии глобализации оказалось недостаточным для адаптации представителей самых разных культур и религий в единое сообщество. Данная идеология оказалась «социально действенной лишь в среде богатых»³. Концепция мультикультурализма и была предназначена для замены данной неолиберальной модели. Ее целью было обозначено разрешение конфликтных отношений за счет формирования некоего универсального мультикультурного ядра, концентрирующего ценностно-мировоззренческие достижения различных культур.

Само понятие мультикультурализм получило множество измерений и трактовок не только в теоретическом плане, но и, в том числе и политико-правовом статусе. Например, в «Хартии Европейского Союза об основных правах» (2000), подчеркивается,

---

² Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика / пер. с нем. А.Б. Григорьева, В.Д. Седельника; послесл. В.Г. Федотовой, Н.Н. Федотовой. М., 2007. С. 194.

³ *Монтес Мануэль Ф.* Финансовые крахи, социальное неравенство и глобальный капитализм: к вопросу о необходимости новой культуры глобализации // Диалог культур в условиях глобализации. XXII международные Лихачевские научные чтения 17–18 мая 2012 года. СПб., 2012. С. 154.

что «Союз уважает культурное, религиозное и языковое разнообразие»⁴. В некоторых странах мультикультурализм закреплён в качестве политики обеспечения единства нации и вовлечения граждан в строительство многоукладной социальной, культурной среды с различными расовыми и этническими корнями. Подобная политика предполагает равенство, свободу выбора и партнёрство представителей различных культур⁵. Ещё один аспект мультикультурализма касался установления институционального равенства для меньшинств, «прежде дискриминированных, маргинализированных и часто презираемых этнических групп»⁶. Наиболее одиозно он был реализован в политике легализации однополых браков, которая вызвала массовые протесты во многих европейских странах и тем самым отнюдь не способствовала формированию универсального мультикультурного ядра.

Но гораздо большую роль мультикультурализм должен был сыграть в обеспечении политики *soft power* (мягкой силы), как более эффективной в обеспечении процессов глобализации. Она стала использоваться как «притягательная сила различных ценностей, устойчиво ассоциируемых с некоторой страной. К их числу относятся культурные ценности данной страны, организация и уровень жизни в ней, качество образования и т. д.»⁷. Одним из самых эффективных инструментов «мягкой силы» и стала политика мультикультурализма, которая должна была продемонстрировать всем странам достижения западной цивилизации, как единственно прогрессивной модели для всех других стран.

Это вовсе не означает, что США и их союзники отказались от использования военной силы в достижении своих целей. Война в Ираке, в Югославии, в Афганистане, военное вмешательство в Ливии, во многие другие локальные конфликты, свидетельствуют, что «железный кулак» США и НАТО, основанный на технологическом преимуществе, может быть использован в любое вре-

---

⁴ Цит. по: Молчанов С.Н. Европейское право и сохранение культурного наследия народов Европы // Cultivate Russia. Web Magazine. 2003. № 2. URL: http://www.cultivate.ru/mag/issue2/EU_cul_heritage.asp (дата обращения: 1.04.2014).

⁵ См.: Этнокультурная мозаика Канады и проблемы канадской идентичности // Материалы междисциплинарного семинара (РОИК). М., 2003.

⁶ Тернборн Г. Мультикультуральные общества // Социологическое обозрение. 2001. Т. . № 1. С. 51.

⁷ Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. Аналитические доклады. Вып. 1 (36). Март. М., 2013. С. 17.

мя и в любой точке земного шара, независимо от решения ООН и норм международного права.

Важнейшим направлением внешней политики США и их союзников, нацеленным на изменение политической конфигурации мира в постсоветский период, стала организации и поддержка так называемых «цветных» революций. По мнению Е.Г. Пономаревой, ключевым элементом технологии таких революций является именно стратегия использования soft power. В значительной степени она реализуется посредством предоставления услуг высшего образования и развития наук, «в том числе общественных, основная задача которых заключается в производстве смыслов – теорий и концепций, легитимизирующих позицию и взгляды этого государства»⁸. В результате США и страны НАТО получают подготовленную «пятую колонну» в составе образованной части общества тех стран, в которых реализуется стратегия цветных революций. Она необходима для того, чтобы подготовить необходимую социальную базу и социокультурные предпосылки для революционных преобразований.

По мнению исследователей, любая социальная революция сопровождается переворотом в символическом восприятии окружающего мира в его историческом, настоящем и будущем измерении. Алгоритм этого переворота реализуется по такой примерной схеме: «1) происходит смена сакральной зоны: общество снимает защиту со своих прошлых богов - разворачивается критика, которая расчищает место для новых богов; 2) новая сакральность воплощается в точном отборе символов – происходит смена названий городов, улиц, замена памятников; 3) как результат предыдущих этапов – смена зоны агрессии: общество меняет иерархию в системе «друг – враг»; 4) старые тексты теряют свою актуальность; производится большое количество идеологических текстов, призванных обосновать смену политических декораций; 5) на политическую сцену выходят специалисты вербального плана – журналисты, писатели, ученые; 6) символические процессы, кажущиеся неуправляемыми, на самом деле четко направлены к определенной цели»⁹.

---

⁸ Пономарева Е. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. 2012. № 3/4. С. 46.

⁹ Князева М.И., Фадеева Н.И., Холкин И.Н. Информационное пространство социокультурной идентичности // URL: www.isiksp.ru/library/knyazeva_mm/knyazeva-000004.html (дата обращения: 5.04.2014).

Фактически, данная модель основывается на изменении механизмов политической идентификации определенной части населения какой-либо конкретной страны. Суть их сводится к тому, что с помощью целенаправленной демонстрации достижений политики мультикультурализма западноевропейских демократических стран формируется их положительный образ и соответственно меняются интенции их идентификации в массовом сознании в контексте восприятия «свой – чужой». Все это можно было бы воспринимать как нормальную конкуренцию демократической модели общественно-политического и социально-экономического устройства с авторитарными или архаичными порядками различных стран, если бы не одно обстоятельство. Связано оно с тем, что одновременно активно идентифицируется образ нового внутреннего и внешнего врага. Позиционируются они в неразрывной связи друг с другом: Внутренний враг – это действующее правительство, которое в своей политике полностью противоречит демократическим принципам, а, следовательно, и интересам большинства населения. Внешний враг – это те страны (страна) которые сотрудничают с «антинародным» режимом, тем самым поддерживая и укрепляя его позиции.

Реально, как показывает опыт большинства «цветных революций» на постсоветском пространстве (в Грузии, Киргизии, Украине), а в определенной степени и опыт «арабской весны» (Тунис, Египет, Йемен, массовые протесты во многих других арабских странах), основная цель их состоит в свержении правительства, которое в своей политике не отвечает (или перестало отвечать) в чём-либо интересам США и их союзников.

При этом существует достаточно серьезный риск, что в результате революционного переворота к власти придут политические силы, которые в своей деятельности не захотят ориентироваться на интересы США и их союзников. Но даже в этом случае, стратегическая задача-минимум цветной революции оказывается достигнутой – неуютное правительство оказывается свергнутым, в стране чаще всего наступает постреволюционный хаос и обострение внутренних проблем общества, следовательно, минимизирована реальная или воображаемая угроза американским геополитическим интересам. Гражданские войны в Ливии, Сирии показывают, что если у оппозиции в «стране-изгое» недостаточно сил для свержения действующего правительства, то ей может быть оказана не только информационная, но и финансовая, ма-

териальная, организационная и иная поддержка, вплоть до вооруженной интервенции силами натовской коалиции.

Вторая война США в Ираке, которая началась в 2003 г., стала наглядным примером соотнесения «кнута и пряника», жесткой и мягкой силы в отношении «стран-изгоев». Решив задачу свержения режима С. Хуссейна, американцы использовали масштабную программу «строительства гражданского общества» в оккупированном Ираке. Вот как характеризует ее один из руководителей реализации данной программы: «И вот мы снова оказались на войне по образцу вьетнамской. Недостаточно было просто убивать людей и сравнивать с землей их деревни. Мы должны были завоевывать сердца тех, кто остался жив, заставлять их принять демократию и стать нашими союзниками. Мы должны были одержать победу, не усмирив Ирак при помощи нашего оружия, а только тогда, когда страна станет достаточно стабильной, чтобы существовать без нашей поддержки. Это была борьба против повстанцев за сердца и умы населения, мягкая сила – называйте, как хотите»¹⁰. Проект обошелся американскому налогоплательщику более чем в 63 миллиарда долларов, но как «выяснила правительственная инспекция, усилия были сведены на нет огромным количеством бессмысленных трат, неэффективностью, управленческими ошибками, неверным выбором направлений и уязвимостью структур»¹¹. Реальным результатом такой «демократизации» Ирака стала продолжающаяся по сей день кровопролитная гражданская война, социально-политическая и социально-экономическая нестабильность.

Своеобразным примером использования soft power для подготовки «цветной революции» стали события на Украине. Одним из важнейших инструментов ее реализации стало избирательное отношение к исторической памяти украинского народа. Суть его состояла в том, что в информационном пространстве и в деятельности основных институтов политической социализации Украины целенаправленно предавалось забвению все конструктивное и положительное, что связывало совместную историю украинцев в составе России и СССР, а акцент делался на апелляции к негативным сюжетам в исторической памяти населения.

---

¹⁰ «Мы хотели как лучше». Питер ван Бурен: как я помог проиграть войну за сердца и умы иракского народа.// URL: <http://inosmi.ru/world/20120610/193397549.html> (дата обращения: 22.04.2014).

¹¹ Там же.

Темы сталинского «голодомора», поиски примеров «колониального угнетения» Украины со стороны России культивировались и поддерживались с помощью выделения западных грантов на научные исследования по данной проблематике и зарубежные поездки студентов, аспирантов и преподавателей украинских вузов. Огромное количество разнообразных западноевропейских НКО активно работали на территории Украины на протяжении всего постсоветского периода. Не случайно, что президент Национального фонда демократии Карл Гершман (Carl Gershman) еще в сентябре 2013 г. (т. е. задолго до начала украинских кризисных событий) назвал в своей статье в *Washington Post* Украину «главным призом» деятельности фонда¹².

Характерное для стратегии *soft power* распространение либерально-демократических ценностей среди украинского населения сопровождалось разжиганием националистических настроений, направленных против России, против общих культурных и религиозных корней, против многовекового братства славянских народов, скрепленного и освященного участием в кровопролитных войнах по защите единого Отечества. Вместо этого стал культивироваться и героизироваться образ борцов за украинскую самостоятельность и исторические эпизоды борьбы против России. Наиболее одиозным образом героя независимой Украины стал фашистский пособник С. Бандера и возглавляемое им движение ОУН.

В результате украинское общество оказалось расколотым не только географически, но и идейно. На Западе преобладают те, кто ориентирован на вхождение в европейский союз и тесную политическую, экономическую, военную и культурную интеграцию с Западной Европой. На востоке и юго-востоке преобладают сторонники тесного сотрудничества с Россией в рамках таможенного союза и сохранения всесторонних братских связей во всех сферах общественной жизни.

Первый опыт цветной революции в его «оранжевом» варианте был реализован в период с ноября 2004 г. по январь 2005 г. и представлял собой постоянно действующий митинг и палаточный лагерь на Майдане в знак протеста сторонников В. Ющенко против победы В. Януковича на выборах Президента Украины. Главным инструментом проявления политики «мягкой силы»

---

¹² *Пэрри Р.* *New York Times* «несколько скорректировала» позицию по Украине // URL: <http://inosmi.ru/world/20140506/220062869.html> (дата обращения: 6.05.2014).

стала моральная и информационная поддержка протестующих со стороны США и Евросоюза, заявлявших, что их наблюдатели выявили многочисленные нарушения в ходе выборов. Это стало главным стимулирующим фактором протестного движения, которое привело в конце концов к тому, что Верховный суд Украины отменил результаты выборов и обязал провести повторный тур голосования, на котором В. Ющенко одержал победу с перевесом в 8%.

Однако политика прозападного президента Украины не получила поддержки и уже на следующих выборах победу одержал В. Янукович. Его легитимность не подвергали сомнению даже США и их союзники. Тем не менее, после того как украинский Президент временно отложил в ноябре 2013 г. подписание соглашения об ассоциации с ЕС (в виду того, что Президент РФ, используя «мягкую силу», предложил программу выгодного экономического партнерства), в Киеве вновь начались митинги протеста против политики Януковича. С течением времени радикализм оппозиционных требований нарастал и главной ударной силой Майдана стали хорошо организованные националистические силы «Правого сектора» и движения «Свобода». Протестующие получили полную информационную и моральную поддержку со стороны Европейского союза и США. На Майдане побывали видные официальные представители западноевропейских стран, которые открыто призывали украинскую оппозицию вести «демократическую» борьбу до победного конца. Среди них американские сенаторы Джон Маккейн и Крис Мерфи, заместитель госсекретаря США Виктория Нуланд и посол США в Украине Джеффри Пайетт, спикер литовского Сейма Лорета Граужинене, комиссар ЕС по внешней политике Кэтрин Эштон, главы внешнеполитических ведомств Канады и Германии – Джон Бэрд и Гидо Вестервелле, экс-премьер Польши Ярослав Качиньский, а также экс-президент Грузии Михаил Саакашвили. Виктория Нуланд, например, раздавала печенье и пирожные на Майдане, символически подчеркивая мирный характер демонстрации.

Фактически это стало грубейшим нарушением норм международного права и открытым вмешательством во внутренние дела суверенного государства. Именно США и их союзники открыто угрожали Януковичу в случае силового варианта разгона «мирных» демонстрантов, которые в это время уже демонстриро-

вали всему миру активное использование «коктейлей Молотова» против безоружных сил правопорядка.

Проявление двойных стандартов в оценке происходящего было и остается очевидными. Например, во Франции, Германии, США, Канаде законодательно закреплён запрет на ношение на демонстрациях шлемов, щитов, масок. Нарушение этого требования влечет за собой серьезные последствия для митингующих. Но их повсеместное использование на Майдане не вызывало никаких негативных оценок со стороны западных правозащитников. Насильственный захват власти сторонниками евроинтеграции был официально признан как легитимный по причине того, что, по мнению западных наблюдателей, на Майдане были представлены «все» регионы Украины, следовательно, «весь» украинский народ. Вопросов о том, кто и каким образом уполномочил двух-трех человек в палатке с надписью «Симферополь» представлять интересы всего населения Крыма, или в палатке с надписью «Донецк» – все население Донецкой области – у западных правозащитников не возникало. Не возникало их и в отношении ярых националистов, поведение которых в отношении законных представителей власти Украины носило явно экстремистский характер.

Однако после начала массовых протестов на Юго-Востоке Украины против политики прозападно ориентированной Киевской власти, позиция Запада вдруг радикально изменилась. Поддержку западных лидеров получило не только использование армии и других силовых структур для подавления «террористов» и «сепаратистов» в пророссийских регионах, но и привлечение вооруженных радикальных националистических движений для борьбы с протестующим населением.

Это стало еще одним свидетельством в пользу того, что полиэтничность различных стран используется США и их союзниками на основе двойных стандартов, с ориентацией на свои собственные глобальные стратегические интересы. Поэтому, в одних случаях, они поддерживают и всячески культивируют этнонационалистические движения в полиэтничных странах и их борьбу вплоть до признания права на создание собственного государства (как это было с Косово), в других акцент делают на необходимости использования опыта проведения политики мультикультурализма в рамках единого национального государства, подчеркивая незыблемость существующих границ.

Последствия разрушения СССР показали, насколько опасна такая целенаправленная политика разжигания межэтнических противоречий в отношении полиэтничной и поликонфессиональной страны. Как представляется, обострение отношений с США и их союзниками по поводу Украины должно подтолкнуть Россию не только к укреплению своего военного потенциала, но и к извлечению урока в выстраивании отношений на евразийском пространстве с бывшими союзными республиками на основе своей собственной конкурентоспособной политики «мягкой силы». Тем более что нарастающие миграционные потоки в Россию свидетельствуют о том, что накопленный за период совместного проживания в едином государстве (даже с учетом накопившихся исторических обид и противоречий) потенциал российской привлекательности и притягательности для бывших союзных республик используется далеко не в полную силу. Для его активизации, в арсенале политики «мягкой силы» целесообразно использовать и инструменты исторической памяти народов дореволюционной России и СССР о героическом прошлом и великих достижениях единой державы, невозможных без объединенных усилий и вклада представителей каждого большого и малого народа.

ГЕНЕАЛОГИЯ ПОНЯТИЯ «ЛИБЕРАЛИЗМ»: II. ЛИБЕРТИНЫ (ЛИБЕРТЕНЫ) И ЛИБЕРТИНАЖ¹

М.В. Калашников

Саратовский государственный технический
университет имени Гагарина Ю.А.,
кафедра истории Отечества и культуры
E-mail: kalash.mv@mail.ru

В статье на материале европейской истории Нового времени исследуется генеалогия понятия «либерализм». Рассматриваются социальные и мистико-символические практики протестантизма, розенкрейцерства, масонства и либертинажа в их связи с античным фаллическим культом Либеры (Вакха, Диониса) и наследием гностиков. Для анализа понятий использован метод историко-семантического анализа.

Ключевые слова: Либер (Вакх, Дионис), либертинаж, либертины (либертены), масонство, понятие «либерализм», протестантизм, розенкрейцерство.

M.V. Kalashnikov

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

THE GENEALOGY OF THE CONCEPT OF "LIBERALISM": II. LIBERTINES (LIBERTENES) AND LIBERTINAGE

The article examines the genealogy of the concept of "liberalism" on the basis of the history of the Modern Age in Europe. It explores social and mystical and symbolic practices of Protestantism, Rosicrucianism, Freemasonry and libertinage with regard to their connection to the Antiquity's phallic cult of Liber (Bacchus, Dionysus) and to the legacy of the gnostics. The methods of historical semantics are being used to analyze the concepts.

Keywords: Liber (Bacchus, Dionysus), libertinage, libertines (libertenens), Freemasonry, the concept of "liberalism", Protestantism, Rosicrucianism.

На волне ранневозрожденческого гуманизма, когда, по словам Петрарки «И плотники, и крестьяне бросили свое дело и толкуют о музах и Аполлоне», в середине 70-х гг. XIV в. на севере Италии начинается восстание против власти иноземного папства

---

¹ Продолжение. Начало см.: Калашников М.В. Генеалогия понятия «либерализм»: I. Либер и либертины // История и историческая память. Саратов, 2013. Вып. 7-8. С. 122-143.

и господства католического духовенства. Восстание начала богатая торгово-ростовщическая Флорентийская республика, полностью подчинив духовную власть светской. В ходе восстания, вероятно впервые накануне Нового времени, появляется sacramентальное «libertas». Немецкий историк второй половины XIX в. Ф. Грегоровиус писал: «Разносимо было красное знамя с надписью серебряными буквами на оном Libertas, и вскоре застонала вся Тоскана и церковная область от опьяняющих кликов “Свобода! Свобода!”»².

В конце 20-х – начале 30-х гг. XVI в. на волне радикальной Реформации в Нидерландах и в рейнской области Германии (Страсбург), затем во Франции (Руан, Париж) и в Женеве в неординарном движении анабаптистов появляется секта «спиритуалов» («духовных»). В Европе того времени они были известны и как «либертины» или «духовные либертины»³. Они выступали с критикой как католической, так и протестантской Церквей и отвергали существующую в них обрядность. Более того, они, отвергая христианскую мораль, отрицали необходимость существования таких социальных институтов как государство и семья, которые, по их мнению, стесняли свободу человека. Против секты «спиритуалов» выступили как католики, так и протестанты.

Активную борьбу с сектой «спиритуалов» вел французский богослов Ж. Кальвин, ставший одним из лидеров Реформации и основателем специфического направления протестантизма получившего название кальвинизм. В 1541 г. Ж. Кальвин, отличавшийся крайней религиозной нетерпимостью, становится фактическим диктатором Женевы и превращает ее в один из центров Реформации. Опровержению взглядов приверженцев секты «спиритуалов» Ж. Кальвин посвятил в 1545 г. специальное сочинение – памфлет «Contre la secte phantastique et furieuse des Libertins qui se nomment spirituelz»⁴ («Против фантастической и неистовой секты либертинов, которые называют себя духовными»). Таким обра-

---

² Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). М., 2008. С. 1141.

³ Уоллес Р.С. Кальвин, Женева и Реформация: Изучение Кальвина как общественного деятеля Реформации, церковнослужителя, пастора и богослова. СПб., 2005. С. 43.

⁴ Calvin J. Contre la secte phantastique et furieuse des Libertins qui se nomment spirituelz // Ioannis Calvini Opera Quae Supersunt Omnia. 55 v. Brunsvigae, 1868. V. 7. Col. 145–248.

зом, именно Ж. Кальвин, явно отталкиваясь от описанного А. Августином⁵ древнеримского культа Либера, уже в Новое время ввёл во французский язык новое слово – либертины.

Заметим, что с точки зрения традиционного предметно-номиналистического подхода к либерализму все представляется в обратной перспективе. Так, например, американский исследователь У. Дюран, полагая, что слово либертин имело в XVI в. то же значение, что и слово либерал в середине XX в. (сторонник «свободы совести и вероисповедания»), писал: Ж. Кальвин, обличая моральную распушенность духовных либертинов, «придал слову либертин новую коннотацию»⁶, то есть *впервые* употребил его в негативном значении «распутник».

Основную массу членов секты «спиритуалов» составляли простолюдины, то есть плебс. «Плебейская принадлежность и невежество идеологов этой секты, – как пишет Н.В. Ревуненкова, – стали для Кальвина одним из мотивов ее дискредитации». В памфлете против секты «спиритуалов» Ж. Кальвин представил их сознательными обманщиками, «отравителями народа», подчеркнув антихристианскую сущность их учения. Отвергая христианские догматы о сотворении мира, о Христе, о грехе и воздаянии «спиритуалы» или, как их называл Ж. Кальвин, «духовные либертины», полагали относительным и различие добра и зла. Придерживаясь пантеизма, «духовные либертины» положили в основу своего учения игровое и смеховое восприятие мира. Земной мир они представляли подобием божественной игры и считали, что духовная свобода и рай возможны и на земле, а не в «ином мире», как гласили христианские догматы⁷.

В борьбе против «духовных либертинов» Ж. Кальвин провел в Женеве ряд жестких реформ направленных на утверждение «мирского аскетизма» и укрепление христианской морали. Посещения церковной службы стали обязательными. Одновременно запрещались развлечения, театр, танцы, яркие одежды (особенно красного цвета) и громкий смех.

---

⁵ Ж. Кальвин ссылается на книгу А. Августина «О Граде Божиим» (*Calvin J. Contre la secte phantastique et furieuse des Libertins qui se nomment spirituelz. Col. 205*).

⁶ *Durant W. The Reformation. A History of European Civilization from Wyclif to Calvin: 1300–1564. New York, 1957. P. 469.*

⁷ *Ревуненкова Н.В. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М., 1988. С. 159–173.*

В рамках протестантизма среди различных сект и течений оформляется и откровенно антихристианское направление. В 1540-х – начале 1550-х гг. появляются «ахристы» (achristes), то есть те, кто отвергал идею откровения и не признавал божественность Иисуса Христа. В этот же период, как писал Ю.Б. Вишпер, «...возникает и получает распространение (первоначально по-гречески, затем на латинском и, наконец, на французском языке) термин “атеист”»⁸.

Под влиянием идеологии духовных либертинов в середине XVI в. появляется и поэзия либертинажа. Вокруг молодого французского поэта, впоследствии католического священника, П. де Ронсара складывается поэтический кружок (группа) «Пляда» (первоначально Бригада). Для творчества «Пляды» и, в особенности П. де Ронсара, характерно возвращение к античным мотивам и образам. В 1549 г. П. де Ронсар пишет стихотворение «Вакханалии или наивеселейшее путешествие в Аркейль, что под Парижем, посвященное жизнерадостной компании его спутников», в 1553 г. – «Дифирамбы в честь козла Этьена Жоделя, трагедийного поэта», в 1554 г. – «Гимн Вакху». В первой половине 1550-х гг. для поэзии П. де Ронсара характерны вакхические мотивы. В «Вакханалиях», как пишет Ю.Б. Вишпер, «...мы обнаруживаем отдельные мотивы, восходящие к древнегреческому наследию, они все же в первую очередь проникнуты латинским по своим истокам и природе художественным началом. Иное дело “Дифирамбы”. Они овеяны греческим “духом”. Экстатическое прославление Вакха – Диониса из побочной темы становится основной <...> Творчеству Ронсара первой половины 50-х годов свойствен культ Вакха. Своего апогея он достигает именно в “Дифирамбах”. Вакх выступает здесь как могущественнейший из небожителей, власть которого, по существу, безгранична»⁹.

В различных мистических (окультиных) течениях, сектах и тайных обществах распространившихся в Европе в эпоху Возрождения и Реформации, а впоследствии и Просвещения, в той или иной степени использовалось наследие поздней античности и гностиков, воссозданное, впрочем, не как живая традиция, а как реконструированное книжное знание. Пошли в ход и различные

---

⁸ Вишпер Ю.Б. Поэзия пляды: Становление литературной школы. М., 1976. С. 85.

⁹ Там же. С. 337–338.

метафорические и метонимические имена и символы Либера (Диониса, Вакха).

Д. Бруно, беглый итальянский монах-доминиканец или, как он сам себя называл, «доктор самой изошрённой теологии, профессор самой чистой и безвредной магии», в книге «Изгнание Торжествующего Зверя», написанной в Англии в 1583–1585 гг., упоминает «отца Либера» в мифологическо-астрономическом контексте: «...венец Ариадны (Северная корона. – М. К.), в котором блещут 8 звезд и который сияет перед грудью Волопаса и кольцами Змеи, там единственно ради вечного воспоминания о беспорядочной любви отца Либера (Диониса. – М. К.), который сошелся с дочерью критского царя, отвергнутой насильником Тезеем»¹⁰.

Именно в период своего пребывания в Англии Д. Бруно «проповедовал необходимость возврата к магической религии Египта» отождествляя герметизм, магическое и оккультное учение, якобы восходящее к полумифической фигуре египетского жреца и мага Гермеса Трисмегиста, с египетской религией. То есть Д. Бруно, как пишет М. Элиаде, «...исповедовал религиозный универсализм, основывающийся на египетской магии»¹¹. В 1585–1591 гг. Д. Бруно находился в Германии, где основал среди лютеран герметическую секту «джорданистов»¹².

Английский историк идей Ф.А. Йейтс в книге 1972 г. писала: «Мы знаем, что период конца XVI – начала XVII века был эпохой расцвета тайных обществ, однако не представляем себе ни какие отношения связывали эти общества, ни чем они отличались друг от друга»¹³. Вряд ли за последние сорок лет ситуация изменилась. Но есть нечто общее, что эти общества, по крайней мере, ведущие, связывает, и если не в организационном отношении, то в идейно-символическом. Если оставить в стороне каббалу и алхимию, таким знаком-символом был Либер (Дионис, Вакх).

Распространение в Европе XVII–XVIII вв. палладианства (классицистического стиля в архитектуре) по времени синхронно рас-

---

¹⁰ Бруно Д. Изгнание Торжествующего Зверя. Самара, 1997. С. 67. В древнегреческой мифологии Ариадна – «податливая» жена Диониса. См., например: Бакстон Р. Критский Эрос, или странные судьбы Ариадны // Русская антропологическая школа. Труды. М., 2004. Вып. 1. С. 302–309.

¹¹ Элиаде М. История веры и религиозных идей: в 3 т. М., 2002. Т. 3. С. 231.

¹² О Д. Бруно см.: Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000.

¹³ Йейтс Ф. Розенкрейцерское Просвещение. М., 1999. С. 380.

пространению масонства. И то, что одним из символов масонского «делания» является обломанная колонна, над которой восходит солнце, совсем неслучайно. Не говоря уже о кронциркуле и мастерке. Ф.А. Йейтс писала: «...складывается впечатление, что отделение “спекулятивного” масонства от масонства “оперативного” было каким-то образом связано с возрождением интереса к Витрувию и классической архитектуре <...> франкмасонство как институт (а не как масонская легенда) начиналось в Англии параллельно с распространением “Августова” архитектурного стиля, впервые введенного Иниго Джонсом [в начале XVII в.]»¹⁴.

Вследствие тесной связи масонских идей и символики с распространением классицизма в архитектуре, принято считать, что слово масон образовано из французского *maçon* имевшего первоначальное значение «каменщик» и восходящего к среднелатинскому *mationes cementarii*¹⁵. Но есть, однако, и несколько отличающаяся версия этимологии слов масон и масонство.

В начале XX в. И.М. Херасков со ссылкой на английских авторов полагал, что слово *free-mason* – франк-масон (свободный каменщик) перешло в европейские языки из английского. В частности, излагая английскую версию, И.М. Херасков писал: «...это были известные в Англии в эпоху готического стиля *sculptores lapidum liberorum* (первое упоминание – в документе начала XIII века) – “каменотесы *свободных* камней”. “Свободными” камнями (*Free-stones*) в отличие от обыкновенных (*rough-stones*) назывались в Англии более мягкие каменные породы, вроде мрамора и известняка, употреблявшиеся для более тонкой, барельефной работы. Путем сокращения длинного термина *freestone’s mason* и произошло, по этой гипотезе, английское слово *free-mason*»¹⁶ (выделено в публикации. – М. К.).

Не вдаваясь в историко-семантический анализ английских и латинских понятий, наложение семантических полей которых и привело в итоге к образованию понятия «масонство», выскажем ряд предположений. Вероятно, появление прилагательного сво-

---

¹⁴ Йейтс Ф. Указ. соч. С. 376.

¹⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986. Т. 2: (Е – Муж). С. 578.

¹⁶ Херасков И.М. Происхождение масонства и его развитие в Англии XVIII и XIX в. // Масонство: [Сборник]. Репринт. воспроизведение изд.: Масонство в его прошлом и настоящем / под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова: [в 2 т.] М., 1914. [Т. 1]. М., 1991. С. 2–3.

бодный в связке со словом каменщик стало следствием семантического наложения на английское «mason» латинского «artes liberales» (свободные искусства) применительно к архитектуре, которое произошло в позднее средневековье и в эпоху Возрождения (Ренессанса).

Древние греки делили все искусства на свободные и обычные (простонародные), что более известно в латинской традиции как *artes liberales*, то есть искусства свободные от физических усилий – рациональные (умственные), и *artes vulgares* – искусства, требующие физических усилий – ремесленные (прикладные, то есть требующие приложения рук). *Artes liberales*, в которые входила и геометрия, ценились выше, чем *artes vulgares*, включавшие скульптуру и архитектуру. В Средние века это деление сохранялось. Вместе с тем Платон и Аристотель относили архитектуру к созидующим искусствам. В Древней Греции «architekton» – главный «руководитель созидания», «мастер», а «architektonike» имело также общее значение «главной» науки или искусства. Позднее под «главным искусством» стали понимать архитектуру, которая первой из «механических» искусств, как стали называть в Средние века *artes vulgares*, начинает приближаться к искусствам свободным (*artes liberales*). В XV–XVI вв. отдельные авторы, в том числе итальянские, включали архитектуру в *artes liberales*, однако, балансируя на грани между «механическими» и свободными искусствами окончательно она была причислена к последним, которые стали называть изящными искусствами, только во второй половине XVIII века¹⁷.

Заметим, что герметист Д. Бруно в 1589–1590 гг. написал предназначенную для папы Климента VIII книгу «Le sette arti liberali» («Семь свободных искусств»), которая затерялась в архивах Ватикана и не найдена до настоящего времени.

В XV–XVI вв. геометрию, которая является основой архитектуры, как одну из *artes liberales* аллегорически олицетворяла фигура Евклида держащего циркуль. Другими атрибутами геометрии были шар (земной глобус или держава), угольник и линейка.

В «Рукописных Конституциях Масонов», как принято называть несколько средневековых поэм написанных около 1400 г., «оперативное» масонство, то есть ремесло средневековых каменщиков, отождествляется с геометрией, изобретение которой приписыва-

---

¹⁷ См.: Татаркевич В. История шести понятий. М., 2002.

ется в одной из них Тоту-Гермесу или Гермесу Трисмегисту, отождествляемому с Евклидом. Масонство, как пишет Ф. Йейтс, фактически отождествлялось с геометрией как истинным знанием, которое в ренессансной концепции восходит к «древней мудрости». В книге «Конституции Франкмасонов», опубликованной Дж. Андерсоном в 1725 г. приводится напутствие принятому в ложу новому брату, в котором есть такие слова: «Адам, первопрародитель наш, сотворенный по образу Божию, по образу Великого Зодчего Вселенной, должен был иметь Вольные Науки (*Artes liberales*. – М. К.), особенно Геометрию, запечатленными в Сердце Своем...»¹⁸.

Маргарет К. Джейкоб приводит выдержку из другого масонского документа 1659 г., хранящегося в архивах Лондонского королевского общества, в котором «говорится, что “это ремесло (Масонство. – М. К.) было основано благородными королями, принцами и другими почтенными людьми”, и посвящено семи свободным искусствам, в частности геометрии – науке “отца мудрецов” Гермеса...»¹⁹.

Вполне очевидно, что начало различения в Англии в первой половине XVII в. спекулятивного и оперативного масонства означало отделение архитекторов (мастеров), как представителей одного из *artes liberales*, от собственно каменщиков (ремесленников). А для обоснования древности истоков спекулятивного масонства возникают мифические генеалогии, отсылающие к древнейшим временам. В итоге из смешения античных и современных (XVII–XVIII вв.) семантических планов и возникают масонские фантазии о дионисийских каменщиках (мастерах)²⁰ якобы известных с X в. до н. э. – «architekton» («мастер»), архитектура, как одно из *artes liberales* и Либер как Дионис.

---

¹⁸ Йейтс Ф. Ук. соч. С. 374.

¹⁹ Джейкоб Маргарет К. Масонство // Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 276.

²⁰ Впрочем, близкое по названию объединение в Древней Греции было. В IV в. до н. э. древнегреческие актеры для защиты своих интересов образовали в Афинах тесно сплоченное театральное сообщество, члены которого называли себя «Дионисовых дел мастерами». В сообщество входили только свободнорожденные мужчины. «Во главе стоял староста, избираемый на год. Он назывался “жрецом”, так как в его обязанности входило приношение жертв богам от имени сообщества. Староста вел все деловые сношения с правителями и городами. Кроме того, в сообществе имелся свой казначей и другие должностные лица» (Головня В.В. История античного театра. М., 1972. С. 276).

В этой связи следует обратить внимание на одно совпадение, если и случайное, то, по меньшей мере, символическое. В описании аркадских пиров Афиней приводит отрывок из сочинения «Об обычаях фигалейцев» Гармодия Лепреатского, историка Аркадии III или II в. до н. э., в котором говорится: «Во время всех обедов, и прежде всего на так называемых *мазонах* («так до сих пор называются Дионисовы сборища» – комментирует Афиней), соблюдалось следующее правило: самым крепким едокам из молодежи подливали больше похлебки и подкладывали дополнительные лепешки и хлебцы – эти юноши считались мужественными и правильно воспитанными, потому что обжорство у них было в большом почете и всячески восхвалялось»²¹ (выделено в публикации. – М. К.).

Под влиянием поздней античной традиции масоны начинают отождествлять своего мифического отца-основателя с основателями различных религий и культов. Так, например, римский поэт и ритор IV в. Д.М. Авсоний в эпиграмме «Надпись полуварварская на мраморной вакховой доске в нашей вилле с именованием всех богов» писал:

Я – Дионис в Огигии,
В Египте зовусь Осирисом,
Сльву Фанаком в Мисии,
Как Вакх прославлен в Индии,
Чтусь в Риме Отцом-Либером,
Арабами – Адонием
И в Луканиаке – как Панфей²².

Также и в ряде масонских фантазий мифический Хирам (Адомирам, Хирам Авий, Хирам-Абифф), архитектор храма бога Яхве, который он строил для царя Соломона в Иерусалиме, и якобы убитый подмастерьями желавшими выведать у него тайные знания (мастерское слово), начинает отождествляться не только с Христом, но и с Осирисом, Митрой, Вакхом (Либером), Гермесом, Геркулесом²³.

Симптоматична и череда различных иаковитов (яковитов, яковитов) – от сирийских монофизитов V–VI вв., сохранившихся

---

²¹ Афиней. Пир мудрецов: в 15 кн. М., 2003. Кн. 1–8. С. 198.

²² Авсоний. Стихотворения. М., 1993. С. 211; С. 343. Комментарий.

²³ Турчин В. Храмовое сознание в ситуации риска. Масонская традиция XVIII–XX вв. // Храм земной и небесный. М., 2004. С. 397.

до нашего времени, до ставших масонами приверженцев изгнанного в 1688 г. английского короля Иакова (Якова) II и его потомков. От имени Якова Моле – великого магистра ордена Тамплиеров, сожженного 18 марта 1314 г., как писал П.А. Флоренский, «...может быть отчасти понятным пристрастие этого тайного общества (Масонства. – М. К.) ко всему, что носило имя Якова...»²⁴.

У древних греков третьим Дионисом был «Дионис – Иакх <...> основное божество элевсинских мистерий...»²⁵. Иакх (Якх) (древнегреческое «Ίακχος» – «воплъ, призыв») – метонимическое мистическое имя Диониса и демона-предводителя мистерий Деметры (элевсинских мистерий). В. Буркерт писал: «Дикие крики являются характерной чертой дионисийских празднеств: прежде всего, возглас “euhoi” – в латинской транскрипции “euae” <...> “Iákch’ o Iákche” – возглас, сопровождавший Элевсинскую процессию. И здесь слышалось в крике имя некоего божества, “Иакха”, который, как считалось, в качестве “демона” возглавлял шествие. Вероятно, это божество было тождественно Дионису. Его несли с собой и в виде статуи»²⁶.

Сообщения античных и раннехристианских авторов об элевсинских мистериях (таинствах), дионисийских празднествах и культе Либеры стали и одним из источников умозрительно сконструированного символического пространства искусственно созданной розенкрейцерской традиции. Также, вероятно, одним из источников розенкрейцерства стал герметизм Д. Бруно, распространившийся в Германии благодаря секте «джорданистов»²⁷.

В начале XVII в. немецкий оккультист, лютеранский мистик и богослов И.В. Андреэ (Andreae) (1586–1654 гг.) выдвинул идею оккультного братства мудрецов опубликовав манифесты-мистификации: «Fama Fraternitatis, или Откровение Братства Высокочтимого Ордена R. C.» (1614), «Confessio Fraternitatis, или Исповедание достохвального Братства всечтимого Розового Креста, составленное для уведомления всех ученых мужей Европы» (1615) и аллегорический трактат (утопическую мистерию) «Герметиче-

---

²⁴ Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. М., 2000. Т. 3 (2). С. 201.

²⁵ Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии // Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 168.

²⁶ Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика. СПб., 2004. С. 134; Афиней. Пир мудрецов. Кн. 1–8. С. 540. Примечание.

²⁷ Йейтс Ф. Указ. соч. С. 200, 227, 249.

ский роман», или «Химическая свадьба, изложенная на верхне-немецком языке Христианом Розенкрейцем» (1616).

Манифесты И.В. Андреэ исходили от выдуманного им религиозно-мистического тайного общества – Братства Креста и Розы, названного в честь рыцаря XV в. Христиана Розенкрейца, который якобы и был основателем традиции. Легенда о таинственном Братстве розенкрейцеров получила широкое распространение в Европе и, не смотря на то, что сам И.В. Андреэ позднее назвал свои фантазии латинским словом *ludibrium* (розыгрыш), не только оказала большое влияние на европейское общественное сознание, но и послужила образцом для основания реальных обществ. Так, в конце XVII в. И. Ньютон внимательно изучал розенкрейцерские манифесты.

Символика мифических розенкрейцеров отсылала посвященных к определенной традиции, и не только герметико-каббалистической. Роза – один из символов Либеры (Диониса, Ваха) и такой «специалист» как И.В. Андреэ не мог об этом не знать. На гербе самого И.В. Андреэ были изображены Андреевский крест и четыре розы в углах. Протестантизм, в рамках которого возникла секта либертинов, воспринял и античную символическую традицию. «Символ розенкрейцерства – пятилепестковая роза на кресте. Личная печать Мартина Лютера представляет собой растущий из *сердца* крест внутри пятилепесткового цветка розы»²⁸ (выделено в публикации. – М. К.).

Роза – цветок античности и определенный символ, который был связан с культом Либеры (Диониса, Вакха). Что символизировала роза – понятно из описания пира Ферекратом в «Рудокопах» (середина V в. до н. э.), которое приводит Афиней:

...девушки в прозрачных одеяниях,
Молоденькие, с выбритыми «розами»,
Бокалы наполняли всем желающим
Вином тягучим, темным, ароматнейшим²⁹.

В этом контексте вполне двусмысленна и эпиграмма неизвестного древнегреческого поэта «Венок венка» явно намекающая на вакханок (менад) окружающих Диониса:

---

²⁸ Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 225.

²⁹ Афиней. Пир мудрецов. Кн. 1–8. С. 336.

Тот ли венок из роз Дионисия красит, то ль сам он
Красит венок из роз? Да, проиграл ты, венок!³⁰

Роза и крест, писал М.П. Холл, «...вечные универсальные символы, роза – женский, а крест – мужской. <...> символы розенкрейцеров <...> имеют фаллическое значение <...> Братство Розы и Креста принимает в качестве своих характерных символов как раз такие, которые означают репродуктивный процесс»³¹. О фаллической символизации креста в работе 1979 г. В.Н. Топоров писал: «Неслучайно, что К[рест] нередко соотносится с мужской силой и ее орудием – фаллосом. Прикосновение К[реста] (мужск. род) к Земле-Матери (женск. род) прообразует плодородие, которое и вызывается (или увеличивается) соединением этих двух начал»³².

В 1623 г. в Париже вдруг появились объявления, возвещавшие о присутствии в городе Братства Розового Креста. Так заявили о себе представители нового общественного течения получившего название либертинаж. Одним из первых против новоявленных розенкрейцеров-либертинов в том же 1623 г. выступил французский иезуит Ф. Гарасс (Гарассус). Согласно пересказу Ф. Йейтс, Ф. Гарасс, назвав знания автора манифеста о пришествии розенкрейцеров языческими, писал, что в Германии «держатели постоянных дворов вывешивают у себя в тавернах розы – в знак того, что все сказанное тут не должно разглашать, но, напротив, следует хранить в секрете от посторонних. Розенкрейцеры – люди пьющие и скрытные, потому и избрали своим символом розу...»³³. Ф. Йейтс, оставив это утверждение Ф. Гарасса без комментариев, ограничилась ремаркой: «вывод, надо сказать, весьма любопытный».

Но Ф. Гарасс знал, о чем писал. Розы, помимо того что они символизировали, имели в представлении древних особое свойство – участники дионисий «...увенчивались розами, так как суще-

---

³⁰ Греческая эпиграмма. СПб., 1993. С. 309.

³¹ Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии: интерпретация Секретных учений, скрытых за ритуалами, аллегориями и мистериями всех времен. Новосибирск, 1993. С. 528.

³² Топоров В.Н. Об одном классе символических текстов // Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы: в 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 284.

³³ Йейтс Ф. Указ. соч. С. 195–196.

ствовало поверье, что действие розы охлаждает жар вина и мешает пьяным выбалтывать тайны»³⁴. В том же 1623 г. в памфлете «Занятное учение нынешних остроумцев, либо себя таковыми полагающих» направленном против либертинов (либертенов) Ф. Гарасс, имея в виду роман Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», писал: «У либертенов всегда в руках книга Рабле, наставление в разврате»³⁵.

Характерно, что именно в первой трети XVII в. во французской литературе, как заметил Ю.Б. Виппер, переживает бурный расцвет «поэзия либертинажа», которая именно в эти годы отличалась «особенно вызывающей и откровенной непристойностью»³⁶.

Либертинаж XVII–XVIII вв. можно считать развитием комплекса идей секты «духовных либертинов». Новые либертины (либертены), как и старые «спиритуалы», придерживались философии наслаждения и отрицали религию как свод моральных норм и законов. Один из главных принципов либертинажа – удовлетворение плоти.

Во Франции, как пишет И.В. Ступников, «...слово “либертинаж” имело в XVII в. двойное значение: с одной стороны – “вольнодумство”, “свободомыслие”, с другой – “игривость души”, “динамика страстей”, “распущенность”». В отличие от французского, английский либертинаж к концу XVII в. обрел «особую специфическую форму называемую “остроумием”». Само же понятие «“остроумие” стало синонимом беззаботной жизни, далекой от практических дел и обыденных забот»³⁷.

Н.В. Лидергос в свою очередь полагает, что «...примерно до середины XVII в. слово “либертин” обозначало атеиста, отвергнувшего христианскую доктрину. <...> но уже в начале XVIII в. парадоксальным образом утрачивает прежнюю семантику и обозначает только “развратника, распутника”»³⁸.

---

³⁴ Бидерманн Г. Указ. соч. С. 224.

³⁵ Стаф И.К. «Гаргантюа и Пантагрюэль»: хроника, роман, книга? // Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 2003. С. 5–6.

³⁶ Виппер Ю.Б. Поэзия плеяды. С. 334.

³⁷ Ступников И.В. Уильям Конгрив и его комедии // Конгрив У. Комедии. М., 1977. С. 307, 309.

³⁸ Лидергос Н.В. Версак и другие. Либертинаж как бытовое философствование в романах Кребийона-сына // Философский век. Альманах. СПб., 2008. Вып. 34: Человек в философии Просвещения. С. 86.

М. Фуко, противопоставляя либертинаж начала XVII в. нарождающемуся рационализму, полагал, что «его скептицизм был направлен на разум в целом». В XVIII в. «либертинаж», по выражению М. Фуко, – один из типов «социального и морального опыта», который устанавливал новые связи, в данном случае – «между свободомыслием и системой страстей». Просвещение и либертинаж, по мнению М. Фуко, «сополагались, но не пересекались друг с другом».

Исследуя феномен безумия в классическую эпоху, и затрагивая в этой связи проблему либертинажа, М. Фуко пришел к следующему выводу: «XVIII век не дал связной философии либертинажа – если не считать весьма поверхностного употребления этого слова; систематическое употребление этого понятия встречается лишь в регистрационных книгах изоляторов. В этом случае оно обозначает не свободомыслие как таковое и не вольность нравов в собственном смысле слова, но, наоборот, некое состояние зависимости, при котором разум превращается в раба желаний и в прислужника души». Также М. Фуко замечает: «...в изоляторах классической эпохи либертины содержатся бок о бок с вероотступниками – протестантами или изобретателями какой-нибудь новой религиозной системы». И это, с точки зрения надзирающей и наказывающей власти, справедливо, так как «...и у тех и у других отказ от истины проистекает из отречения от морали»³⁹. Уточним, – христианской морали⁴⁰.

В конце XVIII в., накануне новой эпохи, либертинаж, благодаря усилиям Д.А.Ф. де Сада (маркиза де Сада), обретает свой законченный вид в качестве философии сексуальной практики получившей впоследствии название от имени автора – садизм. Де Сад провозгласил: «Нас возбуждает не объект похоти, а сама идея зла»⁴¹.

---

³⁹ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 98, 113, 114-115.

⁴⁰ В романе «Жюстина» устами либертина-педофила де Сад вещал: «Истинная мораль, мой друг, неотделима от природы; именно в природе заключен единственный принцип всех моральных заповедей, а коль скоро она сама внушает нам все наши беспутства, ни в одном из них нет ничего аморального. Если на свете и есть существа, чьими прелестями я хотел бы насладиться особенно, так это те, которые обязаны мне жизнью» (*Сад Д.А.Ф. де. Жюстина, или Несчастья добродетели.* СПб., 2000).

⁴¹ Кюссовски П. Сад и Революция // Маркиз де Сад и XX век. М., 1992. С. 236. Примечание.

Тело либертина, согласно де Саду, – это бездушный механизм, машина для удовольствий не определяемая такими христианскими химерами как душа и совесть⁴². Пространство же, в котором существует либертин, – это пространство без Бога. Но если нет ничего определяющего человека извне и нормативно объединяющего его с другими людьми, то нет и этих других. Душевные, внутренние переживания могут быть поняты только в соотношении с чувствами и переживаниями других. Отношения либертина с другими, пишет М. Энафф, «будучи отношениями механическими, полностью очищаются от всякой психологии и особенно сентиментальности»⁴³, понимаемой в данном случае как внутренние душевные чувства и переживания.

Либертинаж маркиза де Сада – это крайняя степень индивидуализма. В «Жюстине» к словам: «...либертен очень редко проявляет чувствительность (сентиментальность. – М. К.)» де Сад сделал следующее примечание: «...это случается по той единственной причине, что чувствительность доказывает слабость, а либертинаж – силу»⁴⁴. Совершенно прав К.А. Свасьян, когда пишет, что пионером реализации «прав человека» стал де Сад – «...первопроходец и первый практик европейского либерализма, требующий задним числом прав для своего “садизма” и фундамирующий требование аргументами отцов-открывателей “личности”»⁴⁵ (выделено в публикации. – М. К.).

В 1785 г английский философ, экономист и правовед, основатель утилитаризма И. Бентам, решив выступить идеологом либертинажа, написал эссе «Offences against One's Self: Paederasty» («Преступления против самого себя: Педерастия»), которое, впрочем, он так и не решился опубликовать. В этом эссе И. Бентам, выступая против христианской морали, призывал к сексуальным наслаждениям любого вида и обосновывал необходимость отмены санкций за гомосексуализм, лесбиянство и зоофилию (скотоложство)⁴⁶.

---

⁴² М. Энафф пишет: «Тело, понимаемое как машина, уже не подотчетно никакой трансцендирующей его инстанции (совести, душе)...» (Энафф М. Маркиз де Сад: Изобретение тела либертена. СПб., 2005. С. 52).

⁴³ Там же. С. 54. См. также: Надточий Э. «Первая любовь»: позиционирование субъекта в либертинаже Тургенева // Логос. 2001. № 3 (29). С. 40–82.

⁴⁴ Сад Д.А.Ф.де. Указ. соч. С. 183.

⁴⁵ Свасьян К.А. Человек в лабиринте идентичностей. М., 2009. С. 121.

⁴⁶ Bentham J. Offences against One's Self: Paederasty // Journal of Homosexuality. 1978. Vol. 3. № 4. P. 383–405; Vol. 4. № 1. P. 91–107. Первая публикация.

Однако либертинаж это не только идеология освобождения от запретов, налагаемых христианской моралью в сексуальной сфере. Это и идеология освобождения и легитимизации ссудного процента, главного принципа существования капитализма как системы социально-экономических отношений превращающего деньги в капитал, который становится в новых условиях основным средством производства. И. Бентам, находясь в России, в январе 1787 г. написал и в том же году в Англии опубликовал трактат «Defence of Usury» («Защита лихвы (ростовщичества)»)⁴⁷. В этом трактате И. Бентам доказывал экономическую и юридическую неправомерность законов ограничивающих процент по кредитам. Согласно И. Бентаму ростовщики должны быть свободны в назначении величины процентов на даваемые в долг деньги, а каждый здравомыслящий человек также должен быть свободен в принятии решения о взятии кредита на любых условиях, которые он для себя считает приемлемыми.

В России либертинаж как особая социальная практика появляется при Петре I, который в начале 1690-х гг. основал полуофициальный «Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор» просуществовавший более 30 лет. Состав постоянных участников «Собора» колебался от 80 до 200 человек. «Собор» был не только кощунственным и публичным глумлением над церковью и церковной службой, его «мероприятия» были актами намеренного эпатажа жителей Москвы и Петербурга.

Участники «Собора» присягали на верность «отцу нашему Бахусу», то есть Либеру (Дионису, Вакху). Пьяные оргии были основным занятием «соборян» – пьянство именовалось «Ивашкой Хмельницким» или просто «Ивашкой», а распутство – «Еремкой»⁴⁸. Главный пункт устава «Собора», написанного самим Петром I – «быть пьяным во все дни и не ложиться трезвым спать никогда». У самого Петра I как члена «Собора» была кличка Пахомпихайхуй⁴⁹.

---

⁴⁷ Bentham J. Defence of Usury; Shewing the Impolicy of the Present Legal Restraints on the Terms of Pecuniary Bargains; In Letters to a Friend. To which is added, a letter to Adam Smith, Esq. LL.D. on the Discouragements Opposed by the Above Restraints to the Progress of Inventive Industry. The Fourth Edition. London, 1818.

⁴⁸ Носович И. Всепьянейший собор, учрежденный Петром Великим // Русская старина. 1874. Т. 11. № 12. С. 737.

⁴⁹ См.: Усенко О. Сумасброднейший собор // Родина. 2005. № 2. С. 61-67.

Одним из мероприятий «Собора» стало «освящение» в честь Вакха 11 февраля 1699 г. в Москве дворца Лефорта происходившее на фоне казней участников стрелецкого бунта, когда Петр I, по словам А.С. Пушкина, был «по колена в крови» (4 февраля 1699 г. «говорят», как свидетельствует И. Корб, что Петр I сам отрубил мечем 84 головы). По случаю «освещения» было устроено шествие с шутовским «патриархом» во главе представлявшее смешение традиций русских масляничных обрядов, античных дионисий и европейского карнавального либертинажа. Вот как описывает эту процессию секретарь посольства австрийского императора И. Корб: «Патриарха весьма приличное облачение возводило в сан первосвященника: митра его была украшена Вакхом, возбуждавшим своей наготой страстные желания. Амур с Венерой украшали посох, чтобы показать, какой паствы был этот пастырь. За ним следовала толпа прочих лиц, отправлявших вакханалии: одни несли большие кружки, наполненные вином, другие – сосуды с медом, иные – фляги с пивом и водкой, последним из приношений во славу сына земли»⁵⁰.

Со смертью Петра I умирает и его детище – «Всепеньейший собор» и идеология и социальная практика либертинажа не получают дальнейшего развития. Французский исследователь Ж. Нива полагает, что в России не было либертинажа⁵¹, однако либертины в России были. В конце 1780-х – середине 1790-х гг. «выдающимся русским либертином, ориентирующимся на европейские формы либертинажа» был И.А. Крылов⁵².

В 1797–1801 гг. Н.Н. Новосильцев (Новосильцов), находившийся в это время в Англии, вероятно, становится либертином. Ф.Ф. Вигель, сам ставший в ранней юности жертвой либертинажа, писал: «Англия совершенно обворожила его (Н.Н. Новосильцева. – М. К.); в ней только могла утолиться жажда его к познаниям, как и всякого другого рода его жажда. Там увидел он, что великий разврат не мешает быть великим человеком, и, ка-

---

⁵⁰ Корб И.Г. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента <...> в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М., 1997. С. 125–126. Все даты по «Дневнику» И.Г. Корба.

⁵¹ Нива Ж. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе. М., 1999. С. 68.

⁵² Проскурина В. Крылов и Екатерина II (Стихотворение «Умиряющая кокетка» в контексте русского либертинажа) // Новое литературное обозрение. 2000. № 5 (45). С. 111.

жется, Фокса⁵³ взял он себе за образец. Отчизну портера и эля, где не рождаются, а льются мадера и портвейн, где опрятность и роскошь у самых грубых наслаждений отнимают все, что есть в них отвратительного, сию землю втайне сердца избрал он своим отечеством»⁵⁴.

В 1810 – первой половине 1812 г. Н.Н. Новосильцев находился как частное лицо в Вене и вел жизнь достойную либертина. «В Вене, – писал в своих записках Н.И. Греч, – он упал и опошвился до невозможности, и, странное дело, в его положении и звании – начал пить». Характерно, что свою зарисовку о Н.Н. Новосильцеве Н.И. Греч закончил фразой достойной стать эпитафией на могиле *образцового*, в духе де Сада, либертина: «...он не страшился ни голоса совести и чести, ни суда потомства»⁵⁵.

В конце XVIII в. в европейском (читай франкофонном) общественном сознании, в том числе благодаря де Саду, за термином «либертин» («либертен») в качестве нормативного закрепляется значение «распутник»⁵⁶.

Вместе с тем во Франции в годы революции либертинаж как особая социальная практика на фоне всеобщей аморальности и

---

⁵³ Лидер радикального крыла партии вигов, член палаты общин Ч.Дж. Фокс (1749–1806) в конце 1780-х – начале 1790-х гг. был либертином и одновременно горячим поклонником Французской революции.

⁵⁴ *Вигель Ф.Ф.* Записки: в 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 217.

⁵⁵ *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 328.

⁵⁶ А.И. Михайловский-Данилевский в одном из своих дневников приводит рассказ И.И. Дибича об Александре I: «Вот что мне сказывал (В 1828–1829 гг. – М. К.) фельдмаршал граф Дибич: “<...> Первоначально мое воспитание на счет религии, – сказал мне однажды император, – было весьма пренебрежено; Лагарп воспитывал меня в духе своего века, и я был, как и все современники, не набожен, один человек переменял в сем отношении мой образ мыслей. <...> Меня спасло, – присовокупил государь в сем разговоре, – что я не был развратен (*je n’ai pas été libertin*), хотя я любил и люблю всей душою Нарышкину, в чем я искренно каюсь» (Еще выписки из журнала М. Данилевского (Царствование Александра I) // «Исторический сборник» Вольной русской типографии в Лондоне А.И. Герцена и Н.П. Огарева: в 3 кн. М., 1971. Кн. 2. 1861. Факсимильное издание. С. 110, 112–113.) В комментариях И.А. Желваковой и Н.Я. Эйдельмана к публикации выписок из журнала М. Данилевского «*je n’ai pas été libertine*» переведено как «я не был вольнодумцем» («Исторический сборник» Вольной русской типографии в Лондоне А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Кн. 3. Комментарии и указатели. С. 121). Хотя из контекста вполне очевидно, что Александр I употребил «*été libertine*» именно в значении «развратен». В значении «вольнодумец» он скорее употребил бы французское «*esprit fort*».

богохульства теряет свою эпатажность и значение чего-то исключительного. Либертины, пишет П. Клоссовски, «...предстали такими, какими и были на самом деле, – симптомами распада, существами, которым парадоксальным образом удалось пережить распад и которые не способны включиться в процесс переустройства, совершаемый в сознании людей, став составными частями суверенного Народа, всеобщей волей и т. д.»⁵⁷.

Одновременно в ходе революции, а затем консульства и империи аморальную распущенность аристократии сменяет буржуазная мораль. Пространством освобождаемого становится не морально-этическая сфера, а сфера политического. А в виртуальном пространстве идеологического на обломках либертинажа начинается кристаллизация понятия «либерализм».

---

⁵⁷ *Клоссовски П.* Сад и Революция. С. 27.

РЕФОРМА УНИВЕРСИТЕТСКИХ АРХИВОВ В РОССИИ 1830-х ГОДОВ*

Е.А. Вишленкова

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
им. А.В. Полетаева НИУ-ВШЭ
E-mail: evishlenkova@mail.ru

К.А. Ильина

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
им. А.В. Полетаева НИУ-ВШЭ
E-mail: glukist@mail.ru

Статья посвящена анализу архивной реформы в российских университетах 1830-х годов. Тогда были впервые разобраны хранилища документов в канцеляриях советов, правлений, факультетов, попечителей и, создана система адресации документов, что позволило использовать их для исследования университетского прошлого. Обнаруженные в фондах Министерства народного просвещения (в Российском государственном историческом архиве), а также Казанского (в Национальном архиве Республики Татарстан) и Московского (в Центральном государственном архиве Москвы) университетов протоколы обсуждений принципов хранения свидетельств позволяют реконструировать логику формирования университетских дискурсов.

Ключевые слова: Российская империя, архивная политика, делопроизводственные документы, Казанский университет, Харьковский университет, Московский университет.

REFORM OF UNIVERSITY ARCHIVES IN THE 1830-TH RUSSIA

E.A. Vishlenkova, K.A. Ilyina

National Research University Higher School of Economics

This article focuses on the archival reform in Russian universities in the 1830s. It was time of the first systematization of the documents in the offices of Council, Board, faculties and curators, time of creation of the addressing system in archives. All this allowed using the documents for the investigation of the university past. Records of the discussions about principles of evidence storage, that were found in the funds of the Ministry of Public Education (Russian State Historical Archives), Kazan (National Archives of the Republic of Tatarstan) and

---

* Данное научное исследование (№ 14-05-0061) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г.

Moscow (Central State Archive in Moscow) universities, enabled to reconstruct the logic of university discourses forming.

Key words: Russian Empire, office work documents, archival politics, Kazan University, Kharkov University, Moscow University.

Историки российского образования и науки строят свои исследования и интерпретации университетского прошлого на основе свидетельств так называемого «большого университетского архива» (термин, предложенный Т.Н. Жуковской) – комплекса документов из фондов архива Министерства народного просвещения, канцелярий попечителей учебных округов, архивов присутственных мест университетов (Совета, Правления, факультетов, а также различных комитетов: Училищного, Строительного и пр.), а также личных архивов профессоров, хранящихся в отделах рукописей университетских библиотек. В нем содержатся разножанровые тексты. Это законодательные акты, делопроизводственная документация, фотографии, дневники и письма, статистические таблицы.

Пожалуй, самым информативным и востребованным у историков собранием является фонд 733 (Департамент народного просвещения) в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Здесь хранятся предписания министров и попечителей, а также письма членов университетских советов и профессоров «во власть», зафиксировавшие инициативы (чаще всего выраженные в форме проектов) и идеалы ученого сословия. У современного исследователя эти материалы создают иллюзию четко организованного в Российской империи производства высказываний, а следовательно системы коммуникаций в управлении образованием.

Изучение структуры университетских архивов Москвы, Санкт-Петербурга и Казани показывает, что в этих структурах документы разделены на два фонда¹. В первом собраны докумен-

---

¹ См.: Ф. 14 (Петроградский университет) и Ф. 139 (Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа) Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб); Ф. 418 (Московский императорский университет) и Ф. 159 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа) Центрального государственного архива Москвы (ЦГАМ); Ф. 477 (Казанский университет) и Ф. 92 (Попечитель Казанского учебного округа) Национального архива Республики Татарстан (НА РТ).

ты, произведенные и хранимые канцеляриями попечителей. Популярность этого собрания у исследователей объясняется информационной спецификой отложившихся там текстов. Так как попечитель учебного округа выполнял посредническую функцию между университетом и министерством, то в его архиве сохранялись присланные как из министерства, так и из университета документы. Архив главы учебного округа оказывался посреднической инстанцией в общении ученого сословия с управленческой бюрократией. Он служил своеобразным информационным «фильтром», не пропускавшим в университет некоторые распоряжения министра (попечитель единолично решал, какие) и тормозящим (но в обязательном порядке сохранявшим и не допускавшим последующего уничтожения) поданные в совет университета или напрямую попечителю округа мнения преподавателей. Во втором из названных фондов хранятся документы всех структурных подразделений университета. Их названия собраны в одну или несколько описей. Историками данная организация исторических свидетельств воспринимается как «естественная», «исторически сложившаяся» и непроизвольная. Между тем наше исследование показало, что она была создана волевыми усилиями по рационализации и отбору свидетельств для хранения и последующего использования исследователями.

Правительственная заинтересованность в архивах

Согласно § 72 университетского устава 1804 года в архив следовало сдавать на хранение копии исходящих и оригиналы всех входящих бумаг: «Все письма от лица совета секретарем или другим кем писанные должны быть прочтены пред собранием, и с них в архив списки оставлены, а получаемые и в собраниях прочтенные хранятся в подлиннике»². Заниматься этим должны были секретари советов и правлений. Поначалу эти должности распределялись среди профессоров, которые считали их тяжелыми и неприятными, а потому занимались протоколированием заседаний и архивированием этих протоколов под принуждением и контролем. В целом, в Александровскую эпоху университетские люди вспоминали об архивах только в случаях каких-либо катаклизмов. Например, когда

---

² Уставы Императорских Московского, Харьковского, Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864. № 47. Стб. 279.

нужно было спасать документы от пожара или военных действий³, в ситуациях внутренних конфликтов и внешних проверок, либо в случаях запросов справок из министерства.

Стремительно растущее делопроизводство приводило к расширению объема работ в архиве и дефициту места для хранения документов. И так как правительственные постановления требовали сохранять документы, но не предписывали их систематизации и организации, то уже в 1820-х гг. министерские чиновники не могли добиться от советов никаких справок по «оконченным производством делам». В архивных комнатах росли бумажные залежи: на полу и столах лежали огромные стопки связанных листов, денежные и шнуровые книги, журналы входящих и исходящих дел. Поиски здесь какого-либо документа редко заканчивались успехом, но каждое такое вмешательство усиливало неразбериху. В ходе служебной переписки выяснялось, что члены советов не знают, где у них хранятся те или иные документы и хранятся ли они вообще. Все это вызывало раздражение столичных чиновников.

Ситуация кардинально изменилась во второй половине 1820 – начале 1830-х гг., когда правительство потребовало от присутственных мест и ведомств наведения порядка в архивах. Целая серия законов с требованием сохранять делопроизводственные документы относится к концу 1820-х гг. и была, по-видимому, спровоцирована следствием по делу декабристов. Для масштабного судебного процесса понадобились справки из разных ведомств и территорий. Трудности их добывания породили волну монаршего недовольства и изменение принципов отбора и хранения государственных документов. Они прописаны в серии распоряжений 1827–1828 гг., предписывающих упорядочить архивы военных и судебных ведомств. Так, в «Высочайше утвержденном предварительном образовании Дежурства Морского Министерства» от 26 января 1827 г.⁴, в котором отдельно проговаривалось устройство архива Морского Министерства (§§ 59, 63–70). Закон предписал канцеляристам создавать тематические «дела»: «Дела

---

³ Подробнее см.: *Ильина К.А.* 1812 год и университетские архивы // История и историческая память. Саратов; Ставрополь. 2012. Вып. 6. С. 88–100; *Гатина З.С., Ильина К.А.* 1812 год: парадоксы университетской памяти // Там же. С. 218–251.

⁴ Высочайше утвержденное предварительное образование Дежурства Морского Министерства, 26 января 1827 // Полное собрание законов Российской империи [Собрание Второе]. Т. 2. СПб., 1830. № 839. С. 45–54.

должны сдаваться в архив полные, сшитые, совершенно оконченные, перенумерованные, с надписью, означающею кратко, но ясно, содержание дела, и показанием, когда началось, когда кончено и с каким другим делом имеет связь; в конце оно подписывает начальник отделения и скрепляет столоначальник, или производитель, на скольких дело листах...» (§ 64)⁵. Видимо, после этого государственные архивы Российской империи обрели структуру и вид близкий к современному.

Тогда же законодатель потребовал систематизации сдаваемых в архив документов по административному, тематическому и хронологическому принципам: «во 1-х, по департаментам, во 2-х, по предметам, в 3-х, по годам». (§66)⁶. Ко всем хранящимся комплексам следовало разработать систему адресации: архивариус был «обязан содержать в надлежащем порядке не только описи всех хранящихся в архиве дел, но и алфавиты оным, так, чтобы каждое дело могло быть отыскано тот же час <...>. Для вящего же порядка и облегчения приискания дел, поставляется непременно правилом печатать описи и алфавиты оным, дополняя их ежегодно печатными же прибавлениями, и сии печатные описи и дополнения представлять каждый раз Его Императорскому Величеству» (§ 67)⁷. Таким образом император объявлялся верховным хранителем и распорядителем государственных архивов империи.

В «Высочайше утвержденном уставе Кабинета Его Императорского Величества» был прописан такой же функционал архивариуса. Он должен был осуществлять «а) прием и хранение в совершенном порядке дел, книг и прочих документов, сдаваемых в определенное время из отделений; б) составление оным надлежащих алфавитных реестров и подробных описей по систематическому порядку; в) собиране законов, уставов учреждений и проч.; г) изготовление справок и выписок из дел, по требованиям начальников отделений»⁸.

Тогда же появились указы, учреждающие новые государственные архивы: Кавказских областных мест (Правления, Казен-

---

⁵ Высочайше утвержденное предварительное образование Дежурства Морского Министерства, 26 января 1827. С. 51.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 51–52.

⁸ Высочайше утвержденный Устав Кабинета Его Императорского Величества, 27 сентября 1827 // Полное собрание законов Российской империи [Собрание Второе]. Т. 2. СПб., 1830. № 1408. С. 827.

ной Палаты и Канцелярии)⁹, общего контрольного архива¹⁰, архива актов бывшего Литовского трибунала¹¹. Целая серия указов была посвящена судьбам архивов упраздненных учреждений¹². И одновременно с этим началась систематизация документов и переустройство их хранения в архивах Адмиралтейства¹³, в Государственном и Сенатском архивах¹⁴. По всей видимости, каждому министру было ясно, что рано или поздно взгляд монарха падет на архив его ведомства, а потому принимались превентивные меры. В 1829–1834 гг. Министерство народного просвещения занялось разбором своего архива¹⁵ и предписало попечителям озаботиться состоянием университетских архивов. Главы округов учредили для этого специальные комиссии из профессоров и адъюнктов.

Локальный опыт 1820-х годов

В еще большей степени, чем от правительственных решений, состояние конкретного университетского архива зависело от желаний местного университетского совета и его попечителя. Так, первая попытка систематизации списанных из канцелярий документов была сделана в Казани задолго до предписаний министерства, в 1820–1821 годах. Ее инициировал попечитель М.Л. Магницкий. Во-первых, архивом он заинтересовался еще в 1819 г., проводя ревизию университета. Тогда проверяющий был крайне раздосадован невоз-

---

⁹ Высочайше утвержденное учреждение для управления Кавказской области, 6 февраля 1827 // Полное собрание законов Российской империи [Собрание Второе]. Т. 2. СПб., 1830. № 878. С. 113, 114, 130–131.

¹⁰ Об устройстве общего контрольного Архива, 22 сентября 1828 // Там же. Т. 3. СПб., 1830. № 2299. С. 841–842.

¹¹ Об определении бессменного архивариуса к хранению актов бывшего Литовского Трибунала, 26 февраля 1827 // Там же. Т. 2. СПб., 1830. № 924. С. 201–202.

¹² О закрытии Комитета, учрежденного для исследования злоупотреблений в поставке лесов для кораблестроения, 23 апреля 1828 // Там же. Т. 3. СПб., 1830. № 1984. С. 491; О упразднении Департамента Камер-коллегии и Архива онога, 28 сентября 1828 // Там же. № 2307. С. 847.

¹³ Учреждение Комиссии для приведения в порядок дел Адмиралтейского архива, 3 апреля 1827 // Там же. Т. 2. СПб., 1830. № 1011. С. 337.

¹⁴ Об учреждении Временной Комиссии для разбора дел Государственного и Сенатского Архивов, 21 марта 1830 // Там же. Т. 5. СПб., 1831. № 3550. С. 231.

¹⁵ Руководил этой работой архивариус министерского архива В.П. Петров, который, ориентируясь на «нововведенные порядки» в архивах Министерства внутренних дел и канцелярии Государственного контроля, создал оригинальную методику построения архива.

возможностью проверить документы прошлых лет. А во-вторых, получив от императора поручение исправить выявленные в ходе ревизии недостатки, попечитель должен был осуществить это дистанционно, из Петербурга. В такой ситуации ему было важно быть хорошо осведомленным обо всех делах и отношениях в подведомственной корпорации. Письма и копии с документов были в этом случае основными рычагами управления.

Вера в документ (в «бумагу») была возвращена в Магницком всем предшествующим опытом его службы. К моменту назначения главой Казанского учебного округа он имел за плечами 20-летний стаж работы с бюрократическими бумагами в различных ведомствах: при русском посольстве в Вене и Париже, где вел делопроизводство и переписку; при министерстве внутренних дел, где составлял проекты оптимизации управления; при департаменте законов в Государственном Совете; в Комиссии военных уставов и уложений для всех подразделений военного министерства¹⁶. Обретенные знания и навыки убедили его в эффективности письменных способов управления и политической значимости исторической аргументации.

Казанский попечитель взял под жесткий контроль производство и хранение всех университетских документов: проверял ведение бухгалтерских книг, сверял списки имущества «научных кабинетов» (то есть музеев), интересовался наличием и качеством описей архивных дел. Не удовлетворившись их состоянием, он приказал казанским профессорам «составить порядочные описи, расположить и представить о нужных дополнениях. Непременно надобно, чтоб учебные пособия были расположены в порядке и благовидно»¹⁷. Он же заставил совет сделать каталог полученной в дар книжной коллекции князя Г.А. Потемкина-Таврического и приобретенных университетом периодических изданий.

Тогда членам казанского совета пришлось срочно описывать довольно обширное собрание. Каталог книг создал профессор К.Ф. Фукс, исполнявший должность библиотекаря¹⁸, описание русских эс-

---

¹⁶ Минаков А.Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX века. Воронеж, 2005. С. 268–271.

¹⁷ Письмо попечителя М.Л. Магницкого к профессору Г.Б. Никольскому, 20 января 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. № 7831 Л. 5об.

¹⁸ Письмо попечителя М.Л. Магницкого к профессору Г.Б. Никольскому, 27 октября 1821 // Там же. Л. 1об.-2; То же, 20 января 1822 // Там же. Л. 5. Профессор Фукс был библиотекарем Казанского университета с 16 июля 1821 по 8 июля 1823 года.

тампов подготовил профессор П.С. Кондырев, а «подробную опись каждого эстампа или картины с переводом надписей на русский язык» составил лектор французского и немецкого языков И.Ф. Краузе. Всю эту инвентаризацию совет осуществил за два года¹⁹. Но попечитель все еще не был удовлетворен и потребовал от профессоров не просто описания, а научной систематизации имеющихся коллекций. Например, в библиотеке следовало «расположить книги по наукам». Назначенные для разгребания завалов профессора буквально стонали от свалившейся на них работы и кто как мог избегали поручений попечителя. «Опыт доказывает, – уверял его ректор Никольский, – что проверка и приведение библиотеки в порядок есть дело весьма трудное и скучное»²⁰. В ней, – жаловался он, – «систематического расположения скоро сделать нельзя»²¹.

Еще сложнее оказалось систематизировать бумаги в архиве. В конце 1820 г. ученым секретарем совета был избран профессор философии, дипломатики и политической экономии М.А. Пальмин. Выбор на эту должность всегда был в университете своего рода наказанием, в данном случае наказанием Пальмина за строптивость. Зная негативное отношение министра А.С. Шишкова к университетским конфликтам, Магницкий так характеризовал ему избранника: профессор «обнаружил беспокойный дух, коварствовал в тайне против бывшего директора Никольского, по зависти к его возвышению, ибо Пальмин и Никольский вместе обучались в бывшем С.-Петербургском педагогическом институте, враждовал против бывшего инспектора студентов Барсова, бывшего профессора Тимьянского и адъюнкта Полиновского; сии поступки его известны весьма многим в университете служащим лицам и доходили до попечителя. Сверх сего он не спокойно держал себя в заседаниях совета и правления»²². Такой «послужной список» свидетельствовал о неблагонадежности кандидата и необходимости воспитательного наказания.

---

¹⁹ Письмо (черновик) ректора Казанского университета Никольского попечителю Казанского учебного округа Магницкому, 30 января 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. № 4019. Л. 6об.

²⁰ Там же. Л. 3об.

²¹ То же, 14 сентября 1822 // Там же. Л. 30об.

²² РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116 «Записка, составленная Департаментом народного просвещения по делу профессора М.А. Пальмина. Приложение № 3 к делу о профессоре Пальмине», после 1829. Л. 23об.-24.

Любой профессор в университете знал, что должности секретаря совета и неперменного заседателя правления чреваты «битьем». Согласно тексту Устава 1804 года, их обладатели не освобождались от чтения лекций и были ответственны не только за ведение журналов и прочего делопроизводства совета и правления, но и за работу университетского архива (§§ 70–75)²³. Благо раньше деловых бумаг в университете было намного меньше, а архив вообще никого не интересовал. В 1820-е гг. служба в архиве уже не была простой формальностью.

Первое же знакомство с доставшимся наследством повергло Пальмина в отчаяние. Совместное существование университета и гимназии в Казани до 1814 г. и единое управление обеими школами привело к слиянию документов той и другой. В результате в архиве опальный профессор обнаружил неразобранное делопроизводство с «основания Казанской гимназии в 1798 году»²⁴. Это побудило его сделать на совете доклад об ужасном состоянии архива. Мы не обнаружили текста выступления, но нашли изложение его сути в объяснительной записке Пальмина, направленной в 1824 г. в министерство. Текст интересен не только информацией, но и свидетельством архивной культуры того времени, характерной практике ведения ведомственных архивов.

Итак, Пальмин сообщил коллегам, что «1) хотя находятся по годам списки дел с оглавлением оных и с показанием номеров, но при каждом деле нет описи или оглавления (в котором бы кратко означено было содержание всех входящих в состав сего дела бумаг с показанием листов, на которых подлинные бумаги находятся; каковые оглавления весьма нужны особливо при больших делах); 2) Дела по листам не скреплены и отпуски (копии. – *Авт.*) бумаг по большей части ни кем не подписаны; 3) Большая часть дел расположены и сшиты без соблюдения надлежащей правильности; 4) Многие дела не переплетены; 5) Нет архивных книг в которых бы по алфавиту, разные учебные заведения лица и вещи, как то дома, библиотека, физические и натуральные кабинеты и проч. были означены с самою краткою их историею и с показанием дел в которых находятся подробные о том сведения, таковые книги для справок весьма удобны»²⁵.

---

²³ Уставы Императорских Московского, Харьковского, Казанского университетов, 5 ноября 1804. Стб. 279–280.

²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 107.

²⁵ Там же. Л. 107об.

Несмотря на конфликт секретаря с некоторыми из коллег, все члены совета признали, что архив является заброшенным хранилищем документов, что он бесполезен для получения справок и сведений. Даже ректор согласился со своим неприятелем и сообщил попечителю, что «с самого основания Казанской гимназии в 1798 г., не было соблюдено в делах архивных строгого и точного порядка. Сей способ расположения и хранения письменных дел совета и канцелярии гимназии передан был нечувствительно и университету, ибо с 1805 до 1814 г. управляли хозяйственными и учебными делами контора и совет гимназии от университета, прежний беспорядок в канцелярских и архивных делах, как укоренившийся от долговременности принят был и в университете за образец и как бы за правило»²⁶.

Но несмотря на временное объединение членов совета в деле обороны, Магницкий не отступил и приказал каждый документ в архиве прочитать, внести в опись, подписать копии с них, сделать правильную сшивку дел, завести «архивные книги» (своего рода указатели), содержащие организованный по алфавиту список «заведений, лиц и вещей» и ссылки на архивные дела, в которых они упоминаются. Только после этого, – заявил он, – можно будет когда-нибудь выполнить задание правительства и отдать ему с благодарностью «полную и основательную историю университета»²⁷.

В ответ на полученное из Петербурга письмо перепуганный Пальмин официально заявил, что «не может принять на себя ответственности ни в скорости, ни в верности имеющих встречаться справок, и что до того же времени нет способа начать сочинение истории университета»²⁸. А чуть позже он объявил на совете, что примет архив только в упорядоченном виде, то есть лишь после того, как кто-то другой его прочтает, опишет и систематизирует²⁹. К счастью для него, на это нашелся доброволец. Упорядочить архив вызвался молодой адъютант всеобщей истории, географии и статистики В.Я. Баженов.

По составленной ректором инструкции ему предстояло разобрать университетские бумаги за период 1804–1820 гг., передать в гимназию все дела ранее 1805 года. На передаваемые документы следовало составить описи и указатели. Бумаги за период совме-

---

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 107.

²⁷ Там же. Л. 107об.–108.

²⁸ Там же. Л. 107.

²⁹ Там же. Л. 106об.–107.

стного сосуществования университета и гимназии в 1805–1814 гг. решено было оставить в архиве совета, передав гимназии копии описей и указателей к ним («архивные книги»). Всю документацию университетского архива следовало разделить на четыре части: «собственно принадлежащие канцелярии попечителя», «относящиеся к казанской гимназии», «касающиеся университета» и «его учебного округа»³⁰. Так, в 1821 г. были выработаны структурные основания для архива Казанского университета. Мы не обнаружили свидетельств того, что в ходе проведенных тогда инвентаризации и систематизации были изъяты или уничтожены какие-либо тексты.

Как человеку, прочитавшему все университетское делопроизводство прошлых лет, совет университета поручил адъюнкту Баженову «сочинение истории университета, взяв начало с Казанской гимназии»³¹. При всем том, молодой коллега не был отпущен в вольное плавание. Его работу, намерения и мысли должен был контролировать профессор Пальмин. Именно он мог либо дать, либо отказать в согласии формировать университетские дела по тому принципу, который будет предложен Баженовым. Он же должен был предложить концепцию университетской истории.

8 апреля 1821 г. попечитель дал знать профессорскому совету, что одобряет этот план действий. А уже через год Баженов сообщил ему о «чистоте и опрятности» в архивной комнате, о правильном расположении дел и книг на полках согласно годам³². Писать историю Казанского университета он, видимо, все же не решился. Поэтому в октябре 1822 г. в частном письме попечителю ректор просил назначить для этого адъюнкта математики и физики Н.О. Юферова. «Хотя архив университетский в настоящем его положении довольно упорядочен, – рапортовал в Петербург Никольский, – но недостает архивных книг и [полной] истории университета и гимназии»³³. В качестве поощрения за выполнение последнего этапа работы ректор просил оставить Н.О. Юферову казенную квартиру в университете и пенсион, с которого его по

---

³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 109об.–110.

³¹ Там же. Л. 108.

³² Там же. Л. 109об., 110об.

³³ Письмо (черновик) ректора Казанского университета Никольского попечителю Казанского учебного округа Магницкому, 16 октября 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. № 4019. Л. 43об.

действующим правилам должны были снять. Магницкий согласился на это³⁴.

Он и в дальнейшем не давал профессорам, ответственным за архив, расслабиться. Так, во время пребывания Пальмина зимой 1823 г. в Петербурге, попечитель получил письмо от ректора, где тот сообщал, что бывший секретарь «расшил бумаги, начиная с 1819 по 1821 г., расположа их по своему порядку, на которой не всякой может согласиться, и приказал архивариусу не сшивать их до его приезда, который Бог знает когда будет»³⁵. Узнав об этом, Магницкий заставил Пальмина срочно вернуться в Казань, чтобы «разобрать и привести в порядок» несшитые в дела бумаги и даже освободил его ради этого от чтения лекций (они были поручены профессору П.С. Сергееву)³⁶.

По всей видимости, в ходе осуществления этой трудоемкой и вовлекшей в себя почти всех членов совета работы по разбору университетского делопроизводства изменилось отношение к архиву самих казанских профессоров. Из хранилища ненужных бумаг он превращался в пространство борьбы за доминирование различных групп, объектом столкновения различных интересов. О том, что это так, косвенно свидетельствует вспыхнувший в 1824 г. в Казани «архивный скандал». Тогда в связи с отставкой Пальмина совет создал комитет для проверки архива. В него вошли молодые члены ученого сословия: адъюнкты латинской словесности М.В. Полиновский, российской словесности М.С. Рыбушкин и греческой словесности М.Ф. Грацинский. После проведенной проверки архива все трое заявили на заседании совета (октябрь 1825 г.), что «дела остались в прежнем расстройстве». Такое заявление было серьезной угрозой карьере Пальмина. По сути коллеги обвинили его в служебном нерадении. Основанием для такого приговора (обычно вносимого в формулярный список) было указание на то, что дела совета за 1819–1821 гг. «доселе не разобраны как бы следовало, не сшиты, без описей и не сделано им ведомости, какие из них решены, или нет и почему; в таковом же беспорядке находятся дела совета с 1822 по 1824 г., т. е. за время секре-

---

³⁴ Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 31 октября 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. № 4777. Л. 17.

³⁵ Письмо (черновик) ректора Казанского университета Никольского попечителю Казанского учебного округа Магницкому, 12 февраля 1823 // Там же. Ед. хр. 4019. Л. 75.

³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 24.

тарства Пальмина по совету университета, кроме сделанных описей 1822 и 1823 годов»³⁷.

Защищаясь от обвинений, Пальмин уверял, что архив был полностью приведен им в порядок. В найденных недостатках он видел происки недругов. Профессор законов государственного устройства и философии П.С. Сергеев и архивариус П.А. Полянцев, считал Пальмин, специально перепутали архивные дела в открытых шкафах³⁸.

На наш взгляд, при всей трагичности для вовлеченных в них людей эти конфликты и напряжения свидетельствуют скорее о позитивных тенденциях: о том, что в Казани уже в начале 1820-х годов архив обрел научную, административную и корпоративную значимость. Поддержание системы в его устройстве рассматривалось как серьезная ответственность. В этом отношении архив оказался приравнен к прочим присутственным местам университета – совету, правлению, училищному комитету, музеям и библиотеке.

Систематизация архивов в 1830-е годы

Вторая волна по систематизации документов Казанского университета поднялась в декабре 1831 года. Вероятно, именно тогда столичные преобразования ведомственных архивохранилищ докатились до Казани.

Обратив внимание на медленное «производство дел» в канцелярии университетского совета, казанский попечитель М.Н. Мусин-Пушкин осмотрел все ее дела и среди них обнаружил несданные с 1819 г. документы. Глава округа решил, что составлять «полные описи решенным и нерешенным делам» и сдавать документы в архивохранилище должны те, кто при Магницком этого не сделал. Поэтому попечитель распределил работу по экс-секретарям профессорского совета, сообразно сроку их исполнения данной должности³⁹.

---

³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 19-19об.; Там же. Д. 113 «Дело об увольнении профессора университета М.А. Пальмина, назначении на его место бывшего профессора Вольнской семинарии Я.М. Караблинова и о рассмотрении жалоб М.А. Пальмина на несправедливость администрации и выдачу неправильного документа. Часть 1», 1824-1835. Л. 52об.

³⁸ Там же. Д. 116. Л. 181об.

³⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3412. «Об осмотре г. попечителем дел Канцелярии совета Казанского университета», 1831-1834. Л. 2-2об.

В результате документацию за 1819–1823 гг. должен был прочитать, разложить и описать адъюнкт М.С. Рыбушкин (вместо уволенного М.А. Пальмина). Бумаги за период со 2 января по 25 августа 1823 г. поручалось разбирать профессору В.Я. Бульгину (он был секретарем во время пребывания Пальмина в Петербурге). Документы за период с 1 февраля по 5 декабря 1824 г. предстояло упорядочить профессору П.С. Сергееву. Г.С. Суровцов должен был разбирать канцелярские завалы, образовавшиеся с 5 декабря 1824 по 17 июля 1826, Я.М. Караблинов – за время с 3 октября 1825 по 17 июля 1826 и В.Я. Баженов – с 17 июля по 18 сентября 1826. Так сформировалась комиссия «по разбору архива». Чуть позже в нее были включены адъюнкты А.Ф. Хламов⁴⁰ и Г.Л. Фогель⁴¹, а также профессор М.Ф. Грацинский⁴² для помощи Рыбушкину. Возглавил этот коллектив профессор Г.Б. Никольский, занимавший при попечителе Магницком пост ректора. «Наблюдение за точным исполнением сего, – предписывал Мусин-Пушкин, – я возлагаю на г[осподина] пр[офессора] Никольскаго, ибо ректор обремененный текущими делами, не в состоянии сего исполнить. Г[осподин] пр[офессор] Никольский будет представлять мне каждую неделю в субботу записку о [ходе] дела сего»⁴³.

Итак, с 17 января и до 29 мая 1832 г. Никольский еженедельно предоставлял попечителю рапорты о количестве рассмотренных, решенных и нерешенных дел канцелярии, об общем ходе работы комиссии, о принципах систематизации документов, а также о трудностях, возникающих в ходе разбора бумаг⁴⁴. Эти отчеты свидетельствуют о том, что бывший ректор лично прочитывал все канцелярские тексты и следил за порядком их систематизации. От членов комиссии требовалось: «1-е, составить особые описи руководительных предписаний начальства, 2, описи протоколов совета, 3, описи послужных списков, 4, описи всех вообще предписаний начальства в тех годах, в которые составляемы были особые из них книги и 5, собрать входящие, исходящие и разносные книги и передать их в архив»⁴⁵.

---

⁴⁰ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3412. Л. 9. См.: Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1832 год. СПб., 1832. Ч. 1. С. 264.

⁴¹ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3412. Л. 20.

⁴² Там же. Л. 17.

⁴³ Там же. Л. 6.

⁴⁴ Там же. Л. 8–10, 13, 17–30.

⁴⁵ Там же. Л. 37.

На систематизацию и опись всех дел Мусин-Пушкин дал членам комиссии пять месяцев (до 1 мая). Но 1 июня Никольский представил попечителю объемный отчет, изучив который Мусин-Пушкин решил продлить срок действия комиссии еще на месяц⁴⁶. Однако из-за летних экзаменов в университете и гимназии работа затянулась до осени, а в архивохранилище все сформированные папки и описи были сданы на следующий год⁴⁷. В общей сложности члены комиссии обработали 2291 дело с 1819 по 12 сентября 1826 г., создали 8 книг входящих дел, 10 – исходящих, 6 – разносных, 5 томов «подлинных предложений», 7 томов протоколов совета, 6 томов послужных списков.

Как свидетельствует первый университетский отчет, выполненный по «уваровской форме» и содержащий информацию о делопроизводственной «части» университета⁴⁸, в 1833 г. архив Казанского университета составлял 10863 дел и состоял из 8 отделений: 1. Дела совета Казанской гимназии с 1805 по 1815 г., за время общего управления гимназии и университета; 2. Канторы Казанской гимназии с 1805 по 1815 г.; 3. Совета Казанского университета с 1815 по 1827 г.; 4. Правления университета с 1815 по 1830; 5. Канцелярии бывших попечителей Казанского учебного округа с 1802 по 1815 г.; 6. Канцелярии бывших директоров и ректоров университета с 1819 по 1830 г.; 7. Канцелярии инспектора студентов и директора педагогического института с 1805 по 1827 г.; 8. Приходорасходные книги Казанской гимназии и университета с 1805 по 1819 год. В своем донесении архивариус Добросмыслов также отмечал, что «дела университетского архива, кроме поступивших из канцелярии бывших попечителей находятся в порядке, расположены по предметам и хронологически. Им деланы с 1829 года двойные описи, из которых один экземпляр хранится у архивариуса, а другой в том месте, откуда дела поступили. Дела канцелярии бывших попечителей описаны, но без разделения по годам или по содержанию. Еще большое число дел находится в

---

⁴⁶ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3412. Л. 36об.

⁴⁷ Там же. Л. 52.

⁴⁸ Об эволюции форм университетского делопроизводства см.: *Ильина К.А.* Делопроизводственная документация как источник изучения практики управления российскими университетами первой половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. С. 31–125; *Вишленкова Е.А., Ильина К.А.* Университетское делопроизводство как практика управления. Опыт России первой половины XIX в. // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 232–255.

архиве несписанными в описи и которые требуется от бывшего архивариуса привести в порядок и опись»⁴⁹.

Со временем в состав совета вошли дела училищного, строительного, издательного и цензурного комитетов, отдельного цензора восточных языков, факультетов, испытательных комитетов для чиновников и на звание домашних учителей, смотрителя клинических институтов⁵⁰. Все дела хранились в бумажных коробках с надписями, расположенными в шкафах в хронологическом порядке. Количество дел росло в геометрической прогрессии: в 1838 г. он составлял уже 20554 дела⁵¹, в 1844 – 32926 дел⁵², в 1849 – 37198 дел⁵³, в 1855 – 46095 дел⁵⁴, в 1858 – 51219 дел⁵⁵.

Очевидно, проделанная казанскими профессорами в 1830 гг. работа обеспечила историков Казанского университета уникальной коллекцией документов Александровской эпохи. Более того, можно говорить о том, что работа по систематизации архива сформировала у членов местного совета понимание его ценности, о чем свидетельствует развернутая ими в 1837–1838 гг. компания за возвращение должности архивариуса в университеты⁵⁶.

Видимо, у живших в более благоприятных политических условиях членов харьковского совета рождение архивного сознания произошло позже. Так, в своем первом отчете о состоянии архива университета в 1833 г. профессора университета доносили, что «Общий университетский архив состоит из дел г[осподина] попечителя, совета университета, училищного комитета, кассирских, бухгалтерских, также и бывшего цензурного комитета. Всех дел в оном заключается 13898. <...> Архив, по случаю перемещения

---

⁴⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3823 «Формы годичного отчета по университетам и учебным округам», 1833–1835. Л. 125.

⁵⁰ См., напр.: РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 592 «Отчет императорского Казанского университета за 1849 год», 1849. Л. 210об.–214.

⁵¹ Там же. Д. 528 «Отчет императорского Казанского университета за 1838 год», 1838. Л. 112об.

⁵² Там же. Д. 564 «Отчет императорского Казанского университета за 1844», 1844. Л. 199об.

⁵³ Там же. Д. 592. Л. 213об.

⁵⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 3801 «Отчет Казанского императорского университета за 1855 год», 1855. Л. 88об.

⁵⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 202. Д. 904. «Отчет императорского Казанского университета за 1858», 1858. Л. 171 об.

⁵⁶ См.: *Ильина К.А., Вишленкова Е.А.* Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // *Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. И.М. Савельевой, Е.А. Вишленковой.* М., 2013. С. 329–357.

оного во вновь назначенные комнаты, приводится в надлежащий порядок. Дела же правления за прежние годы, не поступившие в общий архив, помещаются отдельно при канцелярии, и состоят в ведении одного из поветчиков»⁵⁷. Инвентаризация архива Харьковского университета фиксируется 1834 годом. Тогда члены комиссии (которую попечитель Ю.А. Головкин создал для упорядочения документов своего предшественника В.И. Филатова) разобрали 942 дела училищного комитета за 1832–1834 гг. и затем дела университетского правления за то же время. Судя по их письмам, некоторые обнаруженные ими дела имели в своем ставе документы, «начавшиеся с давнего времени»⁵⁸. Но в них нет упоминаний о том, что комиссия работала с документами 1810–1820 годов. В общей сложности А.Ф. Павловский, Т.Ф. Степанов и П.И. Сокальский разобрали около 2000 дел, которые находились «в крайнем беспорядке, запутанных и не имевших никакого систематического размещения»⁵⁹. Проведенная работа, согласно отчету попечителя в министерство, позволила харьковчанам, наконец, «устроить при Харьковском университете архив, дотоле не существовавший, и ныне находящийся в цветущем состоянии»⁶⁰. В отчете за 1838 г. Харьковский университет сообщал, что его архив состоит из дел канцелярии попечителя, совета, правления и упраздненного училищного комитета. Общий его объем тогда исчислялся 17067 дел⁶¹. За двадцать последующих лет он вырос практически втрое: в 1844 г. он составлял 24843 дела⁶², в 1849 г. – 33966 дел⁶³, в 1856 г. – 43929 дел⁶⁴, в 1857 г. – 45 304 дела⁶⁵.

---

⁵⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 652 «Отчет по Харьковскому университету и учебному округу», 1833. Л. 97–97об.

⁵⁸ Там же. Оп. 49. Д. 1209 «Дело о награждении ректора университета профессора А.Ф. Павловского за успешную работу организованной им временной комиссии по приведению в порядок архива университета», 1838. Л. 1об.–2.

⁵⁹ Там же. Л. 2.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Оп. 95. Д. 668 «Отчет по императорскому Харьковскому университету за 1838 год», 1838. Л. 76.

⁶² Там же. Д. 703 «Отчет о состоянии императорского Харьковского университета за 1844 год», 1844. Л. 72об.

⁶³ Там же. Д. 733 «Отчет о состоянии императорского Харьковского университета за 1849 год», 1849. Л. 86.

⁶⁴ Там же. Д. 782 «Отчет императорского Харьковского университета за 1856 год», 1856. Л. 147.

⁶⁵ Там же. Д. 787 «Отчет императорского Харьковского университета за 1857 год», 1857. Л. 149об.

Что касается архива Московского университета, то в 1832–1833 гг. он структурно делился на две части (совета и правления), которыми заведовали разные архивариусы. В силу значительного объема архив правления был поделен на три раздела: дела самого правления, дела училищного комитета и дела бухгалтерии. Самым обширным был фонд правления, в который поступали решенные дела из первого стола, занимающегося студентами; второго стола, отвечающего за хозяйственные вопросы; третьего стола по типографии; анатомическому кабинету, больнице и аптеке; четвертого стола, собирающего информацию по училищам московского учебного округа⁶⁶. Московский совет сообщал: «Дела находятся в порядке по каждому столу; за каждый год имеются описи и алфавиты оным, по которым приисканы могут быть дела, каждое в надлежащем порядке связано, перемечены по листам и скреплены секретарем [правления]»⁶⁷. Правда, они не смогли назвать общее число дел в архиве, поскольку в это время проводилась работа по составлению единого алфавитного каталога. Однако уже в отчете Московского университета за 1834 г. указано, что его архив состоит из 35460 дел⁶⁸.

За десять лет управления университетами Уварова (1843) московский архив вырос на двадцать тысяч дел, то есть больше, чем на треть (до 54578 дел)⁶⁹. Архивисты раздели его на дела канцелярии попечителя, ректора, совета, правления, медицинского факультета, инспектора, бухгалтерии, училищного комитета, комитета предохранения от холеры 1830 г., комитета по постройке первой и второй гимназий, комитета по постройке дворянского института, комитета по постройке университетского дома и фа-

---

⁶⁶ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 234 «Формы для составления ежегодного отчета по университету и московского учебного округа», 1833. Л. 8об. Такая структура отражала структуру университетской администрации тех лет и сохранялась на протяжении 1830-х годов. См., напр.: РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 194 «Отчет императорского Московского университета за 1834», 1834. Л. 26об.–27; Там же. Д. 195 «Отчет императорского Московского университета за 1835», 1835. Л. 25. Там же. Д. 203 «Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1837/8 академический и 1838 гражданский годы», 1839. Л. 24.

⁶⁷ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 234. Л. 9.

⁶⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 194. Л. 27.

⁶⁹ Там же. Д. 216 «Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1843–44 академический и 1844 гражданский годы», 1845. Л. 35об.

культетской клиники. А в 1845 г. после присоединения московской медико-хирургической академии его объем вырос еще на 16000 дел (всего стало 71158 дел⁷⁰), что, конечно, отяготило участь архивариуса и сократило свободное место в хранилище. На следующий год количество архивных дел достигло 73284⁷¹, а к 1856 – 85352 дел⁷².

Таким образом, в результате архивной реформы 1830 гг. в российских университетах были описаны и систематизированы старые делопроизводственные документы. Из беспорядочного склада бумаг университетские архивы превратились в информационную систему, позволяющую отвечать на запросы чиновников. На тот момент все участники этой реформы исходили из стремления сохранить все наличествующие свидетельства прошлого, не стесняя себя мыслью о дефиците площадей для растущего архива. Еще одним последствием реформы стало изменение отношения профессоров к свидетельствам их коллективного прошлого. Члены ученого сословия стали воспринимать архив не только как справочник для министерских чиновников, но и как хранение коллективной памяти, а это ставило вопрос о содержании и субъектах памяти.

---

⁷⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 217. Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1844–45 академический и 1845 гражданский годы», 1845. Л. 37об.

⁷¹ Там же. Д. 219 «Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1845–46 академический и 1846 гражданский годы», 1846. Л. 36.

⁷² Там же. Д. 239 «Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1855–56 академический и 1856 гражданский годы», 1856. Л. 46.

**«ПРИТЧА О ЧЕТЫРЕХ УЕЗДАХ»:
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ ГРАНИЦЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
УКРАИНСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ
ВО ВРЕМЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ
1917–1920 ГОДОВ**

С.А. Ганус

Ужгородский национальный университет, Ужгород, Украина
Кафедра новой и новейшей истории и историографии
E-mail: ybel170907@rambler.ru

Предметом рассмотрения в данной статье является проблема северо-восточной границы государственных образований, которые как в калейдоскопе возникали и терпели крах на современной территории Украины в 1917–1920 годах. Еще после провозглашения автономии в 1917 г. возник вопрос ее территориальных пределов. В данном случае речь идет о четырех северных уездах Черниговской губернии: Мглинском, Суражском, Стародубском и Новозыбковском. Проблему их принадлежности пытались решать и военными средствами, и через посредничество российско-украинских дипломатических переговоров в 1918 г. Однако военнополитический успех большевистского режима означал поражение Украинской национальной революции. Поэтому проблема принадлежности северных уездов Черниговской губернии была снята с повестки дня.

Ключевые слова: северо-восточные уезды Черниговской губернии, государственные границы, российско-украинские отношения в 1917–1920 гг., дипломатические переговоры.

**«THE PARABLE OF THE FOUR COUNTIES»:
NORTH-EASTERN BORDERS OF THE FOREIGN POLICY
OF UKRAINIAN STATE FORCES DURING THE NATIONAL
REVOLUTION OF 1917–1920**

S.A. Hanus

Uzhhorod National University, Ukraine

The subject of this article is the problem of the north-eastern border of the state formations that appeared like a kaleidoscope and crashing on the territory of modern Ukraine in 1917–1920. Even after the declaration of autonomy in 1917 raised the question of its territorial limits. In this case we are talking about the four northern counties of the province of Chernigov: Mglinsky, Surazhsky, Starodubsky and Novozybkovsky. The problem of trying to solve their supplies and military means, and through the mediation of the Russian-Ukrainian diplomatic negotiations in 1918, however, the military and political success of the Bolshevik regime meant the defeat of Ukrainian national revolution. Therefore

the problem of supplies northern districts of Chernigov province was removed from the agenda.

Key words: north-eastern districts of Chernigov province, borders, Russian-Ukrainian relations in 1917–1920, diplomatic negotiations.

Территориальные проблемы, вопросы государственного разграничения на континенте, казавшиеся раз и навсегда решенными после Второй мировой войны и будучи закрепленными положениями Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.) Российско-украинское пограничье, как и любой иной подобный географический феномен, находящийся на стыке этнических массивов в силу исторически сложившейся этно-национальной чересполосицы может быть отнесен к так называем «приливно-отливным землям», если опереться на дефиницию французского геополитика Ж. Готтмана¹. Проистекая из естественной этнической инфильтрации или вынужденной миграции населения, особенностей административно-территориального деления эта чересполосица способна создавать достаточные основания для использования политических рецептов (военных, дипломатических) в решении вопроса о территориально-государственной принадлежности пограничья в моменты, когда для этого созревают исторические условия.

Указанное явление по данным всероссийской переписи 1897 г. отчетливо прослеживалось в составе населения Харьковской и Черниговской, а также смежных великороссийских Курской и Воронежской губерний. Состоянием на 1913 г. в состав Черниговской губернии входило 15 уездов². В ее северных уездах – Мглинском, Суражском, Стародубском и Новозыбковском удельный вес украинского населения, согласно переписи 1897 г., был незначителен и колебался в пределах 0,08–0,18%, в то время, как в остальных уездах его численность была подавляющей – от 86,14% в Черниговском до 96,26% в Кролевецком³. В Харьковской губернии из

---

¹ Поздняков Э.А. Геополитика. М., 1995. С. 83.

² Волостные, станичные, сельские, гминные правления и управления, а также полицейские станы всей России с обозначением места их нахождения. Киев, 1913. С. 192–193.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XLVIII. Черниговская губерния. СПб., 1905. С. XII.

2492316 жителей насчитывалось 2099411 украинцев. В Воронежской губернии из 1967054 человек они составляли почти половину – 854093, в Курской – 523277 человек из общего числа 1604515⁴. Абсолютное большинство пользующихся украинским языком как родным присутствовало в Грайворонском, Новооскольском и Путивльском уездах Курской губернии⁵.

Развал империй Габсбургов и Романовых, происшедший на ключевом этапе Первой мировой войны повлек за собой существенный передел политической карты Центрально-Восточной Европы. Логика исторических событий всего XIX в. подводила к тому, что рано или поздно, в соответствующий момент безгосударственные народы в лице их политических элит поставят вопрос о создании или же о воссоздании государственных форм своего общественного бытия. Это и произошло в 1917–1918 гг., имплицитно включая при этом проблему пространственных параметров государственных образований, возникающих на обломках империй. Очень многие причины способствовали тому, что в основу их определения должен был быть поставлен этнический принцип, кроме употребимых в подобных случаях историко-географического, экономического и политико-административного подходов. Не стало исключением и украинское государство, правительства которого, несмотря на смену форм правления и политических режимов (демократическая Украинская народная республика, монархическая Украинская держава гетмана П.П. Скоропадского, Украинская народная республика периода Директории и даже правительства советской Украины) настойчиво добивались присоединения территорий, на которых, по располагаемым ими данным, украинский элемент преобладал в этническом составе населения.

Кстати, если вспомнить о том, что именно в начале XX в., т. е. весьма своевременно, завершилось формирование научной концепции М.С. Грушевского, который исходил из принципа континуитета украинской государственнической традиции со времен Киевской Руси, то в политическом обиходе можно было отталкиваться от идеи не создания, а реставрации украинского государства, коренящегося во временах средневековья и имеющего опыт почти полутора столетия существования в виде казацко-гетманской Украины в XVII–XVIII веках.

---

⁴ *Сергійчук В.* Етнічні межі і державний кордон України. Київ, 2008. С. 39.

⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XX. Курская губерния. СПб., 1904. С. 102.

Создание украинской Центральной Рады (УЦР) в ночь с 3 на 4 марта 1917 г. стало толчком к набравшим обороты процессам конституирования государственности, вначале в виде автономного образования в составе демократической и федеративной России, как было предусмотрено I Универсалом Центральной Рады от 10 июня 1917 г. и вплоть до декларирования независимости Украинской народной республики (УНР) IV Универсалом от 9 января 1918 г. Впервые вопрос о параметрах территориального отграничения Украины был поставлен еще в мае 1917 г., когда для переговоров с Временным правительством в Петроград отбыла делегация УЦР во главе с виднейшими украинскими политиками того времени В.К. Винниченко и С.А. Ефремовым. Требования украинской демократии, в той или иной мере представляющей интересы народа, заявленные на многочисленных общественных манифестациях и съездах весны 1917 г. были сконцентрированы в особой памятной записке. Поясняя ее содержание Винниченко писал: «...Ничего ужасного мы не домогались. Мы только скромно хотели, чтоб Правительство “в том или ином акте высказало принципиально свое доброжелательное отношение к этому постулату” – автономии Украины. Только принципиально. Не заводите ее сейчас, мы готовы сколько там нужно ждать осуществления этого постулата; не решайте даже его теперь, не говорите, что так и будет, заявите только, что вы доброжелательно относитесь...»⁶.

Временное правительство так или иначе готово было признать властную компетенцию УЦР как представительного политического органа на территории Киевской, Полтавской, Подольской, Волынской и Черниговской губерний⁷, как мы видим, без развитых в экономическом отношении губерний юга и востока. Однако даже эти ограниченные уступки, среди иных причин привели к июньскому кризису Временного правительства в связи с выходом из него министров, представляющих партию «народной свободы», известной своей последовательностью в отстаивании унитарных принципов государственного строительства в новой России. До конца двоевластия, т. е. до подавления вооруженных выступлений в Петрограде в начале июля 1917 г. Вре-

---

⁶ Винниченко В. Відродження нації // Винниченко В. Відродження нації. Заповіт борця за визволення. Київ, 2008. С. 97.

⁷ Там же. С. 98.

менное правительство пыталось маневрировать, проявляя определенные признаки признания логики позиций УЦР.

Для выяснения этих позиций с 29 июня 1917 г. в Киеве вела переговоры делегация Временного правительства в составе влиятельных министров И.Г. Церетели, Н.В. Некрасова, А.Ф. Керенского и М.И. Терещенко. В июле же и августе, официальный Петроград занимает более жесткую позицию. Отказавшись санкционировать предложенный Киевом «Статут высшего управления Украины», т. е. положение о ее правительстве – Генеральном секретариате, 4 августа петроградский кабинет предложил иной нормативный документ с тяжеловесным названием «Временная инструкция Генеральному секретариату Временного правительства на Украине». Порядок соподчинения органов центральной и краевой власти определялся в самом его названии. Понятие территориальной автономии в нем заменялось местным самоуправлением, каковое могло быть распространено на 5, а точнее – на 4,75 губернии – Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую без северных уездов (Мглинского, Суражского, Стародубского и Новозыбковского)⁸. Объясняя многочисленным критикам причины одобрения Центральной Радой столь урезающего территорию и автономистские притязания Украины решения, Винниченко прокомментировал, что инструкция была всего лишь принята к сведению и не более, причем, не в последнюю очередь, из расчетов удерживать единство демократических сил перед лицом возможного наступления политических оппонентов как справа, так и слева⁹.

Последующие месяцы показали, что в такие переломные моменты, как 1917–1919 гг. стремительное изменение социально-политической обстановки превращало в клочок бумаги важнейшие межгосударственные соглашения, не говоря уже о документах, подобных «Временной инструкции». После известных событий октябрьских дней в Петрограде и подавления попытки большевистского выступления в Киеве 7 ноября 1917 г. Центральная Рада опубликовала свой знаменитый III Универсал, в котором, кроме провозглашения УНР очерчивались ее географические пределы в виде своеобразных программ минимум и максимум. Программа минимум включала 9 губерний на основании

---

⁸ Вестник Временного Правительства. 1917. 5 (18) августа. № 123.

⁹ Кульчицкий С., Солдатенко В. Володимир Винниченко. Київ, 2005. С. 109.

того, что в большинстве они населены украинцами¹⁰. В силу этого, скажем, в предложенном перечне губерний из состава Таврии исключался Крым. Программа максимум предусматривала приращения на части Курщины, Воронежщины и иных смежных губерний, где, по мнению составителей III Универсала, преобладало украинское население. Реализация задекларированных территориальных планов должна была осуществляться «согласно организованной воле народов», т. е. через плебисцитарные механизмы самоопределения населения¹¹. Использование понятия «смежных губерний», очевидно, предполагало, что их список может быть расширен с учетом этнографического критерия и политических возможностей получить желаемое.

Территориальные вопросы поднимались на мирных переговорах в Брест-Литовске, которые велись государствами Четверного Союза с УНР (декабрь 1917 – 27 января 1918 гг.) и Советской Россией (декабрь 1917 – 3 марта 1918 гг.). Исходя из катастрофического состояния продовольственного обеспечения населения Австро-Венгрии, а также при наличии такого козыря, как стремление государств Четверного Союза заблокировать несговорчивую позицию советской делегации во главе с Л.Д. Троцким¹² дипломатия УНР при заключении мирного договора смогла добиться определенных территориальных и политических уступок, в частности, признания прав на Холмщину. А вот вопрос восточных и северо-восточных границ остался открытым. 5 января 1918 г. на утреннем заседании политической комиссии глава германской делегации генерал М. Гофман предъявил карту с обозначением занятых российских территорий, которые «по военным соображениям» остались бы под германской оккупацией до конца войны. Зато в неоккупированных частях прифронтовых российских губерний предлагалось осуществить принцип самоопределения. Троцкий безуспешно возражал, отмечая, в частности, что границы с Украиной еще не проведены и подлежат определению «за-

---

¹⁰ Поскольку о четырех северных уездах Черниговской губернии особо не упоминалось, то отсюда можно сделать вывод, что территориальная программа III Универсала УЦР включала в состав УНР всю губернию целиком.

¹¹ Чотири Універсали. Упорядник В.Д. Конашевич. Київ, 1990. С. 10.

¹² Мотивацию действий дипломатии государств Четверного Союза можно определить еще шире как стремление насколько возможно раздробить Россию на части по этническому признаку, чтобы надолго подорвать силы своего соперника.

интересованными массами населения» и т. д., но, бессильный повлиять на контрпартнеров, объявил на вечернем заседании, что считает работу политической комиссии мирной конференции завершенной¹³. В заключенном с РСФСР мирном договоре от 3 марта 1918 г. статьей 6 было обусловлено признание украинской государственности, выведение частей Красной гвардии из ее пределов и прекращение большевистской агитации¹⁴.

Соответственно, поскольку все стороны, принимающие участие в мирных переговорах в Брест-Литовске стремились к скорейшему прекращению боевых действий при более или менее приемлемых условиях мирного соглашения, то нет ничего удивительного в том, что разграничение Украины и России должно было стать предметом особых переговоров, отложенных на после. 30 марта 1918 г. Совет народных министров УНР послал телеграмму Совнаркому Советской России с предложением прекратить состояние войны, заключить двусторонний мирный договор, который бы также урегулировал проблемы границ и режима правоотношений между двумя государствами¹⁵. Положительный ответ был, получен. Однако пока шли предварительные дискуссии относительно места проведения переговоров в Киеве произошел государственный переворот, и 29 апреля 1918 г. к власти пришел гетманский режим П.П. Скоропадского, нацеленный на восстановление стабильного государственного управления, преодоление анархии и проведение умеренных реформ с опорой на консервативно настроенные зажиточные слои населения и поддержку со стороны Германии и Австро-Венгрии, войска которых, пребывая на территории Украины, гарантировали бы безопасность режима от вторжения извне. Для общей характеристики военно-политической обстановки в период Гетманата обратимся к участникам событий тех лет Р.П. Эйдеману и Н.Е. Какурину, которые сделали вывод, что в это время революция отступила и вообще «оккупационный период» небогат военными событиями-

---

¹³ Михутина И.В. Украинский Брестский мир // Восточная Европа после «Версаля». СПб., 2007. С. 33–34.

¹⁴ Документы внешней политики СССР: в 24 т. М., 1957. Т. I. С. 49.

¹⁵ Центральний державний архів вищих органів влади і державного управління України (далее – ЦДАВОВУ). Ф. 2607. Оп. 2. Спр. 1. Арк. 16–17.

ми¹⁶. Гораздо более насыщенным он является в дипломатическом отношении.

Осуществляя курс на создание дееспособного бюрократического аппарата, гетманское правительство создало разветвленную сеть консульских учреждений на территории бывшей Российской империи, в том числе и в прилегающих к Украине губернских центрах Воронеже и Курске – консульские агентства 2-го разряда¹⁷. (На основе закона от 4 июля и приказа МИД от 15 июля). Соответственно, проводить мирные переговоры советской стороне пришлось уже с представителями дипломатии гетманской Украинской державы, в которой, как хорошо известно, государственный аппарат комплектовался из числа опытного, прошедшего вышккол еще в царские времена чиновничества.

Если в сфере социально-экономической политики новая власть была противоположностью режиму Центральной Рады, то в осуществлении внешнеполитических задач речь может идти о выраженной преемственности. Новое гетманское правительство взяло на себя выполнение всех предшествующих международных обязательств, в том числе и по поводу предстоящих украинско-российских переговоров. 11 мая было достигнуто соглашение о том, что местом их проведения станет Киев, который в 1918 г. при Скоропадском выглядел островом спокойствия посреди бушующего моря охваченных гражданской войной территорий бывшей Российской империи. Весьма характерным подтверждением этому стало большое количество просьб от разных лиц, желающих получить украинское подданство, в дипломатические представительства Украинской державы за границей¹⁸.

Делегации гетманской Украины и советской России были необходимым образом укомплектованы специалистами и возглавлялись, соответственно, генеральным судьей и сенатором С.П. Шелухиным и большевистским функционером, впоследствии главой правительства уже советской Украины Х.Г. Раковским. Пытаясь подготовить благоприятную почву для выполнения своего программного задания о начертании границ Украинской державы по максимуму возможного, Шелухин несколько раз требовал пред-

---

¹⁶ *Ейдман Р., Какурін Н.* Громадянська війна на Україні / за ред. В.Я. Чубаря. 2-е вид. Харків, 1931. С. 4.

¹⁷ ЦДАВОВУ. Ф. 3198. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 16.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Спр. 7. Арк. 60, 61, 63, 67, 69, 70, 85, 104; Спр. 4. Арк. 22-28, 61 и т. д.

ставить пояснения относительно государственно-правового устройства и юридической природы РСФСР, а также указать от имени каких российских регионов выступает переговорная сторона. По этому поводу на следующий день после начала переговоров 24 мая Шелухин подал Раковскому вербальную ноту¹⁹. В свою очередь Раковский на заседании 31 мая 1918 г. весьма умело представил сам факт переговоров как мероприятие, завершающее международно-правовую легитимацию украинской государственности. По его представлению, «Украина для всех до настоящего момента, т.е. до того момента, пока мы в договор не внесли наше признание того, что отпавшая часть от России – Украина является самостоятельным государством, еще в международных юридических отношениях не имеет вполне определенной юридической индивидуальности»²⁰. В данном случае советский дипломат намекал на некую правопреемственность между царской Россией, в состав которой входила Украина и советским режимом, который «отпускает» ее в «свободное плавание».

Проблема государственных границ находилась в тесной связи с конфигурацией демаркационной линии, разграничивающей расположение советских и украинско-германских войск. Наступление немцев длилось до начала мая 1918 г. и 4 числа, по воспоминаниям Эйдемана и Какурина, остатки большевистских сил после нескольких локальных попыток сопротивления оставили украинскую территорию. «Волна немецкой оккупации» остановилась по линии Новозыбков – Новгород-Северский – хутор Михайловский – Белгород – Валуйки – Миллерово²¹.

Упомянутая демаркационная линия представляла собой нейтральную полосу шириной в 10–40 км на различных участках. Переговоры войсковых делегаций по поводу ее начертания проходили в Курске в мае 1918 г. Они завершились установлением режима прекращения огня на Курском, Брянском, Донецком направлениях по линии Сураж – Унеча – Стародуб – Новгород-Северский – Глухов – Рыльск – Коллонтаевка – Суджа – Беленихи-

---

¹⁹ Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. протоколи і стенограми пленарних засідань. Збірник документів і матеріалів. Київ–Нью-Йорк–Філадельфія, 1999. С. 35–39, 63–64, 65–70, 291–292.

²⁰ Там же. С. 89–94.

²¹ *Ейдеман Р., Какурін Н.* Вказ. твір. С. 29.

но – Купянск²². На Воронежском и Донском направлениях боевые действия были прекращены де-факто. Требование украинской стороны на переговорах в Киеве установить демаркационную линию севернее фактически достигнутой Раковским было категорически отвергнуто, ибо каждому было ясно, что имеется ввиду последующее размежевание государственных границ на этой основе²³. На заседании 31 мая было принято решение передать рассмотрение вопроса в специальную комиссию. Впрочем, во время переговорного процесса обе стороны приняли в качестве основы территориальные положения III Универсала Центральной Рады, отталкиваясь от которых следовало проводить государственные границы.

В столкновение пришли и базовые принципы, предлагаемые главами обеих делегаций и на основе которых должен был решаться вышеуказанный вопрос. Шелухин настаивал на этнографическом принципе с поправками, которых «требуют государственные, экономические, географические и стратегические условия»²⁴, а Раковский – на принципе самоопределения народов, который предполагал выяснение этого вопроса в пределах даже не уездов, а волостей. Аргументы последнего выглядели достаточно убедительно и красноречиво, ибо «этнографический принцип оперирует не с живыми людьми, он оперирует со статистическим материалом». Посему, как не без пафоса заявил Раковский на заседании 14 июня, он считает «абсолютно недопустимым принимать на себя ответственность решать судьбу людей, даже если они называются великороссами, если даже по статистике они принадлежат к ним, решать эту судьбу на основании сухих статистических материалов» без учета воли этих людей²⁵. Теоретически можно было поставить вопрос о получении результатов волеизъявления населения отдельно взятого поселка, деревни, хутора. И действительно, уже вскоре на пленарном заседании 22 июня Раковский ссылаясь на десятки документов, фиксировавших решения сельских, волостных, уездных, областных сходов и съездов²⁶. Следует отметить

---

²² Гражданская война на Украине. Сб. документов: в 4 т. Киев, 1967. Т. I, кн. 1. С. 344.

²³ Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. протоколи і стенограми пленарних засідань. С. 94–100.

²⁴ Там же. С. 308.

²⁵ Там же. С. 167.

²⁶ Там же. С. 194.

дальновидность советского дипломата, который, во-первых, хорошо знал, каковой может быть степень действенности классовой агитации, настойчиво проводимой большевиками; во-вторых, столь демократический принцип невозможно было отвергнуть как неприемлемый, несмотря на то, что Шелухин неоднократно приводил примеры использования насилия при определении результатов «народного волеизъявления» в отдельных местностях, в частности и в вышеупомянутых северных уездах Черниговской губернии²⁷.

Документы подтверждают, насколько большое значение КП(б)У уделяла организационной и агитационно-пропагандистской работе в массах. 1 августа 1918 г. на заседании ее Железнодорожного бюро (протокол № 5) ответственные партийцы Скороход, Куценко (третья фамилия неразборчива) были командированы для работы на станциях Курск, Льгов и Брянск²⁸. В ноябре 1918 г., когда стала вырисовываться возможность выведения с территории Украины германских войск, партийная машина сразу же заработала на повышенных оборотах. От имени Заграничного бюро ЦК КП(б)У в губернские организации РКП было направлено циркулярное письмо, в котором содержалась просьба откомандировать товарищей к месту сбора в г. Орел, поскольку возникла необходимость «организации военно-революционной работы». А выполнение таких функций требовало проверенных и опытных кадров. Поэтому в письме содержалась просьба «не направлять нам рядовых работников, особенно лиц не работавших нелегально»²⁹. Через короткое время (очевидно, речь идет о ноябре первой половине декабря 1918 г., поскольку упомянуто поражение немцев), в очередном воззвании, на сей раз к коммунистам Украины, Загранбюро ЦК КП(б)У, сославшись на решения II съезда партии «наметил задачу ускоренной организации всех партийных и боевых сил для использования благоприятно складывающихся для революции условий, дабы не допустить превращения «гетманской Украины в активный ударный кулак против Социальной Русской Революции»³⁰. В грозные месяцы 1919 г., когда приходи-

---

²⁷ Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. протоколи і стенограми пленарних засідань. С. 13.

²⁸ Центральний державний архів громадських об'єднань України (далее – ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 20. Спр. 1 Арк. 36.

²⁹ Там же. Арк. 14.

³⁰ Там же. Арк. 16.

лось напрягать все силы для борьбы с Деникиным, бюллетень Секретариата ЦК КП(б)У от 22 июня уделил весьма значительное внимание этим вопросам, отмечая, в частности, что в г. Борзне Черниговской губ. «ощущается недостаток в работниках (агитаторах)», а в с. Ярославка Козелецкого уезда парторганизация возникла только в марте 1919 г., «несмотря на то, что среди крестьян преобладают батраки и имеется небольшое ядро рабочих»³¹.

Однако, вернемся к украинско-российским мирным переговорам 1918 года. 15 июня на заседании политической комиссии Раковский предложил украинским представителям первыми представить свои требования по разграничению, ибо, по его словам, самоопределяется Украина, а не Россия³². 22 июня была оглашена компромиссная резолюция, в которой отмечалось, что в основу таки будет положен этнографический принцип, исходя из которого договорные стороны согласны установить государственную границу, причем в отдельных спорных местностях будет проведен организованный и свободный опрос населения по этому поводу. На основе достижения компромиссного соглашения о принципах межгосударственного разграничения украинская сторона предложила проект, который предусматривал включение в состав Украинской державы 10 уездов Воронежской, Курской и Орловской губерний, 4 северных уездов Черниговской, трети Донской области³³. Отвергнув этот проект, Раковский предложил свой вариант, выдвинув притязания на 5 уездов Волынской, а также ряд восточных уездов Екатеринославской и Харьковской губерний с охватом практически всего Донбасса³⁴. На заседании политической комиссии Шелухин не смог сдержать своего возмущения, не по дипломатически язвительно заметив большевистским представителям, что «у вас аппетит большой, вовсе не социалистический»³⁵.

Волей-неволей, не в последнюю очередь благодаря умелой тактике ведения переговорного процесса, Раковский сумел втянуть украинскую делегацию в длительные, иногда даже мелочные прения по экономическим, историческим, этнографическим, административно-правовым и иным аспектам разграничения по

---

³¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 34. Арк. 2 зв.

³² ЦДАВОВУ. Ф. 2607. Оп. 1. Спр. 37. Арк. 1.

³³ *Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б.* Кордони України: історична ретроспектива і сучасний стан. Київ, 1994. С. 23.

³⁴ Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. С. 14.

³⁵ ЦДАВОВУ. Ф. 2607. Оп. 1. Спр. 37. Арк. 163.

принципу перетягивания каната. Приходилось, к примеру, дискутировать по поводу волеизъявления сельского схода деревни Баламутовки на Киевщине, который постановил отделиться от Украины и присоединиться к России³⁶. В вопросе выстраивания аргументов становилось очевидным, что у каждой стороны своя правда. Во время сильно затянувшихся переговоров осуществлялись мероприятия по нейтрализации позиции гетманской дипломатии. Велись закулисные переговоры как с немцами, которые все менее были способны продолжать изнурительную войну и каким-либо образом поддерживать своих союзников, так и с противниками гетманского режима в самой Украине, в частности, с лидерами партий, составляющих в свое время УЦР и готовящихся вновь обрести власть³⁷.

К концу лета становилось очевидным, что переговоры застопорились. 24 августа Раковский заявил, что продолжать их далее представляемая им сторона не может ни в коем случае, ибо с украинской стороны имеет место признание правительства Области Войска Донского. А оно для большевиков «является правительством, которое стремится к отделению той или иной провинции России»³⁸. Министр иностранных дел Украинской державы Д.И. Дорошенко позже писал, что уже «с половины лета становилось ясным, что советская делегация ведет со своей стороны переговоры так, будто она вовсе не заинтересована довести их до положительного завершения, а хочет лишь протянуть время»³⁹. Еще откровеннее в интервью газете «Нова Рада» (номер от 17 августа 1918 г.) высказался С.П. Шелухин, утверждая, что «Украина никогда не дожидется завершения переговоров <...> Украине нужны мир и государственные границы. От отсутствия того и другого она много утрачивает<...> Но российские войска продолжают находиться на украинской территории, отсутствие границ выгодно большевикам, поскольку это распространяет большевистскую власть на наших землях»⁴⁰.

---

³⁶ Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. С. 194–202.

³⁷ Винниченко В. Вказ. твір. С. 459.

³⁸ Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. С. 225.

³⁹ Дорошенко Д. Історія України 1917–1923 рр.: в 2 т. Ужгород, 1930. Т. 2. Українська гетьманська держава 1918 р. С. 172.

⁴⁰ Цит. по: Дацків І.Б. Дипломатія українських державних утворень у захисті національних інтересів 1917–1923 рр. Тернопіль, 2009. С. 252.

После восстановления УНР накопившиеся проблемы не только не разрешились, а до предела обострились. Режим Директории был гораздо менее способен решать их даже по сравнению со своим предшественником. Однако это не препятствовало вновь выдвинуть вопрос северо-восточных границ украинского государства. Правда, не более, как теоретически. В марте-апреле 1919 г., когда Директория контролировала лишь регион Подолии профессор Каменец-Подольского университета И.Г. Пеленский по запросу правительства подготовил пространную объяснительную записку «в деле этнических границ украинцев». Ее автору не отказать в обширной эрудиции, ибо он опирался и на материалы переписи 1897 г., и на этнографические и лингвистические данные, в частности, исследования таких авторитетов, как В.М. Гнатюк, А.Л. Петров, академик А.И. Соболевский, П.И. Житецкий, А.А. Потебня и т.д. В документе было указано, в частности, что гетманская делегация на мирных переговорах 1918 г. неправомерно исключила из состава этнических пределов Украины древнюю северскую волость Карачевскую, город Брянск, которые своей жизнью экономической «тянут» к Украине, причем со стороны этнографической «оставляют за Украиной право не меньше, чем за Московщиной или Белорусью». Львовский уезд Курской губернии охарактеризован как наполовину безусловно украинский и т.д.⁴¹ Однако самые изощренные аргументы в создавшихся на середину 1919 г. могли иметь не более, как отвлеченный интерес, поскольку судьба самого режима Директории висела буквально на волоске. И для его спасения в апреле 1920 г. Варшавским договором Петлюра отдал Польше ни много ни мало как всю Восточную Галицию и западную Волынь.

Впрочем, даже красные командиры Эйдеман и Какурин в своих воспоминаниях не могли отрицать, что сформировалась «идея о самостоятельном государственном существовании Украины, как демократической республики». А ее главные подвижники – «мелкобуржуазные националистические партии» (непременный терминологический штамп большевистской мемуарной литературы, как и в целом советской историографии по поводу событий 1917–1920 гг. на Украине. – С. Г.) – то есть украинские национально-демократические партии, преимущественно социалистической ориентации «сумели организовать вокруг себя широкие круги украинского крестьянства и интеллигенции»⁴². Та-

---

⁴¹ Сергійчук В. Вказ. твір. С. 26–27.

⁴² Эйдеман Р., Какурін Н. Вказ. твір. С. 3–4.

ким образом, с учетом того, что большинство населения Украины этим крестьянством как раз и являлось, то, с определенной условностью, можно сделать вывод, что авторы, воспоминания которых мы цитируем, предполагали широчайшую общественную поддержку украинской государственнической идеи, да еще и при наличии идейно-политического руководства в виде интеллигенции, лидерствующей в политических партиях. Сами того не подозревая, Эйдеман и Какурин оказались близкими к истине, пусть даже описывая события в их самых общих чертах, когда утверждали, что из всего богатого спектра общественно-политических сил, естественно опирающихся на определенные слои населения, только лишь одни «большевики, имеющие преимущественное большинство в Киевском Совете и во всех советах наибольших украинских центров, не признавали права Рады на государственный суверенитет, требуя и для Украины советской власти»⁴³.

К 1919 г. официальная позиция большевиков претерпела заметные изменения в ее отношении к украинской государственнической идее. Так, в приказе от 30 ноября 1919 г. по Красным войскам, вступающим в пределы Украины, председатель РВС Республики, наркомвоенмор Л.Д. Троцкий несколько даже акцентуированно отмечал, что «Украина – это земля украинских рабочих и трудовых крестьян», что речь идет не о покорении, а об освобождении Украины, трудовое население которой само решит, как ему жить с Советской Россией, хоть при этом ему верилось, «что трудовой украинский народ выскажется за самый тесный братский союз с нами»⁴⁴. О том, что РКП(б) стоит на платформе признания самостоятельности УССР гласила и Резолюция ЦК «О советской власти на Украине», принятая на Всероссийской партийной конференции (2–5 декабря 1919 г.). В ней констатировалось, что отношения между УССР и РСФСР определяются федеративной связью на «почве решений ВЦИК от 1 июня 1919 г. и ЦИКУ от 18 мая 1919 г.»⁴⁵ Конечно же, самоопределение посредством плебисцитарных механизмов ни в коей мере не могло быть использовано при разграничении между советскими республиками.

---

⁴³ *Ейдеман Р., Какурин Н.* Вказ. твір. С. 9.

⁴⁴ Бюллетень Организационного бюро Центрального Комитета Коммунистической партии (Большевиков) Украины. № 3–4. 12 декабря 1919 г. // ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 34. Арк. 7 зв.

⁴⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 34. Арк. 9 зв.

В создавшихся условиях возникало специфическое явление наложения юридических компетенций, что связано с неопределенностью границ между советскими республиками. Так, постановление инициативной группы коммунистов г. Шостки от 23 декабря 1918 г. о проведении выборов в местный совет содержало отсылку к действующей Конституции РСФСР⁴⁶. Или же, циркулярное письмо ЦК РКП(б) от 21 января 1920 г. об усовершенствовании партийной работы в деревне, подписанное заведомо работы в деревне В.И. Невским было отослано во все губкомы партии, в том числе и украинские⁴⁷. Циркулярное письмо ЦК КП(б)У № 10 от 24 января 1920 г. предписывает в процессе партийного и советского строительства в занимаемых Красной армией районах придерживаться положений Резолюции «О советской власти на Украине», руководствоваться инструкциями, выработанными Отделом по работе в деревне ЦК КПУ, а также резолюциями I Всероссийского совещания по работе в деревне (ноябрь 1919 г.)⁴⁸. В то же время, судя по списку губкомов, которым отсылались циркулярные письма ЦК КП(б)У (например, циркуляр от 27 февраля 1920 г.)⁴⁹, компетенция ее распространялась на перечень губерний, которые ранее УЦР полагала, как украинские (с учетом новообразованной Донецкой губернии, выделенной из состава Екатеринославской). Всеукраинкомтруд предписывает при организации всеобщей трудовой повинности руководствоваться соответствующими постановлениями СНК РСФСР⁵⁰ и т.д. При этом не исключались трения, возникающие в результате конфликта компетенций. ЦК КП(б)У в отношении в политотдел 14 армии от 10 января 1920 г. считает неправомерным отказ командировать в его распоряжение членов партии под тем видом, что те подлежат компетенции РКП(б) и предлагает подходить к вопросу не с формальной точки зрения, а из соображений целесообразности⁵¹.

Подводя итог, отметим, что объективно существующее и допускаемое сочетание аргументов различного порядка относительно северо-восточных границ украинских государственных образований в 1917–1919 гг. создавало естественные предпосылки

---

⁴⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 4. Арк. 33.

⁴⁷ Там же. Спр. 131. Арк. 11–11зв.

⁴⁸ Там же. Арк. 12.

⁴⁹ Там же. Арк. 21.

⁵⁰ Там же. Арк. 27.

⁵¹ Там же. Спр. 171. Арк. 7.

зависимости в решении этих вопросов от волевых политических актов, а также от стремительно изменяющейся военно-политической конъюнктуры, смены властных режимов на Украине. В то же время, несомненно возрастающая дееспособность большевистского режима, сумевшего выстоять в условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции дала возможность, в основном, собрать имперское территориальное наследие. В 1919–1920 гг., несмотря на определенные усилия со стороны органов власти УССР, разрешение территориальных вопросов не выходило за пределы дискуссий по разграничению между советскими республиками, будучи отложенным до реформ административно-территориального устройства Союза ССР середины 1920-х годов.

ОТ ПОЛИТИКИ ЗАБВЕНИЯ К ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ

УДК 930.1:316.473

МЕХАНИЗМЫ «ЗАБЫВАНИЯ» В СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Н.И. Шестов

Саратовский государственный университет,
юридический факультет,
кафедра политических наук
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье обосновывается теоретическая возможность и практическая продуктивность такого научного ракурса изучения проблем исторической памяти современных социумов, в котором учтено наличие в структурах исторической памяти механизмов «забывания».

Ключевые слова: историческая память, историческое знание, гражданское воспитание.

MECHANISMS OF «FORGETTING» IN THE STRUCTURE OF HISTORICAL MEMORY

N.I. Shestov

Saratov State University

The article explains a theoretical possibility and practical efficiency of the scientific perspective to studying the problems of historical memory of modern societies, which reflects the presence of the mechanisms of «forgetting» in the structures of historical memory.

Key Words: historical memory, historical knowledge, civil education.

От обывательского интереса к проблеме научный подход к ней обычно отличает структурная логичность последнего. Сегодня исследователи, публицисты, а так же практикующие политики охотно говорят и пишут об исторической памяти как инструменте патриотического воспитания подрастающего поколения российских граждан и формирования их политической и культурной идентичности в глобализующемся мире, как основе межпоколенческих связей, обеспечивающих внутрисоциальную стабильность, как источнике качественных «материалов» для иде-

ологического конструирования, призванного обеспечить солидарность государственных элит и социума в условиях очередной российской модернизации. Трудно не согласиться с этими, преимущественно конструктивными, суждениями специалистов о важности для нормально развивающегося социума обладать активной и обширной исторической памятью, о необходимости эту память беречь и приумножать. Но есть в таких суждениях заметный недостаток, некоторая недосказанность, вследствие которой нарушенной оказывается общая логика научного опредмечивания проблемы исторической памяти.

Понятно (это доступно простому поверхностному наблюдению), что нормальные люди, из которых в большинстве состоит нормальный социум, не могут и не обязаны одинаково конкретно и емко помнить все о том, что было до них. Как не обязаны они, в принципе, одинаково мыслить о будущем. На то есть разнообразные идеологии, обеспечивающие человеку широкую возможность выбора своих представлений о будущем. Что тогда, в каком объеме граждане должны помнить, а чего помнить не обязаны? Что в организации самой исторической памяти должно обеспечивать человеку возможность субъективного выбора в его воспоминаниях о прошлом? Вопрос можно поставить и так: сколько знания о прошлом и, какого качества необходимо современному нормальному человеку и нормально развивающемуся социуму для того, чтобы не утратить интереса к настоящему и будущему? Можно ведь и перестараться, и в какой-то момент столкнуться с тем, что вполне современное общество, в лице не самых отсталых в интеллектуальном отношении и не самых плохих в моральном отношении своих представителей, особенно из числа молодежи, вдруг заявит о своем желании отказаться от идеи модернизации, как таковой, и о своем возвращении к прошлому как ключевой ценности. Как перспективной стратегии совершенствования своего политического, экономического, правового и культурного состояния. Ренессанс разных форм традиционализма в современном мире тому дает много ярких свидетельств. В ряду таких свидетельств одной их последних стоит попытка реализации (сама идея имеет древние корни) проекта «исламского государства», нашедшая самый широкий отклик не только у жителей Северной Африки и Ближнего Востока, что можно было бы списать на особенности политической культуры в странах «третьего мира», но и у граждан благополучной Европы. Можно понять причину со-

блазнительности прошлого: в сравнении с неизвестным и потому пугающим будущим прошлое обладает тем незаменимым для социального проектирования качеством, что оно уже когда-то случилось, оно прошло проверку на опасность и безопасность в качестве стратегии развития, оно « себя показало » с разных сторон. В этом смысле любой социальный проект, замешанный на осознании людьми прошлого, как ключевой ценности и альтернативы их неопределенному будущему, обладает несомненной для массового сознания реалистичностью.

Специалистами этот вопрос меры и качества осознания людьми исторического прошлого часто адресуется исторической науке: объем необходимого социуму воспоминания о прошлом определяется в соотношении с объемом знания, доступного на данный момент науке. Историческая память, собственно, чаще всего и определяется исследователями, как некий объем исторического знания, доступного в данный момент массовому сознанию благодаря усилиям науки и потому обладающего ценностью как и все другие научные достижения. « Историческая память – утверждает воронежский историк И.А. Чурсанова, – это, в первую очередь, обращение к прошлому, как в его позитивных, так и негативных аспектах, т.е. *попытка реконструкции событий прошедшей действительности. Историческая память, как процесс познания прошлого, включающий отбор и сохранение информации о нем...*» (выделено мной. – Н. Ш.)¹. С другой стороны, по выражению германского исследователя А. Буллера: «...в совокупности все эти, оставшиеся от прошлого, разнообразные исторические "следы" образуют тот невидимый фундамент наших знаний, на котором рождаются, формируются и развиваются все наши интерпретации и концепции прошлого»².

Все выглядит вроде бы логично: историческая наука обращается к исторической памяти социума за исходными материалами для концептуализации, и сама посредством своих концептов помогает исторической памяти структурироваться, реконструировать и осмыслить прошлое. Но эту логику нарушают оговорки, которые делают упомянутые авторы. А. Буллер, например, отмечает: «Но прошлое может и непреднамеренно оказаться в забве-

---

¹ Чурсанова И.А. «Славное прошлое»: история или память? // Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска: сборник статей международной научной конференции. Липецк-Тамбов, 2014. С. 24.

² Буллер А. О риске процесса познания прошлого // Там же. С. 3–4.

нии. И причины такого – непреднамеренного – забвения прошлого лежат часто не в политических или идеологических условиях, а в механизмах функционирования человеческой памяти...»³. Получается, что органичная и логичная связь между объемом и качеством исторической памяти людей и объемом и качеством знания о прошлом, созданного исторической наукой разрушается. Многое, получается так, от успехов науки не зависит. Многое в состоянии исторической памяти зависит от условий, прямого отношения к состоянию науки не имеющих: «Ориентируясь на потребности, цели и ценности, задающие динамику процессов в социальной памяти, историческая, в свою очередь, актуализирует одни события прошлого и игнорирует другие»⁴. Забывание прошлого в контексте таких суждений выглядит побочным, отчасти даже случайным, и потому недостаточно доступным опредмечиванию наукой продуктом функционирования исторической памяти социума. Хотя, с другой стороны, очевидно, что те же исследователи считают явно неполной общую картину функционирования исторической памяти без упоминания о такой «случайности».

Эта особенность суждений специалистов об исторической памяти как предмете исследования наводят на мысль, что при построении предметного «поля» было упущено нечто важное. Что из структуры предмета в данном случае выпал некий принципиальный элемент. Возможно, что выпала постановка вопроса о существовании, наряду с механизмами воспроизводства и актуализации знания о прошлом, еще и «механизмов забывания» прошлого. Механизмов выведения из исторической памяти, касается ли это памяти специалистов, или массы рядовых граждан, того знания о прошлом, которое, в предшествующее время обладало несомненной ценностью и было функционально в политическом, экономическом и культурном планах. Недостаёт в структуре научного предмета и постановки вопроса о логике того, что по аналогии с «политикой памяти» можно было бы назвать «политикой забывания». Сегодня, наблюдая за тем, как во многих частях мира и, в том числе, на постсоветском пространстве целенаправленными совместными усилиями медийных и властных элит происходит перетасовка в массовом сознании «следов прошлого», как поверх следов советской истории в общественном сознании средствами

---

³ Буллер А. Указ. соч. С. 6.

⁴ Чурсанова И.А. Указ. соч. С. 25.

пропаганды и науки «натаптываются» следы других, альтернативных ей, порой совершенно фэнтэзийных историй, понимаешь, что, наверное, самостоятельный научный разговор о «политике забывания» назрел. А, может быть, где-то и запоздал. В том смысле, что те стратегии гражданского и патриотического воспитания, которые сегодня реализуются в нашей стране, недостаточно учитывают эти естественные и намеренно организованные «утечки» из исторической памяти.

Что это за «механизмы забывания», функционирование которых дает исследователю повод искать системность в их функционировании и говорить о «политике забывания» как состоявшемся политико-культурном факте? Насколько эти механизмы самостоятельны по отношению к механизмам пополнения исторической памяти социума и человека полезной им информацией о прошлом? Насколько те и другие механизмы органичны друг другу? Необходимо пояснить, что когда речь идет о «механизме», то в данном случае имеется в виду некий устоявшийся порядок связи принципов и способов организации и актуализации исторической информации и придания ей значимости в качестве предмета научного внимания и значимости социальной ценности.

Ответ на эти вопросы прямо связан с заявленной ранее авторской позицией, которая не противоречит принципиально позиции многих других исследователей феномена исторической памяти, апеллирующих к естественным свойствам человеческой памяти. В частности, к тому, что забывание, наряду со вспоминанием и запоминанием, есть неотъемлемая часть функционирования этой памяти в нормальном режиме. Потому-то в начале данной статьи и был сформулирован тезис о «забывании», «механизмах забывания» и «политике забывания» как недостаточно учитываемой исследователями необходимой стороне функционирования исторической памяти.

Взаимосвязанность процедур вспоминания прошлого и забывания его обеспечивается единым режимом функционирования сознания человека. Когда этот человек включен в социально-политические отношения, то это единство должно находить свое отражение, в том числе, в механизмах, поддерживающих функционирование исторической памяти. Иначе говоря, можно предположить, что на сохранение и забывание исторической информации работают одни и те же механизмы. И то, что мы называем сохранением памяти о прошлом, или же утратой такой памяти,

все это лишь два разных результата работы единого механизма. Какой из этих двух результатов будет преобладать – это вопрос и состояния самого механизма, и внешних обстоятельств (политических, культурных, отчасти – правовых и экономических) его функционирования. Важно, что оба результата реально существуют в одном пространстве и времени. Они оба определяют состояние исторической памяти социума и индивида на данный момент. И если исследователь ставит перед собой задачу полноформатного анализа состояния исторической памяти, идет ли речь об исторической памяти индивида, или же целого социума, он не может этот факт проигнорировать. В его предметном поле анализ того, что субъект помнит о прошлом, причин такой памяти, должен сопрягаться с анализом того, что оказалось, по тем или иным причинам, вытеснено на периферию сознания субъекта, либо вовсе забыто.

Представляется, что это принципиально важный момент для организации практики исследований по проблематике исторической памяти. В частности, для придания таким исследованиям динамики. Для перехода от единовременных научных «срезов» состояний исторической памяти человека или социума, от констатаций, что «вот так вот оно все это выглядит на данный момент», к, так сказать, мониторингу состояния исторической памяти. К более широкому взгляду на историческую память, как творческий процесс. По крайней мере, от распространенных сегодня в научной литературе и публицистике морализаторских сентенций о том, как это плохо, что современные российские граждане не помнят тех или иных ярких страниц прошлого своей страны и как бы было хорошо, если бы они все это помнили из поколения в поколение, можно было бы перейти к собственно научной дискуссии и научной критике. Пospорить, например, о смысле такого беспомыслия, раз уж оно так постоянно обнаруживает себя в отношении сознания человека и социума к прошлому. О том, что, может быть, из своего забывания прошлого они извлекают не меньше практической пользы для организации своих текущих политических, правовых, культурных и экономических практик, для взаимодействия друг с другом и для легитимации своих запросов и интересов, чем из напряженного и детализированного вспоминания о том, что с ним произошло десятилетия и даже столетия назад.

В таком подходе к организации предметного поля исследований по проблематике исторической памяти я не вижу ничего, что могло бы дискредитировать историческую науку в глазах общества, как, можно сказать, главного поставщика ресурсов для активной жизни исторической памяти. Тут как раз стоит вопрос об оптимизации этой ее функции. О том, чтобы сами исследователи четко представляли себе, где и почему в структурах исторической памяти образуются лакуны и какого рода творческие усилия имело бы смысл предпринять научному сообществу для того, чтобы историческую информацию превратить в ресурс, способный закрыть эти лакуны.

Можно говорить и о более конкретной задаче, решение которой возможно в предлагаемом теоретическом ракурсе. Это вопрос о том, каков вклад самой науки в образование в массовом сознании таких лакун. Потому что одним из главных механизмов как добывания и хранения исторического знания, актуализации его в массовом сознании, так и его дезактуализации, его выведения за границы интереса и рядовых граждан, и самих специалистов, является именно историческая наука. Она, как верно отметил автор, цитированный выше, «актуализирует одни события прошлого и игнорирует другие». Происходит это в непрерывном режиме, что и позволяет в данном случае говорить о стабильно работающем механизме. Не буду подробно вдаваться в разбор всех деталей этого механизма. Отмечу лишь то, что «лежит на поверхности» научного процесса.

Не трудно заметить, если даже просто взять вузовский учебник по отечественной историографии, как со временем популярность и востребованность исследовательской практикой одних предметов и методов исторического исследования сменялась популярностью других. В отдельные моменты истории исторической науки какие-то предметы и методы как бы вообще переставали интересовать исследователей. Так было, например, с методологией рационализма и с органичным ей предметом исследования, каковым для историков XVIII в. выступали «поврежденные нравы» и «гражданские добродетели» в их историческом развороте. От всего этого творческого опыта, не тратя сил на его детальную критику, российская историческая наука в первой четверти XIX в. просто ушла, просто исследователи явочным порядком стали выказывать больше интереса к романтизму и позитивизму, к историческим воплощениям на российской и европейской

почвах «идеи государства», к историческому участию социальных низов, к становлению на Руси властно-служебных отношений («закрепощений» и «раскрепощений») и т. д. И способная к самостоятельной интеллектуальной деятельности часть российского социума – «общество» – претовала зачитываться историческими трудами М.М. Щербатова и В.Н. Татищева и начинала зачитываться историко-правовыми и политико-правовыми экскурсами Б.Н. Чичерина и К.Д. Кавелина, рассуждениями о роли «природного фактора» в истории в сочинениях С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. В этих условиях никто из профессиональных историков и не думал, конечно, актуализировать в своих трудах и в сознании массового читателя рационалистическую методологию и соответствующие ей предметы научного поиска. Он актуализировал методологические и предметные новации. В сознании тогдашнего общества все «рационалистическое» интеллектуальное наследство постепенно отошло на второй план. Осталось, в лучшем случае, предметом профессионального интереса специалистов по историографии. В коллективной исторической памяти российского «общества», таким образом, при непосредственном содействии сообщества отечественных историков, образовалась та самая лакуна. Рационалистический опыт российской интеллектуальной элиты, возможно, пригодился бы и в XIX, и в XX вв., и сегодня. По крайней мере, как ресурс и исторической памяти, обеспечивающий гражданину большую четкость понимания тех рубежей, на которых разошлись в минувшие века пути российской и европейской политических культур. Но место этого элемента в структуре исторической памяти усилиями той же исторической науки было, как отмечено выше, уже занято другой исторической информацией и другими теоретическими подходами к ее актуализации.

Или другой пример. В советскую пору для исторической памяти молодого человека, гражданина и патриота, слова «рабочий класс» и «революция» были не просто ключевыми идеологемами. Историческая наука собственными средствами популяризации научного знания и посредством системы школьного и высшего образования наполняла эти понятия конкретным фактическим содержанием. Выпускник средней школы хотя бы в общих чертах представлял себе, почему Октябрьский переворот 1917 г. можно назвать «пролетарской революцией», для чего в среде российской революционной интеллигенции велись споры о «диктатуре пролетариата» и почему советская власть заявляла о себе как о «вла-

сти рабочих и крестьян». Для нынешнего молодого российского гражданина и патриота все это историческое знание не актуально. Не только потому, что в повседневной жизни либеральные ценности и порядки вытеснили собой ценности и порядки советские. Это вопрос спорный. Не потому, что такое историческое знание вредно или бесполезно для нынешних стратегий гражданского воспитания российской молодежи. Это тоже вопрос спорный. Знание опыта своих предшественников, мечтавших о радикальном переустройстве мира на безгосударственных и интернациональных началах и построивших одно из самых сильных государств в XX в. (СССР), наверное, могло бы и современного молодого человека заставить задуматься о разумности политического радикализма, о ценности нормальных отношений гражданина со своим государством.

Но, сегодня такое знание негде взять. Хотя, впрочем, есть где: в трудах историков советской эпохи. Они доступны для профессионального исследователя. Многие доступны и для массового читателя. Даже для такого, для которого единственным существующим источником информации является Интернет. Но это знание не актуализировано в массовом сознании в той же мере, в какой оно сегодня не актуализировано в научном сообществе. Постсоветская историческая наука ничего не сделала для подтверждения значимости этого знания для функционирования исторической памяти постсоветского человека. Историческая наука в последние десятилетия перестала (по каким идеологическим и сугубо научным мотивам – другой вопрос) активно интересоваться этим предметом, перестала будоражить эту проблематику в массовом сознании. Она отказалась от тех теоретических, прежде всего марксистских подходов к проблеме пролетарского революционного движения, которые прежде позволяли ей и получить достоверное знание о предмете, и представить рядовому гражданину этот довольно сложный предмет максимально емко, доходчиво, непротиворечиво.

Раньше, в течение всего советского периода отечественной истории, пролетарско-революционная проблематика представляла собой своего рода элитарный предмет исторических и политологических исследований. В какой-то степени можно говорить и об «элитарности» методологии такого рода исследований, поскольку они лучше всего были обеспечены наиболее конкретными теоретическими суждениями об этом предмете классиков марксизма-ленинизма. Теоретический ракурс анализа в дан-

ном случае складывался предельно четко, можно даже сказать безальтернативно. Это давало науке возможность представить массовому сознанию историческую информацию не только в виде фактов и оценок, вокруг которых разворачиваются научные дискуссии, то есть не только в виде научной проблемы, но также и в формате политического мифа, легко ложащегося на массовое сознание: революционная борьба социальных «низов» против государства и элит – это всегда хорошо, а борьба государства и властных элит с теми, кто покушается на их политическое и экономическое доминирование – это всегда плохо. Спорить о том, насколько этот миф адекватен исторической реальности в том виде, как ее способна воспроизвести историческая наука, не имеет смысла просто потому, что наука есть наука, а миф есть миф. Это качественно разные уровни знания одного и того же предмета. Можно спорить о целесообразности этого мифа в современных условиях, когда политико-культурная жизнь российского общества испытывает очевидный дефицит конструктивных идейных ориентиров (хотя бы даже мифологических), которые указывали бы массовому сознанию вектор движения страны и общества вперед и как-то маркировали пути движения к обозначенным целям. Но, в данном случае, важен сам факт того, что это историческое знание, в советскую эпоху образовавшее «костяк» исторической памяти многих и многих граждан и создававшее почву для консенсуса между ними и властвующей элитой, исчезло. Исчезло не потому, что потеряло ценность, не потому, что в условиях рыночной экономики обесценился труд как таковой, не потому, что в России совсем сегодня исчез промышленный пролетариат. А потому, что все это славное революционное и трудовое прошлое страны перестало интересовать историков в той мере, в какой оно их интересовало прежде. А следом за историками утратило интерес к этому и общественное сознание.

Нельзя не упомянуть о таком важном механизме, обеспечивающем как вспоминание, так и забывание прошлого, каким всегда являлись и остаются сегодня идеологии. Для политики социум, который «помнит все» – это совершенно неорганичный политической системе субъект. Он слишком погружен «в себя», в переживание своего прошлого. Для нормальной политики важно, чтобы социум помнил, прежде всего, то, что необходимо для его совместного с государственными институтами участия в политическом процессе в данном месте и в данное время. А также, чтобы

его воспоминания о прошлом не мешали ему видеть политическую перспективу. В каких-то случаях может быть важно, чтобы он ради этой перспективы (социалистические идеологии) вспомнил о традициях своего неполитического и безгосударственного существования, а в каких-то случаях (консервативные идеологии), напротив, забыл о том, что есть в мире еще что-то кроме государственной истории, государственного интереса и государственной политики. История становления и функционирования любой идеологии в современном цивилизованном мире прекрасно демонстрирует, как в рамках теоретического концепта складывается выбор в пользу тех или иных пластов исторического знания и в пользу большей или меньшей актуализации разнообразной исторической информации в сознании приверженцев данной идеологии. Те граждане, которые мыслят консервативно, обычно внимательнее относятся к вопросу стабильности исторической памяти, тех научных и социально-мифологических источников, из которых она получает подпитку. Граждане, увлеченные идеей «светлого будущего», либерального или коммунистического, чаще проявляют небрежность в обращении с ресурсами исторической памяти. Наглядным примером может послужить ситуация, сложившаяся в нашей стране в 90-е гг. прошлого века, когда достоянием общественности стали факты досоветской и советской истории, на которые советская историческая наука не обращала внимания или трактовала односторонне, сообразуясь с идеологической направленностью всей советской политики на скорейшее достижение «светлого будущего». С другой стороны, на волне либеральной эйфории и желания побыстрее оторваться от устоев советской общественной и государственной жизни, быстрее встать на «дорогу мировой цивилизации», востребованными для массового сознания стали внешне произвольные публицистико-идеологические разбивки ткани отечественной истории на «белые и черные пятна», переворачивание с плюсов на минусы оценок исторических событий и даже пересмотр достоверности самих исторических фактов досоветской и советской истории.

Достаточно понятно, руководствуясь чем советская идеология четко делила все пространство исторического знания, которое могло бы стать основой стабильной исторической памяти российского социума на то, что помнить надо обязательно, и то, о чем вспоминать бессмысленно и опасно с политической точки зрения. Сегодня, с позиции прошедших трех десятилетий российских либе-

ральных и демократических реформ, понятно, что все эти «разбивки» и «переворачивания» в обращении с историческим материалом тоже не были произвольными. Они тоже должны были запустить в массовом сознании процесс забывания советской истории и вспоминания истории досоветской и антисоветской (если говорить о популяризации историками идеологии и политического опыта Белого движения, консервативной и либеральной политической мысли, церковной истории). И надо заметить, в современных условиях этот идеологический механизм забывания одного ради вспоминания другого сработал не хуже, чем в советское время.

Постоянно работающим механизмом как воспроизводства в общественном сознании информации о прошлом настоящем и будущем, так и забывания об одном ради другого, выступают социальные мифы. Мифы не сохраняют несущественной и бесполезной для людей информации. В информационном плане они, практически, предел совершенства. Они устойчивы, доходчивы и в качестве мотивации поведения человека и социума доступны критике, в худшем случае, со стороны науки, но не со стороны массового сознания. В их рамках происходит своего рода ценностная рассортировка информации, исторической в первую очередь, по мере того, как мифологический комплекс социума переходит в пользование от одного поколения к другому, меняются приоритеты в социальных практиках и целях развития социальных систем. Мифы обладают той устойчивостью, которая позволяет ценной исторической информации существовать в их рамках в адаптированном к запросам массового сознания виде (мифологема) неопределенно долго. Точнее было бы сказать, до того момента, когда из другой, не менее социально ценной исторической информации, сформируется альтернативный миф и этот новый миф переключит на себя сознание социальных субъектов. Возникнет ситуация, когда способность помнить об одном и вычеркнуть из исторической памяти (отвести на ее периферию личной или коллективной культуры) становится признаком способности субъекта к прохождению нормальных процедур социализации. По характеру того, что субъекту надлежит помнить, а что забыть, мифы всегда делили и делят социальную структуру на «своих» и «чужих», на тех, кто «правильно» понимает прошлое, и тех, кто по поводу истории «врет». Без учета этого естественного перераспределения мифами статусов исторической информации в структуре исторической памяти общая научная оценка состояния этой памяти и ее дина-

мики будет не полна и не достоверна. Тут возможна абберрация в предметном поле. Исследователю может показаться, что люди помнят что-то на его взгляд недостаточно существенной, а самое существенное забывают. Он может принять это за симптом общего разрушения или ослабления структур исторической памяти и соответствующим образом определить свое предметное поле, сформулировать проблематику своего исследования, построить пессимистический прогноз. На деле же будет иметь место ситуация, когда то, о чем люди помнят, и то, о чем они вроде бы забыли, это – историческое знание, включенное в структуру разных мифов. Возможно, что никакого ослабления и, тем более, разрушения исторической памяти нет, а идет естественный процесс ротации мифологических конструкций в пространстве культуры социума и со временем, при изменившихся, например, политических обстоятельствах, при сложившейся в массовом сознании санкции на возврат к прежней мифологии, все может вернуться на круги своя.

Показателен, в данном случае, пример российской имперской мифологии. В адаптированном под советские, или пост-советские условия виде, но всегда узнаваемая в основных своих очертаниях в речах официальных лиц и партийных лидеров, публицистов и специалистов (историков и политологов), она с известной периодичностью возвращалась и возвращается в российскую политическую повседневность. Возвращается каждый раз, когда российские общество и государство оказываются в ситуации сложного политического выбора, перед масштабными внутренними и внешними вызовами и рисками. Каждый раз имперская мифология реанимируется в пространстве российской политической культуры для того, чтобы вновь столкнуться здесь с такими же устойчивыми и важными для исторического существования российской политической системы мифологическими конструкциями, как коммунистический интернационализм, либеральный космополитизм и национализм. Давно нет самой Российской Империи, между ее историей и современностью вклинены семьдесят лет яркой и трагичной советской истории, но миф дает возможность и то и другое, имперскую и советскую историю, переживать как часть своего нынешнего бытия. Была бы только на это санкция со стороны общественного сознания и со стороны политической идеологии и ее носителей!

Этими тремя позициями далеко не исчерпывается перечень механизмов, поддерживающих историческую память социума в состоянии баланса между тем, что ему важно помнить, и тем, что можно (или нужно) забыть. Одним из ключевых механизмов, обеспечивающих такой баланс, является образование, приобретаемое человеком на определенном отрезке жизни, но формирующее у него общую способность и желание что-либо помнить о прошлом своей страны и народа, осмысливать и переживать это прошлое как это предназначено гражданину и патриоту, или, напротив, по максимуму избавить свое сознание от обременительной рефлексии по поводу прошлого и целиком сосредоточить свою интеллектуальную и деятельностную активность на сегодняшнем дне и будущем. Как и наука, идеология, мифы, образовательный процесс ставит человека, усваивающего историческую информацию перед ценностным выбором. Не всегда между числом образованных членов общества и уровнем их профессиональных компетенций, с одной стороны, и состоянием исторической памяти общества, с другой, существует прямая пропорция, как бы этого, может быть, ни хотелось. Порой, люди образованные обращаются с исторической памятью гораздо хуже, чем те, кому эта историческая память заменяет всякое образование. Полноформатное изучение состояния исторической памяти требует учесть этот фактор при определении предметного поля и методологии. В противном случае, здесь тоже возможны разного рода теоретические aberrации.

В предложенном ракурсе (в качестве соответствующих механизмов) могут быть рассмотрены, как представляется, и встроенные индивидом социальные коммуникации, включая семейный круг и дружескую периферию, и доминирующие в личном и массовом сознаниях религиозные установки. В данном случае перед автором стояла лишь задача поставить эту проблему и обозначить возможность первого приступа к ее решению.

УДК 930.1(09); 130.2

ПЕРЕОПРЕДЕЛЯЯ ГРАНИЦЫ СООБЩЕСТВА: КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ, ТРАВМА, БИОПОЛИТИКА

И.И. Кобылин

Нижегородская государственная медицинская академия,
кафедра социально-гуманитарных наук
Email: Igor_Cobylin@mail.ru

Ф.В. Николаи

Нижегородский государственный педагогический университет,
кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права
Email: fvnik@list.ru

В статье рассматривается полемика в современных американских, европейских и российских cultural studies о трансляции и разрывах культурной памяти; прослеживается влияние социально-политического и интеллектуального контекста на методологию и концептуальные установки исследователей.

Ключевые слова: культурная память, trauma studies, аффект, идентичность, биополитика

THE REDEFINING OF THE BORDERS OF COMMUNITY: CULTURAL MEMORY, TRAUMA, BIOPOLITICS

I.I. Kobylin

Nizhny Novgorod State Medical Academy

F.V. Nicolai

Nizhny Novgorod State Pedagogical University

The article deals with a polemic about transformations of cultural memory in the American, European, and Russian cultural studies. It reserch the influence of political and intellectual context on the methodology of humanities.

Key words: cultural memory, trauma studies, affect, identity, biopolitics

В современных гуманитарных исследованиях все больший интерес вызывает проблематика культурной памяти. В некоторых работах речь идет даже о формировании новой «мемориальной

парадигмы»¹ наук о культуре, а период 1990–2000 гг. часто называют «эрой памяти»² или временем «мемориального бума»³. Хотя противники подобной генерализации говорят о «помешательстве», «мании», «эпидемии» и «мемориальной лихорадке»⁴, большая часть академического сообщества в Европе и США признает огромный когнитивный потенциал *memory studies*. По словам Франсуа Артога, «последние 20 лет память рассматривается не просто как 'современное понятие', но как *понятие, производящее саму современность*»⁵.

Однако возникает вопрос – каковы те конкретные стратегии, что оказались объединены под общим именем «мемориальной парадигмы»? Не поддаваясь соблазну радикальной редукции, все же представляется возможным выделить в рамках *memory studies* два ключевых подхода. В Европе благодаря изысканиям Пьера Нора, Йорна Рюзена, Яна и Алейды Ассман культурная память рассматривается, прежде всего, как средство конструирования *национальной / социальной идентичности*. Акцент ставится на изучении *длительных исторических механизмов преемственности* – будь то в форме повторения, или в форме прогрессирующего варьирования («гиполепсиса» в терминологии Я. Ассмана) – и, в итоге, на *опосредованных* культурными формами *исторический опыт*, отнюдь не отменяющий традиционные методы работы с историческими источниками.

---

¹ Эклс О.Г. История памяти – новая парадигма исторической науки // Историческая наука сегодня: теория, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С. 75–90; Васильев А.Г. Современные *memory-studies* и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 19–49.

² Suleiman S.R. *Crises of Memory and the Second World War*. Harvard University Press, 2008. P. 8.

³ Assman A. *Re-framing Memory: Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past // Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe*. / ed. by K. Tilmans, J. Winter. Amsterdam University Press, 2010. P. 39; Winter J. *Remembering War: The Great War between Memory and History in the Twentieth Century*. Yale University Press, 2006. P. 1–25.

⁴ Rosenfeld G.D. *Looming Crash or a Soft Landing? Forecasting the Future of the Memory Industry // The Journal of Modern History*. 2009. Vol. 81. P. 123–124; Kammen M. *The Mystic Chords of Memory: The Transformation of Tradition in American Culture*. New York, 1991. P. 3.

⁵ Hartog F. *What is the Role of the Historian in an Increasingly Presentist World? // The New Ways of History. Developments in Historiography / ed. by G. Harlaftis, N. Karapidakis, K. Sbonias, V. Vaiopoulos*. New York, 2010. P. 239.

Для американских исследований – особенно после событий 9/11 – более важными оказались процессы *забвения и вытеснения, травматические разрывы* и лакуны памяти. Они дают свидетельства *непосредственного* опыта, который принадлежит не столько прошлому, сколько настоящему. Соответственно, внимание *trauma studies* привлекает, прежде всего, трагическая история *модерна*, порывающего с преемственностью и отказывающегося описывать себя через связи с традицией. Носителем или субъектом травмы выступают не столько нации, сколько группы и союзы нового типа – «*аффективные сообщества*» или «*сообщества траура*».

Конечно же, представленная оппозиция весьма условна. Обе стратегии вызваны к жизни понятным стремлением сообществ сплотиться вокруг опыта прошлого. Обе принципиально отличаются от традиционной модели историописания, делая ставку на вовлеченность исследователя⁶. Обе настаивают на подвижности границ между прошлым и настоящим, требующих постоянного переопределения и переописания⁷.

Различие между ними во многом вызвано спецификой социально-политического и интеллектуального контекста функционирования дискурса памяти/травмы.

Trauma studies в американских исследованиях культуры

Впервые проблематика травмы стала широко обсуждаться – как в профессиональных кругах, так и в американском обществе в целом – в связи с войной во Вьетнаме и «вьетнамским синдромом», жертвами которого по разным оценкам стали от 300 тыс. до 1,5 млн. (т. е. от 10 до 60%) ветеранов⁸. Многие психиатры во главе

---

⁶ Например, см: Young A. *The Harmony of Illusions: Inventing Post-Traumatic Stress Disorder*. Princeton, 1995. P. 10.

⁷ Весьма показательным в этом плане представляется, например, название уже упоминавшегося сборника «*Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe*».

⁸ Спектр оценок распространения ПТСР [пост-травматического стрессового расстройства] среди ветеранов предельно широк: от 2 до 60%. Hagopian P. *The Vietnam War in American Memory: Veterans, Memorials, and the Politics of Healing*. Amherst: University of Massachusetts Press, 2009. P. 58. Национальный центр исследования ПТСР при Департаменте по делам ветеранов говорит о распространении ПТСР у 30,9% мужчин и 26,9% женщин, прошедших через Вьетнам. Scott W.J. *Vietnam Veterans since the War: The Politics of PTSD, Agent Orange, and the National Memorial*. Norman: University of Oklahoma Press, 2003. P. 264.

с Р.Дж. Лифтоном в 1970-е гг. поддерживали ветеранов в поисках специфических форм артикуляции их военного опыта и социально-политической критике курса президента Р. Никсона. Среди прочего сторонники Лифтона добивались разработки новой психиатрической классификации DSM-III [Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders], куда бы вошел термин «поствьетнамский синдром». При этом они как по прагматическим, так и по теоретическим соображениям активно сотрудничали с другими академическими и общественными группами реформаторов – сторонниками теории стресса М. Хоровица, исследователями Холокоста во главе с Г. Кристалом, феминистской критикой насилия в семье и представителями квир-стадиз. Итогом этой совместной работы и стало понятие «посттравматическое стрессовое расстройство»⁹ (ПТСР), принятое в 1978 г. для характеристики широкого спектра симптомов и включенное в 1980 г. в окончательный вариант DSM-III. Важно подчеркнуть, что Лифтон и его единомышленники считали медицинский аспект лишь частью сложного комплекса проблем, включающего вопрос о политической и этической ответственности за войну; проблему влияния медиа на трансформацию памяти ветеранов; задачу институциональных реформ в психиатрии и т. д. Однако, начиная с этого момента, медиализация дискурса и преобладание психоаналитической терминологии стали родовой чертой полемики о травме/памяти в американских исследованиях культуры.

Преобладание *травмы* над *памятью* при этом оказалось во многом обусловлено политическим противостоянием: если правые республиканцы делали акцент на героизации войны во Вьетнаме и *памяти* о ней, то левые радикалы настаивали на признании *травмы* как ветеранов, так и всего американского общества. Обе стороны все более активно использовали логику «метонимии» или интериоризации. Речь идет о своего рода «присвоении» чужой памяти, то есть о механизме включения внешних по отношению к субъекту исторических событий в его персональный опыт, вплоть до готовности их телесного «переживания»¹⁰.

---

⁹ Подробнее см.: Young A. Op. cit.

¹⁰ Если по официальных данных военного министерства в США на начало 2012 г. было живо от 200 до 450 тысяч ветеранов этого конфликта, то по опросам общественного мнения *называют* себя ветеранами от 9492958 до 13853227 человек. Ряд левых исследователей объясняют это влиянием государственной пропаганды и визуальной политикой медиа-индустрии, кото-

Своего пика эта медиализация достигла в сентябре 2001 г. После терактов 9/11 только в Нью-Йорке к государственным психотерапевтам обратились около 1,5 млн. человек. Для координации усилий специалистов была создана администрация по оказанию психотерапевтической помощи «Свобода», на финансирование которой были выделены сотни миллионов долларов. Кроме того, 7 млрд. составили выплаты жертвам терактов и их семьям; еще 3 млрд. было собрано частными фондами¹¹. Этот огромный социальный запрос и масштабная федеральная поддержка закрепили тенденцию к медиализации дискурса *trauma studies*, целью которых провозглашался теперь именно терапевтический, а не социально-политический эффект. Речь уже идет не об ответственности правительства за развязывание полномасштабных военных конфликтов, но лишь об отдельных людях, получивших психические травмы. Граждане – политически активные агенты, способные вырабатывать формы сопротивления насилию и социальной несправедливости – на глазах превращаются в потенциальных жертв, нуждающихся в терапевтической помощи. Культ виктимности, идущий рука об руку с фетишизацией безопасности, вписывает значительную часть исследований травмы в ту биополитическую парадигму, которая согласно М. Фуко и Дж. Агамбену является сегодня господствующей парадигмой власти.

Безусловно, при этом социально-политический контекст не исчезает окончательно: «Медиализация событий 9/11 дала государству дополнительные средства организации субъективного опыта граждан»¹². Но теперь медицинский дискурс *trauma studies* стал все более активно использоваться неоконсерваторами (как и позднее в отношении войны в Ираке и Афганистане). Говорить о динамике общественного мнения в США в 2000-е гг. и масштабах «иракского синдрома» можно пока лишь предварительно и с известной долей условности. Оценки распространения ПТСР среди ветеранов военных действий также существенно колеблются – от

рая производит огромное количество эмоционально насыщенных образов, «присваиваемых» аудиторией. Д. Лембке утверждает, что Вьетнамской войне посвящено до 600 фильмов (от «Рэмбо» до «Охотника на Оленей» и «Форе́ста Гампа»), из которых 120 напрямую затрагивают проблему «вьетнамского синдрома». *Lembcke J. The Spitting Image: Myth, Memory, and the Legacy of Vietnam. New York: New York University Press, 1998.*

¹¹ Seeley K.M. *Therapy After Terror: 9/11, Psychotherapists, and Mental Health.* Cambridge University Press, 2008. P. 73–74.

¹² Ibid. P. 158.

13 до 20%, то есть от 300 до 500 тыс. человек¹³. Конечно же, эта тема требует отдельного разговора, но в контексте нашего анализа представляется важным отметить, что в большинстве медицинских центров усилились позиции новой генерации специалистов, дистанцирующихся от терапевтов старшего поколения (в большинстве своем сторонников Р.Дж. Лифтона). Если «шестидесятники» подчеркивали социально-политическую составляющую ПТСР, считали его почти неизлечимым и выступали против масштабного использования нейрорепрессантов и антидепрессантов, то новое поколение перенесло акцент на невробиологию ПТСР и прагматическое снятие симптомов¹⁴. Психоанализ и коллективные тренинги при этом отходят на задний план – их вытесняют поведенческая терапия, программы управления страхом и виртуальные симуляторы, призванные «исправить» память о прошлом. Более того, сам термин ПТСР используется теперь все реже – речь идет уже о *polytrauma* [сочетанной травме – нарушениях в работе двух и более систем организма], *post deployment stress* [стрессе после демобилизации] и *traumatic brain injury* [мозговых нарушениях травматического происхождения]¹⁵. Таким образом, понятие травмы из орудия левой социально-политической критики стало средством нормализации военного опыта и памяти ветеранов.

Именно в этом контексте в 2000 гг. в американских исследованиях культуры усиливаются голоса оппонентов и критиков *trauma studies*, ставящих под сомнение «метонимию» или «логику воплощения» – подстановку себя на место жертв ради получения доступа к опыту «Другого» во всем его драматическом избытке.

---

¹³ Hoge C.W., Castro C.A., Messer S.C., McGurk D., Cotting D.I., Koffman R.L. Combat duty in Iraq and Afghanistan, mental health problems, and barriers to care // *New England Journal of Medicine*. 2004. Vol. 351. Iss. 1. P. 13–22.

¹⁴ Прагматизм терапии достигает своего пика в тотальном распространении фармакологических методов: 80% ветеранов Ирака и Афганистана получают SSRI [Selective Serotonin Reuptake Inhibitor] и другие антидепрессанты. Wedge R. Treatment for posttraumatic stress disorder in military and veteran populations: Initial assessment. Washington: The National Academies Press, 2012.

¹⁵ Его этиологию связывают, в первую очередь, с физическими повреждениями и сотрясения мозга при взрывах, которые становились причиной 60% ранений американских солдат. Считается, что уровень ТБИ среди ветеранов Ирака и Афганистана достигает 22%, то есть превышает распространение ПТСР. См.: Wojcik B.E., Stein C.R., Bagg K., Humphrey R.J., Orosco J. Traumatic Brain Injury Hospitalizations of U.S. Army Soldiers Deployed to Afghanistan and Iraq // *American Journal of Preventive Medicine*. 2010. Vol. 38. P. 109.

Сторонники *memory studies*, ориентированные на диалог с европейскими коллегами, настаивают на более тонких моделях репрезентации и указывают на важность идентичности сообществ.

Разумеется, в 2000-е гг. изменился и интеллектуальный контекст полемики¹⁶. Если в 1970–1980-е гг. ключевую роль в формировании *trauma studies* сыграли психоистория и деконструкция, то после «культурных войн» 1990-х гг. и всеобщего увлечения перформативом в 2000-е гг. интерес значительной части академического сообщества сместился в сторону «истории эмоций» и аффективного поворота¹⁷, иногда даже называемого «революцией»¹⁸.

Memory studies в Европе: переопределяя границы сообществ

Как отмечают многие исследователи, «бум памяти» в Европе был изначально связан с проблемами интеграции Евросоюза¹⁹. Трагическая история XX в. стала той основой, – тем “usable past”, которое подталкивало пересмотреть историзм XIX в., обращенный к «духу нации». Как справедливо отмечает А. Ассман, идея коллективной памяти при этом заняла место идеологий прошлого: «Показательно, что слово ‘идеология’ практически исчезло из современного дискурса после активного использования в 1960–1980 гг. И одновременно понятие ‘коллективной памяти’ стало популярным, фактически заняв освободившееся место»²⁰. Пик его

---

¹⁶ Охарактеризовать весь спектр гетерогенных дискуссий по устной истории, визуальным исследованиям, культурсоциологии и «антропологическому повороту» в рамках небольшой статьи просто невозможно, поэтому мы выделим лишь несколько ключевых вопросов, актуальных в интересующем контексте трансформации *memory / trauma studies*.

¹⁷ Например, см.: *Plampe J. The History of Emotions: an Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns // History and Theory. 2010. Vol. 49. P. 237–265.*

¹⁸ *Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, U.S.: Cambridge University Press, 2004. P. IX–XI.*

¹⁹ *Fortunati V., Lamberti E. Cultural Memory: A European Perspective // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. Erll, A. Nunning. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008. P. 127–140; Langenohl A. Memory in Post-Authoritarian Societies // Cultural Memory Studies. P. 163–172; Huyssen A. Twilight Memories: Marking time in the Culture of Amnesia. New York, 1995.*

²⁰ Далее А. Ассман поясняет, что речь идет не просто о терминологическом замещении, но о «принципиальном теоретическом повороте». Понятие идеологии предполагало ложность и конструируемость ментальных рамок, тогда как дискурс памяти работает как диспозитив – настаивает на

популярности пришелся на рубеж 1980–1990 гг., когда «бархатные революции», окончание холодной войны, объединение Германии, распад СССР и Югославии поставили проблему переосмысления не только физических и ментальных границ в Европе, но и самой темпоральности модерна (или его режима историчности). Как отмечает по этому поводу К. Лоренц, «Вслед за П. Нора и Ф. Артогом я считаю, что рост *memory studies* в 1980-е гг. связан с кризисом национальных историй [и историографий]. Это движение лучше всего рассматривать в терминологии перехода от “модернистского” [modern] к “презентистскому” режиму историчности»²¹. Тот же тезис убедительно развивает А. Хьюссен: по его мнению, современный «бум памяти» – не просто симптом «конца века» и победы «постмодернизма», но проявление кризиса темпоральности эпохи модерна, когда все проекты новаций рассматривались как утопия, как некое исполнение прогрессистского завета. Будущее сегодня оказывается закрыто и нерепрезентируемо, поэтому оно «опрокидывается в прошлое»²². Конечно же, столь масштабные изменения оказались итогом разного рода политических, интеллектуальных и повседневных практик. В частности, Д. Уинтер рассматривает современное увлечение памятью как отголосок первой мировой войны, вызвавшей кризис господствовавших ранее романтического и реалистического нарративов²³. Благодаря офицерам «потерянного поколения» война не только распространила дискурс памяти вширь, но и принципиально изменила его адресата: если в XIX в. преобладала «память нации», то после 1918 г. востребованной оказывается семейная и социальная память о павших солдатах²⁴.

продуктивности опыта и чувства идентичности. *Assman A. Canon and Archive // Cultural Memory Studies*. P. 98.

²¹ *Lorenz C. Unstuck in Time: The Sudden Presence of the Past // Performing the Past*. P. 70.

²² *Huyssen A. Op. cit.* P. 6–7.

²³ *Winter J. Shell-Shock and the Cultural History of the Great War // Journal of Contemporary History*. 2000. Vol. 35. N. 1. P. 8–11.

²⁴ «Она позволила обычным людям соотнести этот ключевой момент истории Британской империи [мировую войну] со своей собственной семейной историей». *Winter J. Remembering War: The Great War between Memory and History in the Twentieth Century*. Yale University Press, 2006. P. 178. Вторая мировая война еще раз изменила этот дискурс: в центре памяти теперь оказывался не солдат, но жертвы среди гражданского населения. «Жертвы нуждались в утешении – им нужно было научиться жить со свои-

Безусловно, национальные различия сохранились и продолжают играть важную роль в *memory studies*²⁵. Однако при всех различиях «субъективный» уровень памяти (в терминологии Я. Ассмана), к которому апеллируют американские *trauma studies*, гораздо менее интересует европейских исследователей, чем уровень социальный или культурный. Даже разрывы памяти интерпретируются скорее не в терминологии травмы, но как проявления «контрпамяти» или «забвения»²⁶.

Дискуссии о травме и памяти в современном российском обществе

В отличие от Европы и США интерес к *memory studies* в России сравнительно недавний – речь пока идет скорее о рецепции американских и европейских теоретических моделей. Пожалуй, главным объектом общественного и профессионального интереса выступает советское наследие. И в этом поле проблема *разрыва/преемственности* становится наиболее болезненной, политически и идеологически нагруженной.

В работе «Back from Moscow, in the USSR», посвященной анализу жанра «возвращений из СССР», Ж. Деррида определил Советскую Россию – место паломничества западных интеллектуалов – Р. Этьембля, В. Беньямина и А. Жида – как мифо-эсхатологическую «избранную родину», где рождается будущее всего человечества²⁷. Однако если для главных героев книги Деррида поездка в чужую страну, на родину строящегося социализма являлась парадоксальным возвращением «к себе», то сегодня для нас, жителей России, обращение к советскому прошлому скорее становится опытом разузнавания, опытом осознания дистанции, где сама ностальгия является симптомом «возвышенной» утраты. Советское прошлое действительно стало *прошлым*, полностью историзованное

ми воспоминаниями. Именно поэтому в исследованиях памяти сегодня существует такое обширное и гетерогенное терапевтическое сообщество. <...> Многие свидетели, жертвы войн и репрессий несут следы своих злоключений на подсознательном уровне. Многие психологи и деятели культуры называют эти раны «травмированной памятью»» (Ibid. P. 6).

²⁵ Наиболее известным примером этих различий может стать полемика между Б. Андерсоном и П. Нора. С другой стороны, Алейда и Ян Ассманы последовательно дистанцируются от британского акцента на «коллективную память» (Assman A. Re-framing Memory. P. 35–50).

²⁶ Connerton P. How Modernity Forgets. Cambridge University Press, 2009; Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004.

²⁷ Деррида Ж. Жак Деррида в Москве. М., 1993.

оно (на что указал Б. Гройс в «Коммунистическом постскриптуме»²⁸ как раз и открывает возможность повторения или реапроприации. (Здесь уместно привести параллель со статусом античности в культуре Ренессанса в интерпретации Э. Панофского: вся риторика возрождения «римского и античного духа» стала возможной только тогда, когда античность перестала восприниматься как нечто сопричастное современности). Соответственно, «советский мир» становится объектом различных стратегий переаприсвоения.

Насущной задачей современных исследований является анализ теоретической, политико-идеологической и культурно-символической составляющих этих стратегий, в диапазоне от «высоких» философских и политологических спекуляций до масс-медийных техник репрезентации (и коммерческой эксплуатации) «советского». При этом особого внимания заслуживает система лакун и умолчаний в «фетишизированных нарративах» (термин Э. Сантнера) о коммунистическом прошлом, придающая им фантазматическую, маскирующую травму неуязвимость. Так, например, «хаос» 1990-х позволяет бесконечно эксплуатировать квазиимперскую риторику возрождения, мобилизационного единства, сплоченности и т. д. – с опорой на коммунистическую историю, но в той мере, в какой «советское» там оказалось спаянным с неким национальным архетипом, лишившись при этом своего «левого», освободительного потенциала. С другой стороны, логика «возвышенного» оправдания революционного и постреволюционного террора также создает «слепую зону», где ссылки на историческую необходимость («объективные законы истории»), парализуют любой критический дискурс.

В этом контексте тематизация западными исследователями травматического измерения истории и разработанный ими на ином эмпирическом материале аналитический инструментарий могли бы существенно расширить наши возможности при работе с собственным прошлым. Безусловно, речь идет не о простом заимствовании или копировании, а о теоретически продуктивном диалоге, в ходе которого и выясняются границы применимости таких понятий как «культурная память», «проработка», «эмпатия» к насыщенной трагическими событиями советской/российской истории. Такой диалог, возможно, поможет нам избежать

---

²⁸ Гройс Б. Коммунистический постскриптум. М., 2007. С. 122.

как «отрешенности» перед лицом происходящего, так и невротического повторения пройденного.

Трудности, возникающие при попытке продуманной артикуляции советского прошлого, возрастают вдвойне, когда речь заходит о не менее травматичной постсоветской истории.

Весьма показательным в этом плане представляется чеченская проблема, в частности явное игнорирование/забвение обществом ветеранов чеченских кампаний²⁹. Историкам трудно говорить о войне в Чечне: все архивы закрыты, поэтому макро-историю конфликта написать пока невозможно. Однако существует огромное количество воспоминаний и частных свидетельств, которые вызывают интерес скорее у западных, чем у российских исследователей³⁰. Устная история и «антропологический поворот» обходят стороной данную проблематику. Социологам не менее тяжело работать с ветеранами – они чаще всего отказываются контактировать (особенно это касается ветеранов специальных сил, принимавших наиболее активное участие в военных операциях). Многие ветераны до сих пор служат или работают в госструктурах и не могут говорить откровенно. Медикам (даже не связанным напрямую с МВД и министерством обороны) нелегко говорить о состоянии здоровья ветеранов и, в частности, распространении ПТСР, поскольку комбатанты часто скрывают симптомы, опасаясь проблем с трудоустройством и препятствий для своей карьеры³¹ и т. д. Впрочем, на наш взгляд, молчание общества связано не столько с прагматическими, сколько с принципиальными (теоретическими) проблемами репрезентации войны в Чечне.

---

²⁹ Голоса солдат чаще всего отсутствуют в исследованиях по этой проблеме. Например, см.: *Цветкова В.Ф.* Чеченский конфликт в отечественной периодической печати. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007; *Щеглова Е.С.* Дискурс социальных последствий военного синдрома в современном медийном пространстве. Автореферат дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2012.

³⁰ «Пограничное» положение здесь занимают работы С. Ушакина. Например, см.: *Oushakine S.A.* The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2009.

³¹ О проблемах с трудоустройством среди друзей говорят почти 80% опрошенных комбатантов, а 35% сами сталкивались с такими трудностями.

Начатый авторами данной статьи с весны 2013 г. проект³² показывает, что при всей гетерогенности этого множества, ветераны *сами* не очень хотят говорить о прошлом, критически относятся к разным вариантам его позитивной репрезентации. Во многом этот критический запал связан с неотрефлексированным сопротивлением символическому кодированию образов прошлого: комбатанты, по их собственным словам, почти не говорят друг с другом о войне; крайне редко участвуют в каких-либо коммеморативных ритуалах; скептически относятся к деятельности большинства ветеранских организаций; выражают недовольство многими государственными институтами. Их отказ говорить отчасти напоминает «сбой нарратива» или «кризис свидетельства», который в начале 1990-х гг. интересовал теоретиков *trauma studies*.

В то же время вряд ли оправдано вслед за Ш. Фелман говорить о *травме* ветеранов как абсолютном «падении репрезентации»³³ или о «голосе раны Другого»³⁴, как делает это К. Карут. Их позиция отличается от «верности ранам» Комитета солдатских матерей – специфического «сообщества траура»³⁵ в интерпретации С. Ушакина. Речь и воспоминания ветеранов почти невозможно описывать во фрейдовской терминологии меланхолии и траура, проработки и отыгрывания. Их беспокоит скорее настоящее, по отношению к которому военное прошлое парадоксальным образом представляется идеалом человеческих отношений³⁶. Ветераны выступают категорически против политики виктимизации³⁷. Для них чрезмерно широкое распространение

---

³² Работа со свидетельствами ветеранов первой и второй чеченских кампаний является частью более широкого исследования отношений ветеранов и общества, включающего уточнение статистики, работу с ветеранскими организациями и государственными центрами реабилитации и т. д.

³³ *Felman S., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. New York, 1992.*

³⁴ *Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore, 1996.*

³⁵ Ушакин С. Человека с человеком сближает горе: солдатские матери и позитивизация утраты // Гендерные исследования. 2005. № 2. С. 72.

³⁶ Владимир Т. называет повседневность «быдлятником», говорит о «нехватке духовной свободы». «Здесь все разобщены, а там ты нужен»; «там другие отношения – чувствуешь себя значимым».

³⁷ Психотерапевт Антон М., дважды побывавший в Чечне со спецназом внутренних войск, очень скептически относится к самому термину ПТСР: «Это крайне редкий диагноз: все симптомы полностью совпадают лишь в

понятия ПТСР выступает орудием маргинализации, которой они всячески сопротивляются.

В качестве примера подобного сопротивления можно привести историю прапорщика спецназа ВДВ, ветерана обеих чеченских кампаний Александра С. Демобилизовавшись в 2000 г., он столкнулся с тем, что медики отказывались признать две его контузии «страховым случаем»; небольшой пенсии не хватало для того, чтобы кормить семью, а работодатели опасались брать разведчика-«чеченца»; ветеранские организации не могли помочь с юридической поддержкой и т. д. Александр пытался реформировать районную ветеранскую организацию; пробовал участвовать в выборах в областную Думу; хотел даже стать православным военным капелланом. Эту социальную активность на протяжении 13 лет вряд ли можно хоть как-то связывать с последствиями «военной травмы», – она была ответом на актуальные повседневные проблемы и трудности самореализации. Неудачи по всем фронтам, включая разочарование в политизации РПЦ, подтолкнули его к переходу в лютеранство как «веру без посредников». Александр подчеркивает, что он «советский солдат», но не склонен к ностальгии и «отыгрыванию» прошлого опыта; он действует вариативно, отказывается от одних задач в пользу других и т.д. Разговор о ПТСР с психотерапевтом (Антоном) и нами он ведет скептически и с иронией: «Александр: Вот вы умные люди, – объясните мне – дураку, что это за синдром такой [посттравматический]. Антон: Вот вам горы часто снятся? Александр: Ага. И в ушах после контузии иногда шумит. Антон: Вот это и есть часть симптоматики ПТСР. Александр: Ну не знаю, не знаю...».

На наш взгляд, психоаналитическая терминология в работе с такими свидетельствами проигрывает делезовскому языку, нацеленному на материальность работы смутных образов и аффектов. С этой точки зрения, ветераны представляют собой скорее гетерогенное множество или «магму» (наэлектризованную аффектом, а не эмоциями). Комментируя свою готовность вернуться на фронт, подавляющее большинство ветеранов признаются, как и Александр: «Это трудно объяснить». Часть комбатантов описывает это именно как психосоматическое влечение (Геннадий Б.: «Это в крови»; Александр М.: «Вам никто точно не скажет. Это в похуже на адреналин»; Алексей Р.: «У меня после первой коман-

---

единичных случаях. Проблема здесь гораздо шире... Иногда даже приходится уговаривать людей, чтобы не делали инвалидность по психиатрии».

дировки крыша съехала. Болел – хотелось вернуться...»). Другая часть ветеранов после первой реакции обращается к ценностному измерению, противопоставляя отношения между людьми «здесь» и «там». Но в обоих случаях очень важен именно первичный неотрефлексированный импульс, который лишь благодаря усилию интерпретации (символического кодирования) приобретает некие формы – социальной критики или психосоматического влечения. Они имеют общее *аффективное* основание.

* * *

В заключении хотелось бы отметить, что приведенные здесь частные примеры, имеют, на наш взгляд, и универсальное измерение. Открываемая ими область аффективного ускользает как от «биополитической ловушки» медиализованных *trauma studies*, так и от «позитивных» социальных инициатив, чей вроде бы критический дискурс всякий раз присваивается и перекодируется властью. Ориентированные на проблему символической идентичности (национальной, социальной, религиозной, культурной) исследования памяти также не срабатывают в этом поле, поскольку смутные и слабые силы аффекта – «всегда-уже» опосредованные медийными и коммуникативными образами (образами банального и не-уникального) – не принадлежат сфере сознательных стратегий субъекта. Вернее здесь мы сталкиваемся с опытом коллективной субъективности без четкой идентичности, с неким массовым «мы», где отдельное «Я» претерпевает становление Другим, «любим», «каждым». Аффективное обладает тем странным избытком, что находится за пределами истины и лжи и не подчиняется логике суждений, иерархий и социально одобряемых предпочтений. И при этом оно способно объединять в сообщества тех, кто разделен социально, экономически, культурно, – в сообщества, где все связи выключены из цикла производство/потребление и господство / подчинение. Исследование этой неприсваиваемой зоны «общности-в-аффекте» или зоны «этической перцепции» (О. Аронсон), возможно, позволит нам выработать более гибкие и тонкие формы сопротивления биополитическим манипуляциям, которые осуществляет современная власть.

ЗАПАД НА ВОСТОКЕ, ВОСТОК НА ЗАПАДЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

УДК 94 (4)

ОПЫТ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ КОНТАКТОВ ПОЛЯКОВ XVIII ВЕКА С ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

М.Э. Ковальчик

Вроцлавский университет, Польша,
Исторический институт
E-mail: mal.kow@op.pl

Пересекая границы своей страны, путешественник сталкивается с «чужой» природой, цивилизацией, прежде же всего, с «другим» человеком. «Другие» воспринимаются при этом, как правило, стереотипично, как модели представителей данного народа. В XVIII в. повсеместно утверждалось, что каждый народ обладает собственным, особым характером. В данной статье предпринята попытка ответить на вопрос, какое влияние оказывали путешественники на формирование образов других народов и расширение знания о чужих странах среди жителей Польши XVIII века.

Ключевые слова: путешествия в XVIII в., дневники путешествий, стереотипы.

THE EXPERIENCE OF POLES OF THE XVIII CENTURY IN DIRECT CONFRONTATION WITH EAST AND WEST

M.E. Kowalczyk

University of Wrocław

Leaving the country, the traveler meets a “foreign” nature, and above all the “other” man. The “others” are evaluated through a stereotype as typical representatives of the nation. In the XVIII century it has been that each nation has its own special character. In the following article was made an attempt to answer the question about the impact of the travelers on shaping the images of the other nations and spreading knowledge about foreign countries among the inhabitants of Poland in XVIII century.

Key words: journeys in the XVIII century, travel diaries, stereotypes.

В XVIII в. путешествия за границу стали распространённым явлением среди европейцев. Путешествовали с целями дипломатическими, торговыми, образовательными, дружескими, лечебными.

ми, религиозными, наконец, для получения удовольствия от самого посещения новых мест. По экономическим и социальным причинам, принимая во внимание воспитание и образование, такие путешествия могли предпринимать лишь представители высших социальных слоёв. Тем самым путешествия в XVIII в. были явлением элитарным, и их нельзя сравнить с массовым туризмом, который начался вместе с появлением массового транспорта в XIX веке¹. Польские путешественники XVIII в. происходили преимущественно из магнатории, зажиточной шляхты и городского патрициата. Многие из них были внимательными наблюдателями и талантливыми писателями, о чём свидетельствуют оставленные записки о путешествиях². На их страницах можно найти обширные описания природы, городов, исторических памятников и произведений искусства посещаемых стран, а также пространные

---

¹ Rietbergen P. Europa. Dzieje kultury. Warszawa, 2001. S. 265.

² См.: Platerowa K. (Sosnowskich). Moja podróż do Włoch. Dziennik z lat 1785–1786 / wstęp i oprac. M.E. Kowalczyk, przeł. z franc. A. Pikor-Półtorak. Łomianki, 2013; Morawska T.K. (Radziwiłłów). Diariusz podróży europejskiej 1773–1774 / wstęp i oprac. B. Rok. Wrocław, 2002; Pilsztynowa R.S. (Rusieckich). Proceder podróży i życia mego awantur / wstęp i oprac. R. Polak. Kraków, 1957; Fiszerowa W. Dzieje moje własne i osób postronnych. Wiązanka spraw poważnych, ciekawych i błahych / oprac. E. Raczyński. Londyn, 1975; Charkiewicz J. Dyjariusz podróży hiszpańskiej z Wilna do miasta Walencyi na kapitułę jeneralną Zakonu Mniejszych Braci św. Franciszka, to jest Bernardynów, odprawionej w roku 1768 / wstęp i oprac. B. Rok. Wrocław, 1998; Moszyński A. Dziennik podróży do Francji i Włochy. Architekta JKM Stanisława Augusta Poniatowskiego 1784–1786 / wyboru dokonała i z franc. przełożyła B. Zboińska-Daszyńska. Kraków, 1970; Niemcewicz J.U. Pamiętniki czasów moich / wstęp i oprac. J. Dłhm. T. I–II. Warszawa, 1957; Karpiński F. Historia mego wieku i ludzi, z którymi żyłem / oprac. R. Sobol, Warszawa, 1987; Staszic S. Dziennik podróży. 1789–1805 / wydał Cz. Leśniewski. Kraków, 1931; [Bohusz F.K.] Staszic S. Dziennik podróży. (1777–1791). Austria-Niemcy-Hollandya-Anglia-Francya-Szwajcarya-Włochy / wydał A. Kraushar. 2 t. Warszawa, 1903; Kossakowski J.N. Pamiętnik, biskupa wileńskiego (1755–1808) / wyd. J. Weyssenhoff // Biblioteka Warszawska. 1895. T. 2. S. 195–237, 455–475; Plater K.K. Diariusz podróży z Warszawy do Petersburg w r. 1792 odbytej / wydał J.I. Kraszewski // Czas. Dodatek miesięczny. 1856. R. I. T. 4. S. 667–739; Komar J. Dyaryusz Podróży Petersburskiej 1793 roku / oprac. A. Knychalska // Z dziejów kultury czasów nowożytnych. Wybór tekstów źródłowych / red. M.E. Kowalczyk. Toruń, 2009. S. 55–110; Opis podróży z Mińska do Petersburga z 1797 r. anonimowego szlachcica z Białorusi, oprac. B. Rok, J. Kazakow // Z przeszłości Rzeczypospolitej w czasach nowożytnych / red. K. Matwijowski, S. Ochmann-Staniszevska, B. Rok. Wrocław, 1998. S. 109–120.

характеристики населявших их людей. В данной статье будет представлен опыт польских путешественников, полученный ими в результате контактов с другими народами. Исходя из того, что самыми популярными целями заграничных поездок поляков в описываемом столетии были государства Германской империи, Россия, Франция, Италия и Англия, тему формирования стереотипов ограничим рассмотрением характеристик народов этих государств.

Начнём с того, что, пересекая границы собственной страны, путешественник сталкивался с «чужой» природой, но, прежде всего, с «другим» человеком. Наблюдение, общение и опыт, полученный в контактах с представителями «других» народов, были источником разных ценностных оценок и мнений. Трюизмом является утверждение, что люди не в состоянии освободиться от культивирования стереотипов. Это понятие получило со времён Вальтера Липпманна, его создателя, ряд толкований³. В самом общем понимании термин «стереотип» означает «сокращённый, упрощённый и ценностно окрашенный образ группы людей (например, этнической, профессиональной, расовой, социальной), функционирующий в сознании членов других групп»⁴. Формулировка «упрощённый» не должна, однако, означать, что стереотип имеет негативную коннотацию. На самом деле стереотипы могут, как восхвалять кого-то, быть просто идолопоклонническими, так и обидно высмеивать. Более того, в пределах одной группы может функционировать несколько стереотипов, часто взаимоисключающих.

Обобщая можно утверждать, что стереотипы выполняют функцию готовых схем; они являются способом упорядочивания восприятия внешнего мира. Одним из самых важных составляющих этого упорядочивания является противопоставление «свой – чужой». При этом «чужие» воспринимаются стереотипично, как «характерные» представители своих групп⁵. Особенно четко это можно увидеть именно на примерах национальных стереотипов.

---

³ Gostkowski Z. Teoria stereotypu i poglądy na opinię publiczną Waltera Lippmanna // *Archiwum Historii Filozofii i Myśli Społecznej*. 1959. N 5. S. 39–84.

⁴ Nowa encyklopedia powszechna PWN / red. D. Kalisiewicz. 40 т. Warszawa, 1996. Т. 5. S. 47; *Słownik współczesnego języka polskiego* / red. B. Dunaj. Warszawa, 1996. S. 1062.

⁵ Nowicka E. Swojskość i obcość jako kategorie socjologicznej analizy // *Swoi i obcy* / red. E. Nowicka. Warszawa, 1990. S. 18–19.

Интерес к самобытности и акцентированию различий между народами имеет в польской культуре долгую традицию. В XVI и XVII вв. эти описания принимали чаще всего форму стихотворных афоризмов и иных кратких, лёгких для запоминания произведений, нередко сатирически окрашенных⁶. В XVIII в. подобные рифмованные характеристики других народов теряют популярность. Носителем обыденного знания о других народах с этого времени стали сообщения путешественников, и, еще шире, географическая литература. Авторы книг по географии, наряду с информацией из области астрономии или краеведения, помещали в свои сочинения часто достаточно обширные описания различных народов⁷. С другой стороны, в XVIII в. подробные характеристики отдельных наций всё чаще становились темами отдельных статей в прессе⁸.

В контексте наших рассуждений существенным является то, что авторами географических трактатов и публикаций в периодике были люди, имевшие зачастую за своими плечами не одно путешествие по миру. Таким образом, именно путешественники оказали огромное влияние на формирование образов других народов и расширение знаний о чужих странах среди жителей Польши XVIII века. Конечно, создавая свои тексты, они не стремились непременно сформировать оригинальные национальные образы: они просто принимали целиком уже сложившиеся стереотипы или модифицировали их.

Функционировавшие в XVIII в. образы «других» наций были обусловлены многими факторами: историческими, политическими, социальными, экономическими, культурными. Но в целом можно сказать, что в интересующий нас период поляк смотрел на другие народы с точки зрения гражданина слабеющего государства. Экономико-политическая ситуация в стране в это время бы-

---

⁶ Bokszański Z. Stereotypy a kultura. Wrocław, 2001. S. 77.

⁷ Kowalczyk M.E. „O różności powierzchownej mieszkańców ziemi”, czyli rasy ludzkie w ujęciu geografów polskich XVIII w. // Staropolski ogląd świata – problem inności / red. F. Wolański. Toruń, 2007. S. 296-307; Rok B. Stosunek do obcych narodów w świetle polskich kompendiów geograficznych XVIII w. // Acta Universitatis Vratislaviensis. Wrocław, 1988. S. 105-115.

⁸ См.: Magazyn Warszawski, pięknych nauk, kunsztów i różnych wiadomości dawnych, i nowych, dla zabawy, i pożytku osób obiey płci, wszelkiego stanu, i smaku. 1784–1785. На страницах журнала был опубликован цикл статей, посвященных нескольким европейским нациям: немцам, англичанам, французам, итальянцам, испанцам, португальцам.

ла очень плохой. Публицистика обрушивала на польских граждан непрерывно возникавшие у реформаторов идеи, касающиеся необходимости черпать образцы у других европейских стран. В качестве примера служила Англия, которая принадлежала, как и Польша, к той же самой семье государств с парламентским строем. Разделы, которые уничтожили польское государство, укрепили образ русских и немцев как недругов поляков. На Висле символом борьбы за свободу и достоинство стала революционная Франция. Эта страна весь XVIII в. доминировала в интеллектуальной и художественной жизни Европы и, в частности, Польши. Глубокие культурные связи соединяли поляков также с жителями Италии. Страна древних исторических памятников и святых мест христиан был бесспорным центром культуры, искусства и науки нового времени⁹.

Конечно, способ восприятия «других» зависел также от ситуационно-эмоциональных факторов. В зависимости от типа контакта (например, выезд в туристических, научных целях, паломничество) путешествующий выпячивал те или иные черты отдельных народов. В целом восприятие «других» касалось черт, связанных с их внешним видом, психологией, экономикой, политической и культурной ситуацией.

В результате многочисленных польско-немецких и польско-русских конфликтов представления о немцах и русских приобрели форму застывшего стереотипа «врага». Врага последовательно определяли одни и те же черты. К самым часто встречающимся относились: жадность, стяжательство, жестокость, тирания, измена, клятвопреступление. Пословица «пока стоит мир, не будет ... поляку братом», датируется XVIII в. Вместо многоточия вставлялось в зависимости от обстоятельств «немец» или «русский».

Хотя в описаниях немцев путешественники допускали и положительные черты (например, трудолюбие, чистоплотность, пунктуальность, старательность), в целом в образе доминировали негативные тона. Немец воспринимался не только как неприятель, угрожающий родине, но также как какой-то Ганс, который

---

⁹ Niewiara A. Wyobrażenia o narodach w pamiętnikach i dziennikach z XVI-XIX wieku. Katowice, 2000.

был смешон из-за особенностей своих нравов¹⁰. Например, смеялись над обжорством немцев и их склонностью к пьянству. Подчёркивалось, что немцы беседуют очень долго и основательно, как только представится случай. По этой же причине, как повсеместно считали на Висле, они были «большие, толстые и сильные». В целом утверждалось, что «внешне немец не очень красив»¹¹.

Смеялись и пренебрежительно относились к немецкому языку, несмотря на то, что он был в Речи Посполитой Обоих Народов хорошо известен. Считалось, что он малоприятен для уха и не годится для выражения утончённых мыслей. Теофила Констанция Моравская (урождённая Радзивилл) напрямую утверждала, что немецкий язык является «грубым и простым»¹².

Немцам также приписывалось высокомерие и отсутствие уважения к полякам. По этому последнему поводу плохо вспоминал о своём пребывании в Австрии Францишек Карпиньский: «Плохому настроению, кроме слабого здоровья, при проживании моём в Вене способствовало всеобщее презрение немцев к народу моему»¹³. Автор мемуаров сконфуженно описывал, как «один человек из простолюдинов с другим ссорился и имущество терял, из-за того, что тот его поляком назвал, что там у них является самой большой разновидностью брани»¹⁴. Польские путешественники упрекали также жителей германских государств в скупости. «Никому ничего не дадут без денег», – жаловалась Регина Саломея Пильштгын (урождённая Русецкая), добавляя, что в корчмах «если убогий человек на ночь придёт, то должен себе за последние (деньги. – М. К.) еду себе купить, а солому подстелить даром не дадут»¹⁵.

Критику польских путешественников вызывали действия немецких таможенников и пограничников, военная дисциплина, одним словом проявления милитаризма и бюрократизма, к которым воспитанные в XVIII в. поляки не привыкли.

---

¹⁰ *Maliszewski K.* Komunikacja społeczna w kulturze staropolskiej. Studia z dziejów kształtowania się form i treści społecznego przekazu w Rzeczypospolitej szlacheckiej. Toruń, 2001. S. 111.

¹¹ *Magazyn Warszawski...* 1784. S. 30–46.

¹² *Morawska T.K. (Radziwiłłów).* Op. cit. S. 32.

¹³ *Karpiński F.* Op. cit. S. 72.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Pilsztynowa R.S. (Rusieckich).* Op. cit. S. 156.

По этим же самым причинам поляки критиковали русскую бюрократию с её знаменитой системой рангов. «По российскому обычаю, – отмечал в мемуарах Станислав Космовский, – никакая жалоба напрямую монарху переслана быть не может, а проходить она должна через министров, на которых написана»¹⁶. Поражало демократичных поляков верноподданническое отношение русских к царю и отождествление его с божеством. Юлиан Урсын Немцевич прямо писал: «Во властителях своих они земных богов видели. Крестились и били челом при упоминании государыни своей (Екатерины II. – М. К.). Это послушание сходило ступенями от самых высших до самых низших: трепетал полковник перед генералом, майор перед полковником, солдат перед капралом»¹⁷. Очень негативно высказывались поляки о русских солдатах, приписывая им безнравственность, претенциозность и отсутствие чести, поскольку они «не только грабили, что попадётся, но крушили и жгли, чего не могли забрать»¹⁸.

Среди положительных черт можно отметить физическую силу русских, а также их невероятную терпимость к голоду, холоду и телесным наказаниям. По мнению польских путешественников, русские были превосходными ремесленниками и влюблёнными в музыку людьми. Однако, как и в случае с немцами, в целом представления о русском народе были негативными. Хитрость, склонность к обману, вероломство, жадность, воровство, варварство, распущенность, развязность и пьянство – это были, по мнению польских путешественников XVIII в., характерные черты русских¹⁹.

В отличие от немцев и русских образ англичан и французов был почти идолопоклонническим. На это, несомненно, оказали влияние «дружественные» отношения между поляками, с одной стороны, и англичанами с французами, с другой. «Друга» определяли такие черты как: честность, рассудительность, любовь к порядку, свободе и независимости.

В XVIII в. француз во многих сферах становится примером для поляка. С момента установления более тесных связей между Францией и Польшей во второй половине XVIII в. нарастало присутствие разных элементов французской культуры в обществен-

---

¹⁶ Kosmowski S. Pamiętniki z końca XVIII wieku // Pamiętniki z ośmnastego wieku / wydał J.K. Żupański. 15 т. Poznań, 1867. Т. 9. S. 85.

¹⁷ Niemcewicz J.U. Op. cit. Т. I. S. 43.

¹⁸ Ibid. Т. II. S. 184.

¹⁹ Niewiara A. Op. cit. S. 130-147.

ной жизни Речи Посполитой Обоих Народов. Это сопровождалось постепенным увеличением количества поездок во Францию, что вытекало из важной роли, которую играла эта страна в международных отношениях в Европе, из-за растущего воздействия её культуры и науки, блеска, которым сиял двор Людовиков, стихийного распространения во всей Европе французского языка. В эпоху Просвещения использование французского языка стало явлением обыденным, как при дворах, так и среди просто образованных людей²⁰. Для большинства поляков из высших социальных слоёв свободное знание французского языка было так естественно, что не требует комментариев. Писатель, путешественник и ученик Руссо Жак-Анри Бернарден де Сен-Пьер прямо утверждал, что поляки владеют французским в совершенстве, редко встречающимся даже среди жителей Франции²¹. На Висле восхищались не только языком Вольтера, но также французским искусством, литературой, модой, кухней, образованием. Повсеместно считалось, «что только могло бы быть великим и прекрасным, должно быть придумано и сделано в Париже»²². Поляки восхваляли хорошее воспитание французов и их открытость в отношении к приезжим. «Благодарные и приятные в обхождении с иностранцами, французы не отказывают им в каких бы то ни было мелких услугах»²³, – отмечал в своём дневнике путешественника Аугуст Мошиньский. В жителях Франции ценились рафинированное чувство юмора, умение ведения беседы, и, прежде всего, лёгкость в завязывании знакомств. «Французы являются самым лёгким для завязывания знакомств народом и, прежде чем к ним обратишься, они уже готовы обо всей жизни рассказать тебе»²⁴, – читаем в мемуарах Юлиана Урсына Немцевича. Тем самым стереотипный француз представлялся человеком открытым, общительным, милым, культурным, но также привередливым и обладающим высоким мнением о своих возможностях. Для формирования образа французов среди поляков существенным была

---

²⁰ *Struck B. Nie Zachód, nie Wschód. Francja i Polska w oczach niemieckich podróżnych w latach 1750–1850. Warszawa, 2012. S. 145–151.*

²¹ *Bernardin de Saint-Pierre J.H. Podróż po Polsce. Opowiadanie o tym, co się wydarzyło od czasu mego wyjazdu z Warszawy (1764) // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców / opracował i wstępem poprzedził W. Zawadzki. 2 t. Warszawa, 1963. T. 1. S. 207.*

²² *Magazyn Warszawski... 1784. S. 820.*

²³ *Moszyński A. Op. cit. S. 61.*

²⁴ *Niemcewicz J.U. Op. cit. T. I. S. 216.*

также поддержка французами идеи независимости Польши. Станислав Космовский прямо писал: французы «любой народ, который поднял оружие за свободу, равенство и независимость, своим естественным союзником считать будут»²⁵.

Характеризуя англичан, польские путешественники писали о серьёзности, добросовестности, любви к порядку, чистоте, склонности к удобствам при одновременном презрении к излишествам и предпочтении им простоты. Опытный путешественник Юлиан Урсын Немцевич, писал об Англии: «Не найдёшь там излишеств и показательной вежливости, как у нас. Комфорт, удобство является первой для англичанина целью, жить в чистоте, иметь хорошую одежду, хорошую постель, стол здоровый и укрепляющий силы, прежде всего, свободу и личную безопасность, то есть на чём счастье основывается, презирает хрусталя и бронзы безделушки, но ради общественной пользы, на новое открытие, на поддержку несчастных не щадит своих сбережений. Этот дух умеренности и благородства найдёшь во всех слоях общества»²⁶. Англию в тогдашней литературе о путешествиях представляли как страну идеально свободную, богатую и независимую ни от кого страну, которую уместно сравнить с прежними независимыми республиками – Римской и Венецианской. Это был недостижимый идеал для клонящейся к упадку Речи Посполитой Обоих Народов. Культурным примером для поляка становится в конце XVIII в. английский джентльмен, отличающийся безупречными манерами, мужеством и признанием в качестве высшей ценности чести. В это самое время модным на Висле становится английский язык. Поляки охотно выезжали в Англию, в частности, для того, чтобы его совершенствовать. Англичане с большим снисхождением относились к тем, кто коверкал их язык. «Я говорила очень слабо по-английски, но ведь никогда меня за это не бранили, вопреки разным рассказам»²⁷, – вспоминала о своём пребывании в Лондоне Виридианна Фишер. Важно, наконец, обратить внимание на то, что, согласно общественному мнению жителей Речи Посполитой, английские женщины были одними из самых красивых в мире²⁸. Ими восхищался, в частности, Аугуст Мошинь-

---

²⁵ Kosmowski S. Op. cit. S. 34.

²⁶ Niemcewicz J.U. Op. cit. T. I. S. 227–228.

²⁷ Fiszerowa W. Op. cit. S. 254.

²⁸ Magazyn Warszawski... 1784. S. 543–544.

ский. В своём дневнике он писал, что многие из них «истинные шедевры природы»²⁹.

В случае с итальянцами мы имеем дело с двойственным образом. Им приписывались с одинаковой частотой и положительные, и отрицательные черты³⁰. Приятные в общении, вежливые и сердечные в отношении иностранцев – это наиболее часто упоминаемые положительные качества жителей Италии. «Люди здесь самые приятные по сравнению со всеми другими, каких до сих пор я встречал, приветствуют и уступают места иностранцам», – писал Аугуст Мошиньский, добавляя, что они «не присаживаются панибратски к иностранцам, как это всегда бывает во Франции»³¹. Подобное мнение о жителях Апеннинского полуострова было у Юлиана Урсына Немцевича, который прямо утверждал: «Итальянцы безмерно в отношении иностранцев вежливы»³². Повсеместно также считалось, что этот народ не имеет себе равных, если речь идёт о литературном творчестве, живописи, архитектуре, музыке и театре. Польских путешественников удивляла также итальянская бережливость. В дневнике Теофилы Констанции Моравской (урождённой Радзивилл) мы читаем: «Итальянские господа в любом месте, включая Рим, живут прекрасно, но очень бережливо. Компании их и собрания все бесплатны»³³. Контрастом служило поведение польских магнатов, которые часто тратили большое количество денег на балы и приёмы, с лёгкостью проматывая унаследованные имения.

По мнению польских путешественников, для итальянцев характерно с любовью предаваться дружеским встречам, танцам, музыке и всяческой роскоши. У поляков сложилось впечатление, что для жителей Венеции, Флоренции, Рима или Неаполя «общество и развлечения» представляет собой единственный смысл жизни. Как утверждалось, погоня за роскошью вела к тому, что итальянцы ценили лишь удовольствие, работу же презирали. Станислав Сташиц полагал даже, что многочисленные церковные и государственные торжества давали итальянцам возможность

---

²⁹ Moszyński A. Op. cit. S. 105.

³⁰ См.: Kowalczyk M. E. *Obraz Włoch w polskim piśmiennictwie geograficznym i podróżniczym osiemnastego wieku*. Toruń, 2005. S. 229–289.

³¹ Moszyński A. Op. cit. S. 129.

³² Niemcewicz J. U. Op. cit. T. I. S. 213.

³³ Morawska T. K. (Radziwiłłów). Op. cit. S. 195.

«шляться, петь, развлекаться и освобождали от работы»³⁴. Многие такой образ жизни критиковали, хотя вот Ян Непомуцен Коссаковский признавался, что «этот образ жизни мне, по природе ленивому, очень понравился»³⁵. Повсеместно итальянцам «пеняли», что они ленивые, бездельники и почитают удобства, и к тому же подозрительны, мстительны, порывисты и беспощадны. Аугуст Мошиньский с сарказмом отмечал на страницах своего дневника, что людей убивают в Италии «как мух». Хуже всего было то, что били и убивали открыто на улицах. И тем самым, часто случайный прохожий получал удар ножом от тех, кто убегал, совершив убийство³⁶. Мошиньский указывал при этом, что «в Генуе убивают в любой момент из-за долго замышляемой злобы; в Риме тихо, под влиянием меланхолии, мести, из-за горячей крови, по жадности; в Неаполе в гневе, с великим шумом и крича при том. В Венеции скорее угрожают, чем убивают»³⁷.

Жители Италии воспринимались, кроме того, как мошенники и воры. Францишек Богуш на страницах своего дневника предостерегал всех путешествующих по Италии: «Народ повсеместно жадный, коварный, хитрый. Кто первый раз в Рим приедет, должен иметь великую осторожность, поскольку непременно обманутым будет»³⁸. На негативный образ итальянца, существовавший в сознании поляков XVIII в., накладывались и такие черты характера как шумливость и крикливость. Другим обвинением в их адрес было то, что они легко оскорбляют, претенциозны и притязательны. К группе отрицательных черт, которые приписывались итальянцам, относились также склонность к балагану, разгильдяйство, халатность, особенно когда речь идёт о чистоте и порядке в городах. Перечень итальянских пороков, распространяемых в польском общественном мнении XVIII в., довольно обширный. Выше, однако, указывалось, что распространялись одновременно и сведения о многих положительных качествах, присущих характеру людей Италии. В целом поляки относились к итальянцам с симпатией, но наверняка без восхищения.

В конце рассмотрения проблемы национальных стереотипов следует сформулировать вопрос: избавлялись ли поляки от них

---

³⁴ *Staszic S. Op. cit. S. 65.*

³⁵ *Kossakowski J. N. Op. cit. S. 470–471.*

³⁶ *Moszyński A. Op. cit. S. 125, 409.*

³⁷ *Ibid. S. 594.*

³⁸ *Bohusz F. Op. cit. S. 245.*

во время путешествий, которые давали возможность вступить в непосредственный контакт с представителями иных наций? Не подлежит сомнению, что стереотипы не удаётся сломать, мы можем говорить лишь об их модификациях. Путешествие приучало к «отличности» людей и позволяло отмежеваться от общепринятых образов разных наций. Великий коронный гетман Вацлав Жевуский, отправляя сыновей в заграничное путешествие, выражал надежду, что «познавая разнообразие поведений, законов и нравов, учишься различать народы и уважать их. Все люди братья, – сказал он им в момент их отъезда, – посылаю вас в вашу семью (то есть семью европейских народов. – М. К.), давая вам средства увидеть Францию, Голландию, Италию. Если узнаете разные народы, так как надо их увидеть, полюбите их все, и имя поляка, которое вы должны ценить выше всего иного, не позволит вам презирать тех, кто не является республиканцами»³⁹.

---

³⁹ Цит. по: *Kostkiewiczowa T. Oświecenie. Próg naszej współczesności. Warszawa, 1994. S. 22.*

СИБИРСКИЕ «МОНСТРЫ» И ФРАНЦУЗСКИЕ «МРАМОРНЫЕ СЕРДЦА» В НЁФШАТО В 1814 ГОДУ

А.В. Гладышев

Саратовский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра истории нового и новейшего времени
E-mail: Gladav2002@mail.ru

В статье рассматривается эпизод из кампании 1814 г. во Франции: занятие отрядом казаков под командованием М.И. Платова Нёфшато. На основе анализа мемуаров профессора местного колледжа создается образ казака – «варвара». Описывается прибытие в город частей вюртембергцев и некоей «мадам Платовой».

Ключевые слова: история Франции, кампания 1814 года, Нёфшато, М.И. Платов, А.Ф. Щербатов, Е. Вюртембергский.

THE SIBERIAN «MONSTERS» AND THE FRENCH «MARBLE HEARTS» IN NEUFCHATEAU IN 1814'S YEAR

A.V. Gladyshev

Saratov State University

In the article considers an episode from the Campaign 1814 in France: the occupation of Neufchâteau the Cossacks detachment under the command of M. Platov. Based on analysis of the memoirs of french contemporary creates an image of the Cossack – «of the barbarian». Describes the impressions from of arrival in the city of Würtembergeois detachment and some «Madame Platova».

Key words: History of France, Napoleon, Campaign 1814 in France, Neufchâteau, the Cossacks, M. I. Platov, A. F. Tscherbатов, E. Würtemberg.

Форсировав Рейн 30 декабря 1813 г., отряд атамана М.И. Платова (5 казачьих полков)¹ двигался к Вогезским горам впереди IV-го

---

¹ Вейль полагал, что численность отряда Платова достигала 4000 человек. См.: Weil M.-H. La campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne: la cavalerie des armées alliées pendant la campagne de 1814. 4 т. Paris, 1891–1896. Т. 1. Р. 61. В отряд Платова тогда входили: Бригада генерал-майора Кайсарова – Донской Атаманский графа М.И. Платова полк, под командованием генерал-майора Т.Д. Грекова

корпуса Е. Вюртембергского. «Журнал военных движений» сообщал, что 3 января корпус вюртембергских войск послан к стороне Люксейля, а легкий корпус Платова – «через Эпиналь к Нёфшато»². Первым сражением в компании 1814 г., в котором довелось принять участие казакам под командованием Платова, было сражение 11 января под Эпиналем (Épinal): совместно с отрядом А.Ф. Щербатова и корпусом кронпринца Евгения Вюртембергского отряд Платова участвовал в захвате этого города и преследовании отступающих французов. У известного военного историка Мориса-Анри Вейля опубликовано извлеченное им из Венского архива донесение главнокомандующему Богемской (Главной) армии австрийскому фельдмаршалу К.Ф. фон Шварценбергу от командующего русским и прусским резервом генерала от инфантерии М.Б. Баркляя де Толли, из которого следует, что по приказу Баркляя де Толли после Эпиналя отряд Платова должен был «двигаться через Мирекур на Нёфшато, откуда отправить партии на Бар-ле-Дюк и наладить связи слева от Лангра с австрийцами, а справа – с князем Щербатовым»³. В «Журнале военных движений» читаем: «Графу Платову, у коего, за расформированием казачьего отряда, оставалось пять полков, в числе около 2000 человек, приказано идти от Эпиналя к Мирекур и Нёфшато, сохраняя связь между Главной и Силезской армиями»⁴.

Однако после сражения Платов простоял со своим отрядом в окрестностях Эпиналя, в Шарме (Charmes) три дня. Эта «задержка» вызвала у Вейля очередной антиплатовский пассаж. Может быть, иронизировал Вейль, это стояние объясняется специфическим пониманием Платовым своей роли командующего кавалерии.

18-го, казачий полк полковника Г.А. Костина 4-го; бригада генерал-майора П.М. Грекова 8-го – донской казачий полк П.М. Грекова 8-го и Первый сборный Черноморский конный казачий полк под командованием полкового есаула Д.С. Плохого; бригада генерал-майора О.В. Иловайского – Донской казачий О.В. Иловайского 10-го полк; Донская казачья конная артиллерийская рота № 1 под командованием полковника Петра Фёдоровича Тацына 4-го.

² Журнал военных движений и действий российско-императорских и королевско-прусских армий со времени прекращения последнего перемирия, т. е. с 5/17 августа 1813 года [по 17 марта 1814 г.]. Б.м., 1814. С. 84.

³ Рапорт от 9 января 1814 г. из Алткирха. См.: *Weil M.-H.* Op. cit. Т. 1. Р. 84.

⁴ Журнал военных движений и действий ... С. 73.

лерийским авангардом: вместо того, чтобы идти впереди войск, он защищал Эпиналь от атаки, «которую просто некому было произвести»⁵. Но непосредственно после сражения никто не знал, что командующий в этом районе французскими войсками маршал К. Виктор прикажет отступить и даже оставит Нанси, а не попытается вернуть Эпиналь. Да и кронпринц Е. Вюртембергский, отправив половину полка пехоты и полк кавалерии на Рамбервильер, провел с остальными частями 12 января в Эпинале, также опасаясь контратаки французов и давая отдых войскам⁶. Фактически, берясь судить победителей, Вейль укоряет Платова за то, что союзники после схватки под Эпиналем и захвата Шарме, из-за бездействия Платова потеряли на этом участке контакт с противником и имели смутное представление о его местонахождении, а вот Груши, напротив, все прекрасно видел и понимал⁷.

Критические замечания Вейля в адрес Платова воспроизводит и автор, пожалуй, самой подробной работы по истории кампании 1814 г. на территории департамента Вогезы Ф. Бувье. Он писал, что казаками руководил «неспособный Платов, который длительное время пребывал без движения в Шарме». Якобы, лишь благодаря инициативе таких «полных огня и инициативы» офицеров, как Щербатов, казаки захватили 14-го Мирекур (Mirecourt), 15-го – Везелиз (Vézelize), а 16-го – с П.С. Кайсаровым Нёфшато (Neufchâteau)⁸. Ф. Бувье прямо ссылается при этом на Вейля. Вейль же, не уточняя, впрочем, на чем основывается его умозаключение, писал, что, во-первых, только «после отъезда Платова, став хозяином своим действиям», Щербатов 15-го занял Везелиз, и, во-вторых, это командующий казачьей бригадой Кайсаров уговорил

---

⁵ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 115–116.

⁶ 13-го корпус Е. Вюртембергского оставил Эпиналь, где его заменила бригада баварцев Рехберга (Rechberg), и вернулся к прежнему направлению своего движения: в тот же день он уже находился в Бен (Bains), 14 января – в Вовиллер (Vauvillers), 17-го – в Монтини-ле-Руа (Montigny-le-Roi) и 19-го в Шомоне (Chaumont), соединившись таким образом с главными силами Шварценберга.

⁷ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 132.

⁸ Bouvier F. Les Premières combats de 1814... P. 149. Нёфшато – город в департаменте Вогезы у слияния рек Мёз (Маас) и Музон.

Платова продолжить движение⁹. Что касается Щербатова, то у Бувье его фамилия стоит рядом с Мирекуром по недоразумению.

14 января отряд Щербатова двинулся из Шарме в сторону Нанси (Nancy), а отряд Платова на Мирекур¹⁰. Последний, оставленный французами под впечатлением поражения при Эпинале, был занят без единого выстрела 15 января. В тот же день Щербатов вступил в Везелиз. А 16 января, когда Щербатов подошел к еще занятому французским арьергардом Тулю (Toul), Платов был уже в соседнем с Мирекуром Нёфшато, где захватил две пушки и сотню ружей. Французы при его приближении отступили, даже не разрушив мост через Мёз, и атаман отправил партии в направлении на Бар-ле-Дюк (Bar-le-Duc)¹¹.

Исследователь истории Нёфшато Робер Дюваль оговаривается, что многочисленные труды по истории Нёфшато или Лотарингии в целом мало что дают для установления истинного хода событий в этом городе в момент вторжения. Другое дело – обнаруженный им анонимный «l'Annuaire de Neufchâteau» – записки,

---

⁹ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 130.

¹⁰ Еще 11 января Щербатов докладывал Шварценбергу, что имеет от Платова указания находиться возле Шарме и не увлекаться рейдами в сторону Нанси, чтобы не удаляться от войск, расположенных в Эпинале. См.: Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 105. Иногда историки пишут, что Платов «встречал Новый год» в Нанси и «оставил в Нанси» отряд Щербатова. Но 14 января Платов отправился из Шарме на Мирекур, «оставив, – если верить рапорту самого Платова, – Щербатова в Шарме». «Полагая, что враг выдвинется к Люневиллю, я, рапортовал Платов, – оставался в Шарме до прибытия в Эпиналь войск графа Вреде. После чего, оставив в Шарме князя Щербатова, я с пятью полками казаков направился на Мирекур. Завтра я буду уже в Нёфшато, где установлю коммуникации слева с принцем Вюртембергским, а справа – с князем Щербатовым». См.: Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 115. На Нанси отряд Щербатова двинулся по заранее сделанному указанию Шварценберга. Новость об эвакуации французов из Нанси Щербатов подтвердит в рапорте Шварценбергу из Везелиза от 15 января. Г. Магюэн посвятил небольшую работу военно-политическим событиям в Нанси в январе 1814 г. (Mauguin G. Le maréchal Ney et le maréchal Blucher à Nancy en 1814. Nancy, 1930). Изучив в подробностях все передвижения французских войск Нея и прусских войск Блюхера, он установил, что первые русские казаки появились на улицах Нанси 14 января в 4 часа дня. См.: Mémoires de l'Académie de Stanislas. Nancy, 1932. T. 29. P. XXVII.

¹¹ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 130. То же см.: Bouvier F. Les Premières combats de 1814... P. 149.

которые предположительно принадлежат перу страстного бонапартиста, профессора местного колледжа Николя Хеннекена (Hennequin). Р. Дюваль публикует обширный отрывок из этих никогда ранее не издававшихся анналов¹², который посвящен пребыванию войск союзников в Нёфшато, в том числе, и в январе 1814 г., и помогает внести некоторую ясность в хронологию событий.

Автор «l'Annuaire de Neufchâteau» указывает, что еще 15 января 1814 г. около 4 часов дня у стен города появились первые казаки, «о которых нас столь долго предупреждали». Их было 32 человека. Двое из них оторвались от общей массы и на полном скаку ворвались в город. Они покружили по площади, выпили по стаканчику поднесенной им водки и вернулись к ожидавшим их товарищам. Покидая город, они кричали «Да здравствует король!», но этот клич не привлек большого внимания, ибо имя короля не называлось. Жители города было подумали, что на этом «визит» и закончится, однако к 8 вечера все три десятка казаков расположилось бивуаком на слегка уже запорошенной снегом улице Сен-Жан. Командовал ими офицер, который отлично говорил по-французски и даже делал вид, что это его родной язык. Он встретился с помощниками мэра (сам мэр умер в прошлом месяце, а новый еще не был назначен), просмотрел кое-какие городские бумаги, а потом приказал своему отряду ретироваться в соседнюю коммуны Жиронкур (Gironcourt), где находился их штаб, предупредив, что на следующий день в город войдут части донских казаков под командованием Платова¹³.

Вслед за разведчиками на следующий день, т. е. 16 января прибыл авангард отряда Платова: 1200 казаков разбили лагерь повыше виноградников на равнине л'Етанш (l'Etanche), в то время как их командир (фамилия его не называется) с несколькими казаками из личной охраны вступил в сам город. «Командир был настолько пьян, что был вынужден войти в первый же попавшийся дом, чтобы здесь проспать. Когда ему стало немного лучше, видя, что он занимает не подходящее для начальника штаба жилье, он

---

¹² *Duval R. Chroniques villageoises. L'occupation de Neufchâteau par les armées coalisées en 1814 // URL: http://www.histoire-empire.org/chroniques/neuchateau/neuchateau_1814.htm (дата обращения: 1.09.2014).*

¹³ *Ibid.*

перенес свою штаб-квартиру к вдове Кордые. Охрана расположилась в соседних домах, и всю ночь стоял невероятный гам»¹⁴.

На следующее утро 17 января расположившийся на л'Етанш авангард в 1200 человек сменил диспозицию и встал биваком между дорогами на Лангр (Langres) и Ламарш (Lamarche). Около двух часов дня по дороге из Мирекур прибыл основной отряд донских казаков, как показалось автору «l'Annuaire de Neufchâteau», в 8000 человек.

Казачьи Платова произвели неизгладимое впечатление на местного профессора, который в подробностях описал их вступление в Нёфшато. По его словам, двигались они колонной по три человека в шеренге. Впереди под звуки военной музыки, издаваемые дудкой и двумя маленькими барабанами, ехали три казака, «три наиболее отвратительных монстра Сибири». Следующие двенадцать казаков пели «варварскую песню, которая вселяла страх и ужас». Автор позволил себе небольшое лирическое отступление: сердца замирают и чувство страха наполняет души, когда видишь этих монстров, вышедших из пределов Азии и «обрушившихся на Францию как стая саранчи на обильные нивы».

За этими двенадцатью казаками ехали офицеры, затем везли около 50 различных флагов и штандартов, затем следовало остальное войско. Замыкали колонну шесть артиллерийских орудий. Этот кортеж, «в котором не найдешь и двух людей одетых одинаково», прошел через город и встал лагерем на дороге на Лангр. Платов и его начальник штаба расположились у господина Гоше (Gaucher), а офицеры по другим домам местных буржуа. В течение следующей ночи разразилась небывалая гроза, сопровождаемая резкой оттепелью, что «посеяло страх в лагере казаков». В результате все магазины по дороге на Лангр оказались подтоплены. «Вода стояла на два фунта выше моста Руж, что на той же дороге, и вся равнина выглядела из-за паводка как море»...¹⁵

Итак, лично М.И. Платов прибыл в Нёфшато 17 января, здесь он, как указывал Вейль, «несколькими часами позднее» получил предписание фельдмаршала К.Ф. Шварценберга следовать через Андело (Andelot) к Бар-сюр-Об (Bar-sur-Aube). Отправленные им на северо-запад к Бар-ле-Дюк разведчики в этот день доложили,

---

¹⁴ *Duval R. Op. cit.*

¹⁵ *Ibid.*

что противник отступает к Марне¹⁶. Это предписанное направление движения на Бар-сюр-Об будет вскоре изменено на движение к Бар-сюр-Сен.

М. Богданович писал, что 19 января летучие отряды Платова и Щербатова получили приказ отправиться через Жуанвиль и Бар-сюр-Сен к Осерр, «для прикрытия армии с левого фланга и для набегов к Санс и Фонтенбло»¹⁷. Вейль отмечал, что после того, как Мортье отступил к Бар-сюр-Об, а разведчики союзников донесли, что Шатийон-сюр-Сен (Châtillon-sur-Seine) французами не занят, Шварценберг написал 20 января Барклаю де Толли, чтобы тот «изменил направление движений отрядов Платова и Щербатова»: Платова следовало отправить через Жуанвиль и Бар-сюр-Сен к Осерру (Auxerre), чтобы оттуда он действовал к Сану и Фонтенбло. Шварценберг полагал, что именно там отряд такого типа, как у Платова, может сыграть самую замечательную роль, и добавил, что он представляет себе эту миссию настолько важной, что просит Баркляя де Толли направить в помощь Платову нескольких штабных офицеров. Что касается Щербатова, то Шварценберг просил направить его в район между Шалоном и Труа: наблюдать за движениями противника и за дорогами, ведущими на Париж¹⁸.

19 января в Нёфшато вступили части V-го австро-баварского корпуса К.Ф.Й. фон Вреде (Wrede). Первоначально корпус Вреде был направлен к Нанси, но Шварценберг, узнав, что туда движется корпус Блюхера, повернул Вреде к Нёфшато: 16-го Вреде вышел из Сен-Дье, как указывал «Журнал военных движений», 17-го января он прибыл в Шарме и получил повеление продолжить марш к

---

¹⁶ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 137. Андело-Бланшвиль (Andelot-Blancheville) находится по дороге из Нёфшато на Шомон. Бар-сюр-Об – к западу от Шомона.

¹⁷ См.: Богданович М. История войны 1814 года во Франции и низложение Наполеона I, по достоверным источникам. СПб., 1865. Т. 1. С. 75. Богданович здесь дословно пересказывает «Журнал военных движений и действий»: «Летучие отряды графа Платова и генерал-майора Щербатова были отправлены через Жуанвиль и Бар-сюр-Об к Осерр для прикрытия армии с левого фланга и для набегов к Сан и Фонтенбло». В другом месте в «Журнале военных движений» указано, что это 18 января граф Платов получил повеление по прибытии в Бар-сюр-Об перейти с Шомонской на Шатийонскую дорогу и занять Бар-сюр-Сен.

¹⁸ См.: Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 153.

Нёфшато. 18-го он был в Мирекуре, 19-го в Шатенуа (Châtenois)¹⁹. В тот же день он прибыл в Нёфшато и «стал с дивизиями Рехберга и Деламотта на правом крыле австрийской армии»²⁰.

Любопытно было бы сравнить восприятие французами казаков и баварцев. Автор «l'Annuaire de Neufchâteau», описывая прибытие в город и его округу 24000 баварцев, утверждал: «Они распространили повсюду запустение и террор. Напрасно их офицеры старались завоевать сердца наших дам, те были словно из мрамора». Мемуарист по фамилиям перечисляет обладательниц этих «мраморных сердец»: «Баварская армия была под командованием генерала Вреде, а также генералов Фрайберга и Фримона, принцев Карла Баварского, Лёвенштейна и Гогенцоллерна. Генерал Вреде был размещен у мадам д'Агриссар, генерал Фрайберг – у мадам Музон, Фримон – у мадам Руйер, Карл Баварский – у мадам Карон, Гогенцоллерн – у мадам Сонис и Лёвенштейн – у мадам Неттанкур»²¹. Времени на покорение сердец, немного, но было...

19 января активное продвижение вперед Главной армии Шварценберг приостановил. И его войска стояли, как посчитал Вейль, 5 дней – до 24 января...²² Лишь отряд Платова выдвинулся в междуречье Сены и Оба, а отряд Щербатову – в междуречье Оба и Марны.

Платов рапортовал 19 января Шварценбергу: «Мои разведчики, двигаясь впереди меня, обшаривают местность во всех направлениях. В основном они действуют на дорогах на Лангр и Шатийон»²³. 20-го января М.И. Платов отправил из Нёфшато на запад, на Жуанвиль (Joinville), расположенный на правом берегу Марны, партию в 500 казаков под командованием своего сына полковника Матвея Матвеевича Платова²⁴. У этой партии казаков

---

¹⁹ 19 января Шварценберг направил против стоящего перед Шомоном Мортье с разных сторон три союзных корпуса: Гиулая прямо из Лангра на Шомон, Вюртембергского – на Бурбон и Монтиньи, Вреде – через Нёфшато в обход.

²⁰ Журнал военных движений и действий... С. 66.

²¹ *Duval R.* Op. cit.

²² *Weil M.-H.* Op. cit. Т. 1. Р. 149.

²³ См.: *Weil M.-H.* Op. cit. Т. 1. Р. 147.

²⁴ *Weil M.-H.* Op. cit. Т. 1. Р. 144. Этот отряд казаков Платова прибыл в Жуанвиль в тот же день, а уже 19 января, как указывал Ф.-Ф. Стинакер, он выступил «с двумя тысячами русских драгун на Бриенн». См.: *Steenackers F.-F. L'invasion*

в тот же день произошла небольшая стычка при переправе через Мёз (Meuse). В рапорте М.И. Платова указано, что эта партия, обнаружив неприятелиских драгун из авангарда корпуса Виктора, посланных разрушать мосты на реке. Казаки бросились через реку с одними только пиками вплавь, догнали неприятеля по дороге, идущей в Вокулёр, разбили его и, преследуя до селения Тилянкура, взяли в плен одного поручика и 19 человек рядовых, прочих же почти всех побили, «так что мало спаслось». В бою ранено 2 казака, убито 3 лошади и ранено 7 лошадей.

Вейль опубликовал обнаруженное им в венском архиве письмо Вреде Шварценбергу из Нёфшато от 20 января, в котором баварский генерал после краткого изложения своих мыслей относительно текущего передвижения противника, предлагает, как можно быстрее выдвинуться в долину Шалона. В частности он писал, что, зная о намерениях врага взорвать мост через Мёз²⁵ в Грё (Greux)²⁶, он послал туда одного из своих штабных офицеров, который обнаружил на том мосту казаков Платова. Патруль французов попытался было оказать сопротивление, но был разогнан казаками: захвачен в плен один офицер и несколько драгун²⁷. В «Журнале военных движений» это событие от 20 января изложено так: «Казаки корпуса графа Платова, переправившись сего числа у с. Грё через реку Мел (sic) вплавь, напали на неприятельский отряд, шедший в Вокулёр, и, положив многих на месте, взяли в плен 1 поручика и 19 рядовых и преследовали потом неприятеля до д. Тилянкура»²⁸. Некоторые подробности этой стычки передает письмо Шварценберга от 22 января из Лангра: «несмотря на все трудности, которые имели место, атаман граф Платов переправился через Мёз в Грё и выдвинулся через Жуан-

---

de 1814 dans la Haute-Marne. Paris, 1868. P. 51-52. Последнее замечание сомнительно, ибо задача у этой партии была действовать по большой дороге, идущей из Лангра в Шалон. 18-го же января баварский корпус Вреде прибыл в Миреккур, а Наследный принц Вюртемберга, получив соответствующий приказ Шварценберга, строил планы атаки на Шомон (Chaumont) и вел перестрелку с частями Мортье под Ла Виль-о-Буа (La Ville-aux-Bois).

²⁵ У Вейля здесь опечатка: «Moselle».

²⁶ Грё – коммуна к северу от Нёфшато, сразу за Домреми-ля-Пюкель, в 10 км от Нёфшато и 40 км. от Жуанвиля.

²⁷ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 154.

²⁸ Журнал военных движений и действий... С. 95.

виль и Бар-сюр-Об к Бар-сюр-Сен. Когда его авангард прибыл к Мёзу, кавалерия противника стояла на противоположном берегу. Несколько человек переправились с помощью лодок. Вражескую кавалерию отбросили, захватив 1 лейтенанта и 19 рядовых. Наши потери составили 2 казака и 10 лошадей»²⁹.

Сам М.И. Платов с остальными полками при городе Нёфшато через реку Мёз «за разлитием большой воды» не стал переправляться и двинулся вниз по течению до селения Массе, где и перешёл реку «с великой трудностью за сказанным разлитием воды» для дальнейшего следования по назначению через города Жуанвиль, Бар-сюр-Об и Бар-сюр-Сен, «дабы действовать от сего последнего места по дороге, ведущей к Парижу»³⁰ На трудности продвижения казаков указывал и автор «l'Annuaire de Neufchâteau», когда описывал события после ночной грозы: «На следующий день казаки выдвинулись на Коммерси (Commercy) и Шомон (Chaumont), но разлившиеся воды сильно замедлили их продвижению особенно со стороны Домреми (Domrémy), где находились аванпосты Виктора»³¹.

Между тем, занявшие Нёфшато баварцы приступили к реорганизации местной администрации и реквизициям. Шарль Эспиналь – мэр Фушекур (Fouchécourt), небольшой коммуны на юге-востоке департамента Вогезы, вспоминал, что 21 января из Нёфшато ему пришел приказ о поставках: помимо хлеба и муки требовали трех коров, 20 мер вина, 5 мер водки. И все это надо было сделать в 24 часа под угрозой применения силы. Между тем,

---

²⁹ Захваченный лейтенант сообщил о 5 полках кавалерии Груши в Талянкур (Taillancourt), составляющих авангард Виктора, но посланная туда разведка противника не обнаружила и засвидетельствовала его отступление на Вуад (Void). См.: Weil M.-H. Op. cit. Т. 1. Р. 154. Нёфшато стал конечной станцией для двух казаков из отряда Платова. В местном архиве среди прочих актов гражданского состояния имеются два свидетельства о смерти: казачьего старшины А. Самошина от 21 января 1814 г. и казака Ивана Малдезина от 22 января 1814 г. Оба скончались в городской больнице. Возможно, это были именно те двое, что упомянуты в письме Шварценберга.

³⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.: сб. док. Ростов н/Д, 2012. С. 532.

³¹ *Duval R.* Op. cit. Коммерси расположена к северу от Нёфшато, Домреми-ля-Пюкель (Domrémy-la-Pucelle) – также к северу от Нёфшато по дороге на Вокулер и Коммерси.

у него на руках уже имелось два распоряжение из Бурбон (Bourbonne), занятого вюртембергцами. Первое: поставить 1000 ливров хлеба, столько же муки, 334 меры овса и 6 пар ботинок. Второе: поставить 79 ливров кожи. Мэр собрал муниципальный совет и отослал как вюртембергцам в Бурбон, так и баварским «господам комиссарам из Нёфшато» ответ о физической невозможности таких поставок³².

С 23 на 24 января баварцы покинули Нёфшато, в котором остался «только австрийский гарнизон в 80 человек и комендант Никодем (Nicodème)»³³.

Из значимых событий последующих недель в «l'Annuaire de Neufchâteau» упоминается так же о прибытии 5 февраля в Нёфшато в сопровождении 40 казаков «графини (sic) Платовой, или, скорее, армейской шлюхи (ou plutôt une coureuse d'armée)», которую разместили в доме у мадам Музон (Mouzon). Запись от 10 февраля: «Ничего замечательного в этот день не произошло <...> Княгиня (sic) Платова выразила желание продлить свое пребывание в понравившемся ей Нёфшато». Только 23 марта «мадам Платова» (sic) со своими казаками отбыла из города в направлении на Ламарш (Lamarche)³⁴.

После краткого и резкого пассажа о прибытии в город «госпожи Платовой», с чьим статусом, видимо, французы не сразу ра-

---

³² *Guyot Ch.* Souvenirs de la première invasion d'après le journal de Charles d'Éspinal, maire de Fouchécourt, 25 décembre 1813 – 1er mai 1814 // Mémoires de l'Académie de Stanislas. 1912. Vol. 10. P. 134. Этот же мемуарист пересказывает послание ему от мэра коммуны Ише (Ishes) о вступлении в нее 15 января 1814 г. небольшого отряда казаков. Ничего плохого казаки не сделали, но, по словам мэра, ели они, как дьяволы: на ужин на 7 персон они запросили 20 ливров мяса, не считая двух домашних птиц, выпили 7 пинт вина и три пинты водки. Затем убыли, предупредив о скором приходе еще 300 казаков. См.: Ibid. P. 132.

³³ *Duval R.* Op. cit. Ф. Бувье же указывал, что V-й корпус Вреде пребывал в Нёфшато, с 19 по 21 января, а затем выдвинулся на Андело и Жуанвиль, заняв свое место в армии Шварценберга. См.: *Bouvier F.* Les Premières combats de 1814... P. 149.

³⁴ *Duval R.* Op. cit. Достоверность этого свидетельства подтверждает Шарль Эспиналь, который в своих мемуарах писал, что 24–25 марта через Ламарш (Lamarche) и Ише (Ishes) в очень хорошем экипаже и в сопровождении 30 казаков проезжала некая важная русская дама, называвшая себя «мадам Платова». Ночевала она в Ише. См.: *Guyot Ch.* Op. cit. P. 142.

зобрались, автор «l'Annuaire de Neufchâteau» разразился филиппикой, которая по эмоциональности да и по содержанию мало вяжется с его предшествующими заметками: «В результате прохода стольких войск не только из города вытрясли весь провиант, затребованный временным префектом департамента Вогезы графом д'Арманспергом (d'Armansterg), но и деревни были так или иначе полностью опустошены. Казаки, да и другие, позволяли себе неслыханные чрезмерности. Они грабили и издевались над крестьянами, изнасиловали нескольких девушек и женщин, ничего не оставив нетронутым»³⁵.

Что касается взгляда русских на французов, то в своих донесениях той поры Платов так описывал настроения местного населения: «Жители во время проследования моего из Невшато к городу Жуанвиль от войск наших покойны: сопротивления никакого не делают, охотно на биваки, где мы ночлеги имеем, вывозят провиант и для лошадей надобный фураж и на обогревание казаков дрова, и, словом сказать, обходятся приятельски. Мы со своей стороны делаем оным все приласкания, сходственные с выпущенными прокламациями, что они и беспритворно довольны, о неприятеле нашем объявляют поистине. Жалуются все вообще угнетением на своё правительство, бранят Наполеона и желают все мира»³⁶.

С Нёфшато был как раз тот случай, что с ноткой грусти описал Ф. Бувье: несмотря на медлительность и ошибки союзников, все сложилось для них удачно, а что касается казаков, так, кажется, им достаточно было только погарцевать перед городами Лотарингии, чтобы увидеть их ворота открытыми³⁷.

---

³⁵ *Duval R.* Op. cit.

³⁶ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии... С. 533.

³⁷ *Bouvier F.* Les Premières combats de 1814... P. 150.

УДК 94(47+470.44-25)

**ВОЕННОПЛЕННЫЕ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 ГГ.
В САРАТОВСКОМ КРАЕ**

В.П. Тотфалушин

Саратовский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра истории России
E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

Статья посвящена малоизвестному эпизоду в истории Саратовского края – пребыванию здесь военнопленных Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и их взаимоотношениям с местным населением.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Саратовский край, военнопленные.

**PRISONERS
OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF THE 1877-1878
IN THE SARATOV REGION**

V.P. Totfalushin

Saratov State University

The Article is devoted to the less famous episode in the history of the Saratov region – the stay of prisoners of the Russian-Turkish war of 1877–1878 BC. And their relations with the local population.

Keywords: Russian-Turkish war of 1877–1878, the Saratov region, prisoners of the war.

Саратовская губерния, благодаря своему расположению вдали от театров военных действий, в XIX–XX вв. не раз становилась местом размещения военнопленных. Но если о пребывании здесь пленных Великой армии в 1812–1814 гг. читающей публике хорошо известно¹, то о нахождении в Саратове пленных турок в 1877–1878 гг. знают, пожалуй, немногие.

---

¹ См., например: Бессонов В.А., Тотфалушин В.П. Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года: материалы Всерос. науч. конф. Саратов, 2002.

Первым эту тему затронул Н.Ф. Хованский, опиравшийся в основном, на материалы периодической печати². В дальнейшем его данные были использованы автором настоящей публикации при подготовке учебно-справочных изданий³.

Новым шагом в изучении темы стала студенческая работа А.А. Аржаных, подготовленная под руководством автора, в которой была предпринята попытка сравнительного анализа условий содержания пленных в Саратове и турецком г. Скугари⁴. Продолжением этого сотрудничества сталасовместная научно-популярная статья⁵.

Источниками настоящей заметки стали мемуары саратовского адвоката и общественного деятеля И.Я. Славина и будущего историка Саратовского края А.А. Гераклитова⁶, материалы местной периодической печати и отчасти Саратовского государственного архива.

После штурма русскими войсками крепости Никополь⁷ в плен было взято около шести тысяч турок, которых доставили в Кишинев, а затем по распоряжению Главного штаба направили во внутренние губернии, среди которых была и Саратовская⁸.

Мемуаристы сходятся в том, что первые пленные, попавшие в Саратов, действительно входили в состав никопольского гарнизона, но расходятся в определении времени их прибытия. И.Я. Славин вспоминал, что большие партии военнопленных турок начали прибывать в Саратов «с конца мая или с начала июня 1877 г.» По мнению А.А. Гераклитова, «прибыли они, должно быть, в августе

---

² Хованский Н.Ф. Саратов и война 1877–1878 гг. // Тр. Саратовской ученой архивной комиссии. 1915. Вып. 32.

³ См.: Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 265; История Саратовского края с древнейших времен до наших дней: [учеб. пособие]. Саратов, 2008. С. 116 (2-е изд. Саратов, 2010. С. 116); Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, именах). 2-е изд., перераб. Саратов, 2011. С. 224.

⁴ Аржаных А.А. Военнопленные русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Саратове // Новый век: история глазами молодых : сб. науч. тр. аспирантов и студентов истор. фак. СГУ. Саратов, 2006. Вып. 5.

⁵ Мельник А., Тотфалушин В. Опустошение в дамских сердцах произвели в Саратове военнопленные русско-турецкой войны 1877–1878 годов // Саратовские вести. 2009. 11 нояб.

⁶ Славин И.Я. Минувшее – пережитое. Воспоминания. Саратов, 2013; Гераклитов А.А. Воспоминания. Саратов, 2004.

⁷ Никополь (Никопол), город в Болгарии, на берегу реки Дунай.

⁸ См.: Саратовский справочный листок. 1877. 20 июня.

месяце...»⁹. Репортаж в саратовской газете подтверждает правоту последнего. Первая партия турок в количестве 500 человек, среди которых было 20 офицеров, прибыла в Саратов в субботу, 6 августа 1877 г., в пятом часу дня¹⁰.

Пленные, несмотря на потрепанность их костюма, состоящего из синих курток, красных фесок на голове и разбитых лаптей и поршней на ногах, имели довольно бодрый вид, среди них встречались рослые и мужественные люди. В числе пленных был один мулла и один араб, кроме того, было много унтер-офицеров и ефрейторов¹¹.

Нижних чинов разместили в «так называемых Красных или Кайзеровских казармах¹² на Камышинской улице¹³ (между Михайловской¹⁴ и Б[ольшой] Казачьей)» и в доме Богданова¹⁵ на Московской площади¹⁶. Офицеры были помещены «в белом домике на Астраханской улице, где после была гостиница "Урал"»¹⁷ Карташева¹⁸.

Прибытие турок вызвало большой интерес у саратовцев: «на встречу первой партии пленных в вокзале собралось очень много публики, среди которой в большинстве пестрели и выделялись изящные дамские, последней моды, костюмы»¹⁹. Большая толпа саратовцев, преимущественно из «простого народа», собралась посмотреть на прибывших пленных и к домам, предназначенным для их размещения²⁰.

---

⁹ Славин И.Я. Указ. соч. С. 97; Гераклитов А.А. Указ. соч. С. 77.

¹⁰ См.: Саратовский справочный листок. 1877. 6 авг.

¹¹ См.: Там же. 9 авг.

¹² Имеются в виду три дома купца А.К. Кайзера, сдававшиеся в наем, которые до наших дней не сохранились. Сейчас на их месте девятиэтажный дом работников Приволжской железной дороги и Саратовский областной военный комиссариат.

¹³ Ныне имени В.Г. Рахова.

¹⁴ Ныне имени Н.И. Вавилова.

¹⁵ Дом мещанина И.П. Богданова находился на углу улиц Железнодорожной и Большой Казачьей.

¹⁶ Ныне на месте площади находятся корпуса Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского и Саратовского юридического института МВД.

¹⁷ Сведений об этом объекте не обнаружено.

¹⁸ См.: Саратовский справочный листок. 1877. 6 авг.; Гераклитов А.А. Указ. соч. С. 77.

¹⁹ Славин И.Я. Указ. соч. С. 97–98.

²⁰ См.: Саратовский справочный листок. 1877. 9 авг.

По воспоминаниям А.А. Гераклитова, «вся широкая улица была запружена любопытными, и из каждого окна огромного дома выглядывало по несколько добродушных, улыбающихся физиономий наших врагов. В один миг были забыты все ужасные рассказы про зверства башибузуков²¹, и российский человек тотчас же начал проявлять свое традиционное отношение к "несчастливым", и эти несчастные с некоторой долей восточной хитрости таким отношением немедленно воспользовались»²². Газета «Саратовский справочный листок» писала об этом так: «Любопытные до позднего вечера осаждали окна помещений, где находились пленные, – подаяния в виде булок, яблок, а больше всего папирос сыпались им со всех сторон. Особенно турки были довольны папиросами, так что за протянутую с папиросой руку хватались десятки рук»²³.

Однако излишне радушная встреча пленных в Саратове вызвала негодующие заметки в «Новом времени» и саратовская администрация нашла нужным напечатать опровержение, уверяя, что турок не встречали яствами и лакомствами, а имела место лишь шалость мальчишек, бросавших яблоки в окна казармы, где стили пленных²⁴.

На следующий день турки в сопровождении русских солдат уже появились на базарах, покупая хлеб, овощи и прочее, а в дальнейшем «они свободно, целыми партиями ходили по городу и особенно по базару, где сердобольные торговки охотно и в изобилии снабжали их всякой зеленью и калачом...»²⁵. Славин даже обзавелся знакомыми среди турецких офицеров, «которые ходили совершенно свободно и безо всякого надзора» по саратовским бульварам²⁶.

Поскольку «организм турок плохо переносил черный хлеб, входивший в состав солдатского рациона, как, впрочем, и махорку», им выдавалось в сутки по 1,5 фунта белого хлеба и рис,

---

²¹ В переводе с турецкого языка «сорвиголовы» – название турецкой иррегулярной конницы, а также имя нарицательное для характеристики человека, способного на жестокое насилие.

²² Гераклитов А.А. Указ. соч. С. 77.

²³ Саратовский справочный листок. 1877. 9 авг. О том же: Гераклитов А.А. Указ. соч. С. 77.

²⁴ См.: Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 50.

²⁵ См.: Саратовский справочный листок. 1877. 9 авг.; Гераклитов А.А. Указ. соч. С. 77.

²⁶ Славин И.Я. Указ. соч. С. 98.

приправленный или бараниной, или коровьим маслом²⁷. А с наступлением осени пленных обули в солдатские сапоги²⁸.

Несколько прибывших турок оказались больными тифом. В этой связи в столичных газетах вскоре появилась корреспонденция о том, что с прибытием в Саратов пленных по городу начали гулять тиф и оспа, к этому добавлялось, что часть умерших якобы была зарыта неглубоко. По этому поводу в столице губернии было напечатано официальное опровержение, в сущности подтверждавшее факты нахождения в лечебных заведениях Саратова 20 тифозных турок, 42 случаев тифа среди жителей города, а также неглубокое захоронение умерших из числа больных²⁹.

В связи с заболеваниями пленных в поездах по пути следования было приказано устроить на железнодорожных станциях лазаретные отделения, в которых можно было бы размещать снятых с поезда больных. Одно из таких отделений планировалось устроить в уездном городе Аткарск, отведя под него два из четырех домов, занятых местным военным лазаретом. Однако Аткарский распорядительный комитет обратил внимание командующего Казанским военным округом на то, что лазарет находится в центре города на базарной площади, и что помещение в нем заболевших турок может вызвать эпидемию по всему городу, и тот отменил это распоряжение, предложив отправлять больных в Саратов³⁰.

Здесь большинство пленных лечилось в лазарете при казарме, который был отведен один из домов купца А.К. Кайзера со сметой 1033 рубля 31 копейка³¹, а небольшая часть – в городской больнице. Из 68 больных турок к концу 1877 г. умерло 13³².

Хотя в целом между победителями и побежденными существовала взаимная благожелательность, изредка случались инциденты, один из которых произошел в Саратове 8 октября 1877 года. В тот день два турка встретили на Большой Сергиевской улице³³, близ театра «Приволжский вокзал» купца Г.И. Барыки-

---

²⁷ См.: *Герасимов А.А.* Указ. соч. С. 77; *Хованский Н.Ф.* Указ. соч. С. 50.

²⁸ См.: *Герасимов А.А.* Указ. соч. С. 77.

²⁹ См.: *Хованский Н.Ф.* Указ. соч. С. 50.

³⁰ См.: Там же. С. 50–51.

³¹ См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 656. Оп. 1. Д. 122. Л. 105.

³² См.: *Хованский Н.Ф.* Указ. соч. С. 51.

³³ Ныне имени Н.Г. Чернышевского.

на³⁴, двух девушек и начали бесцеремонно приставать к ним с любезностями. Те подняли крик, на который сбежался народ, затем подоспел жандарм, который и положил конец своевольству безобразников.

Причину этого случая репортеры видели в том, что в Саратове турки оставались без всякого дела и свободно расхаживали по городу не только днем, но и ночью, когда представлялась еще большая возможность к погоне за прекрасным полом, до которого они были так падки³⁵.

Однако и саратовские дамы были не без греха. И.Я. Славин вспоминал: «Пленные штаб- и обер-офицеры были приняты во многих домах и, по слухам, весьма достоверным, производили страшные опустошения в дамских сердцах. <...> Впрочем, это явление не было исключительно саратовским, а, кажется, всероссийским»³⁶.

В декабре 1877 г. было решено, что по 100 пленных турок будут доставлены в уездные города Саратовской губернии Аткарск, Балашов, Вольск, Петровск, Царицын и Хвалынский. Одновременно они продолжали поступать и в сам Саратов, где, по подсчетам Н.Ф. Хованского, за время войны оказалось 1616 пленных (в том числе 1455 нижних чинов и 161 офицер), которые размещались в шести домах, снятых от города³⁷. Однако они «уже не удостаивались столь торжественных и нарядных встреч»³⁸.

С наступлением весны 1878 г. военнопленные вблизи полотна железной дороги, по направлению Пичугинского кладбища³⁹, предавались разнообразным играм. Они бегали, кувыркались, играли в жмурки, в мяч и т. д., представляя собой зрелище, которым любовались жители Саратова⁴⁰. Кроме того, за полотном железной дороги, близ пассажирской станции с ними проводили строевые учения под начальством их же унтер-офицеров⁴¹. Наконец, когда в городе сосредоточилось много турок, их стали привлекать на общественные работы, в частности, пленные мостили

---

³⁴ Находился на углу современных улиц Бабушкин взвоз и имени Н.Г. Чернышевского.

³⁵ См.: Саратовский справочный листок. 1877. 12 окт.

³⁶ Славин И.Я. Указ. соч. С. 98. О том же: Гераклитов А.А. Указ. соч. С. 77.

³⁷ См.: Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 50.

³⁸ Славин И.Я. Указ. соч. С. 98.

³⁹ Ныне Воскресенское кладбище.

⁴⁰ См.: Саратовский дневник. 1878. 28 марта.

⁴¹ См.: Гераклитов А.А. Указ. соч. С. 78.

Соборную улицу⁴². Хотя, по уверению Гераклитова, из этого «при их непригодности к труду ничего путного не вышло»⁴³.

Таким образом, несмотря на то, что Россия вела войну с Турцией, саратовцы не проявляли какой-либо агрессии по отношению к пленным, а наоборот, понимая их непростое положение, всячески старались облегчить их пребывание в чужой стране. По воспоминаниям А.А. Гераклитова, «благожелательность между победителями и побежденными была взаимная» и многие из турок затем «навсегда остались в Саратове, перекрестились, переженились, и теперь их дети и внуки, чай, уже и забыли о своем нерусском происхождении»⁴⁴.

---

⁴² См.: *Славин И.Я.* Указ. соч. С. 98.

⁴³ *Гераклитов А.А.* Указ. соч. С. 78.

⁴⁴ Там же.

СЕВЕРНАЯ АФРИКА В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ФРОМАНТЕНА, ХУДОЖНИКА И ПИСАТЕЛЯ

Н.С. Креленко

Саратовский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра истории нового и новейшего времени
E-mail: krelenkon@mail.ru

Автор статьи рассматривает биографию Эжена Фромантена французского художника и писателя середины XIX столетия. Работы Фромантена (книги о Северной Африке и пейзажи Сахары) могут служить примером западного взгляда на «другую», восточную культуру. Изучение сосредоточено на его характеристиках одних и те же объектов в живописи и литературе.

Ключевые слова: Северная Африка Эжен Фромантен, художник, писатель, Диалог культур, Запад, Восток, ориентализм.

NORTH AFRICA IN THE WORKS OF E. FROMENTIN, PAINTER AND WRITER

N.S. Krelenko

Saratov State University

The author of this article analyses the biography of Eugene Fromentin a mid-XIX century the French the painter and the writer. The Fromentin's works (books about North Africa and landscapes of Sahara) can be an example of the West view on the «another» Orient culture. The study is focuses on his characteristics of the same objects in the painting and in the literature.

Key words: North Africa, Eugene Fromentin, the painter, the writer, the dialogue of the cultures, West, Orient, orientalism.

Вашему вниманию предлагается рассмотрение одного частного случая на перекрестке трех разноуровневых проблем, связанных с изучением истории культуры. Прежде всего, не следует забывать, что вплоть до середины XIX в. глаз и рука художника оставались единственными орудиями, способными воспроизвести и сделать «видимыми», воображимыми образы недоступные непосредственному наглядному восприятию для человека, не выезжавшего далеко (или никуда) за пределы своего постоянного

проживания. Деятельность художников помогала познакомить рядового европейца с тем, что он сам не мог увидеть «вживую».

В 1830–1847 гг. происходил процесс французского проникновения в Северную Африку, завоевание Алжира и Марокко. Многие из художников спешили посетить этот край¹: П. Маринья, А. Декан, Э. Делакруа, Гильоме, Т. Шассерио, Э. Фромантен². Такой интерес был обусловлен в немалой степени тем, что романтические настроения, сохранявшиеся в западном обществе все эти годы, предполагали усиленное внимание ко всему непривычному, необычному, интерес к Востоку был составной частью этой тенденции.

Кроме того (но это уже за пределами субъективного, личностного в устремлениях художников), их деятельность помогала познакомить западное общество с обликом «осваиваемых» (колонизируемых) территорий и их обитателями. Каждый человек (и живописец в том числе) – дитя своего времени и своей страны, он воспринимает окружающее, оценивает близкое и далекое сквозь те «очки», которыми наделило его породившее его общества. Условия жизни, привычные обычаи и традиции, сложившаяся система ценностей, полученное воспитание и образование, – все способствует появлению определенным образом направленному, сфокусированному восприятию мира и его составляющих. Очень выразительным примером такого рода служит такое явление как «ориентализм». За достаточно неопределенным толкованием этого понятия как проявления интереса к странам Востока и их культуре, арабо-американский исследователь Э. Саид рассмотрел «признанный фильтр, через который Восток проникает в западное сознание»³. В интересующем нас контексте «ориентализм» представляет собой фон, условие, обеспечившее выявление того, что является объектом внимания.

Другая проблема, затрагиваемая в данной статье, относится к социальной сфере – поискам художниками своего места в индустриализирующемся мире. В обществе доиндустриальном художники занимали скромное место ремесленников, тесно связан-

---

¹ «Для воспитанного на Байроне поколения 30-х годов восток стал тем, чем была Италия для классиков». См.: *Мутер Р.* История живописи в XIX веке. СПб., 1899. С. 100.

² Стоит отметить, что среди приведенных выше имен художников, все, кроме Фромантена относятся к романтическому движению, он представляет не просто другое поколение (Шассерио старше Фромантена на один год), но другой подход к видению природы и искусства.

³ Саид Э. Ориентализм. СПб., 2006. С. 14.

ных со своим цехом и не претендующих (за очень редкими исключениями) ни на высокие доходы, ни на признание своей интеллектуальности своей профессиональной деятельностью. В условиях индустриализации менялась и роль искусства (в сторону понижения) и место художника в обществе. Представляется справедливым замечание, что в «буржуазном обществе художник стал «гением», что было равнозначно безденежной разновидности частного предпринимателя»⁴, вынужденного приспособляться к потребностям и запросам художественного рынка.

Третья проблема связана с тем, что в середине XIX в. стало очевидно, что сложившаяся со времен Возрождения традиция «окна Леонардо» (воспроизведение на плоскости иллюзии трехмерного пространства, заполненного иллюзорно объемными телами, определенным образом расставленными и освещенными) требовала обновления. В условиях торжества позитивистского мировоззренческого подхода следовало признать, «если искусство стало аналогом науки, тогда оно должно было перенять главную характерную черту последней – прогрессивное развитие, которое... ставило все новое и последнее выше старого...»⁵.

Вопреки этой объективно существовавшей тенденции, художественные вкусы европейского общества регулировались Академиями художеств, канонизировавшими традиционные подходы к задачам искусства, ибо «искусство отныне соотносится уже не с великими познавательными, религиозными или нравственными идеалами, а с вполне определенными эстетическими идеалами»⁶. А мнение Академий было неоспоримо для публики, состоявшей преимущественно из недавних горожан, мигрантов, «необремененных культурной памятью», но ставших основными потребителями предметов художественного рынка. Такова была ситуация в европейском искусстве к тому времени, когда XIX в. перевалил на вторую половину. Эти тенденции хорошо просматриваются на французском материале, которая оказалась своего рода бродильным котлом не только политической, но культурной жизни Запада.

В центре внимания фигура Эжена Фромантена, (1820–1876), художника, писателя и историка искусства. Стоит отметить, что современники его так и воспринимали. «Художник и писатель, создатель

---

⁴ Хобсбаум Э. Век капитала. Ростов на Дону, 1999. С. 398.

⁵ Там же. С. 414.

⁶ Арган Д.К. Современное искусство. 1770–1970. М., 1999. С. 3.

пейзажей Сахары»⁷ записано в «Дневнике» братьев Гонкуров. Родился он в Ла Рошели в семье врача. Отец надеялся увидеть его юристом, для чего и отправил его учиться в Париж. Будучи послушным сыном Эжен старательно и успешно учился и получил диплом юриста в 1843 году. Одновременно с этим он проводил время в Лувре, пытался сначала самостоятельно освоить азы рисования. Получив профессию, он испросил у отца разрешение брать уроки живописи, и погрузился в освоение техники живописного ремесла. Ранние этапы жизни так по ситуации схожи с началом карьеры Г. Курбе, но сколь различается поведение вечно бунтовавшего Курбе от спокойно взвешенной дисциплинированности Фромантена.

Первые пейзажные работы Фромантена, выполненные в духе барбизонцев, были приняты в Салон, то есть он был признан, как профессионал. Но работы его не покупались, а значит, зарабатывать этим он не мог, между тем он должен был заниматься тем, что позволило бы ему содержать себя. Художник, живущий в условиях индустриализирующегося общества, должен был ориентироваться на рынок, искать сферу, где его позволят создавать то, что будет востребовано, заявлять о себе. В частности, с 1845 г. Фромантен стал давать свои обзоры художественных выставок для прессы. Напрашивается повторное сравнение с Курбе, который мог позволить себе работать, не ориентируясь на публику.

Случай помог Фромантену найти свою тему в искусстве. В 1846 г. знакомый художник-ориенталист Ш. Лаббе пригласил Фромантена на семейное торжество к себе в г. Блида (Алжир). Тайком от семьи Фромантен принял приглашение и провел месяц в непривычном для него мире североафриканского побережья и на всю жизнь «заболел» этим краем. Он еще дважды зимой 1847–1848 гг. и зимой 1852–1853 гг. ездил в Алжир, углубившись в районы собственно пустыни Сахара, позднее он объездил Египет, присутствовал на открытии Суэцкого канала, – словом, Северная Африка стала для него источником вдохновения. Молодой живописец получил новые впечатления и начал разрабатывать свою жилу, наблюдая страну «интенсивного света, ярких красок и громадных форм», восхищенный тем, что «мир пустыни снизошел на меня»⁸.

Наблюдения над картинами непривычной природы породили много раздумий у художника, склонного анализировать, сопоставлять

---

⁷ Гонкур Эд., Гонкур Ж. Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы: в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 155.

⁸ Из писем отцу. Цит. по: Никитан В.А. Красота пустыни в сердце художника // Фромантен Э. Одно лето в Сахаре. М., 1985. С. 5.

и сравнивать⁹. Речь в данном случае не о различии в нравах, обличье, а о том, как различно природное окружение, о том, как передать эти различия. Передать свои впечатления, размышления Э. Фромантен пытался не только как мастер карандаша и кисти, но и как мастер слова. Это было отмечено еще Ш. Бодлером, писавшем в своем обзоре Салона 1859 г.: «г-н Фромантен рассказывает о своих путешествиях как бы дважды – он описывает их словом так же умело, как и кистью, везде сохраняя самообытность своего стиля»¹⁰.

Книга «Лето в Сахаре» (1856 г.) написана была по воспоминаниям двух путешествий, совершенных художником зимой 1847–1848 гг. и зимой 1852–1853 гг. в форме писем приятелю. Жанр «путешествий» был очень востребован в то время, когда Европа активно осваивала, приспособливалась под свои потребности практически все земное пространство. В светских салонах и разноуровневых ученых обществах рассказы о впечатлениях, полученных во время более или менее дальних странствий, были самой выигрышной темой.

Именно в светской беседе братья Гонкуры составили себе представление о том, как работал художник и писатель Э. Фромантен: «Он никогда не писал с натуры, никогда не делал набросков, – он хотел просто смотреть; лишь через несколько лет то, что произвело на него впечатление, он воскрешает в живописи или литературе... Все написанное в этих книгах правда, но там нет никакой точности...»¹¹. Здесь необходимо уточнение: наброски с натуры Фромантен делал, его походные альбомы заполнены быстрыми и выразительными рисунками, а вот картины он писал позднее, используя эти заготовки уже в мастерской.

Думается воспринимать его творчество лучше всего учитывая, что он воссоздавал увиденное дважды через видимые образы и через образы словесные. Не случайно в 1874 г., предворяя третье издание книги, Фромантен писал: «Я упражнялся в изображении одних и тех же пейзажей, переводя на язык литературы наброски, накопившиеся в походной папке».¹² В тексте даны пейзажи, увиден-

---

⁹ Склонные к сарказму братья Гонкуры так охарактеризовали Фромантена после первой встречи: «начиненный всяческими теориями и диалектиками искусства» (Гонкур Эд., Гонкур Ж. *Дневник*. Т. 1. С. 155).

¹⁰ Бодлер Ш. *Салон 1859 года* // Бодлер об искусстве. М., 1986. С. 216–217.

¹¹ Гонкур Эд., Гонкур Ж. *Указ. соч.* С. 501.

¹² Фромантен Э. Предисловие к третьему изданию // Фромантен Э. *Одно лето в Сахаре...* С. 24.

ные глазом профессионального художника, умеющего подмечать и запоминать особенности формы и оттенков окружающего мира.

«Я, наконец, нашел ничем не омраченное солнце»,¹³ заявлял он в предисловии к своей книге «Лето в Сахаре». Там он увидел, что солнечный свет, традиционно воспринимаемый как теплый, золотистый, бывает разным. В сухом прокаленном воздухе пустыни он белый. (На память всплывает название кинофильма: «Белое солнце пустыни»). Вот как передал свои впечатления художник: «Чистый полуденный свет <...> имеет белый цвет; мало того, он лишен способности окрашивать, он даже обладает свойством обесцвечивать предметы. Эту особенность интенсивного света наблюдаешь, когда попадаешь на Юг, и вот уже целый год я мучаюсь над тем как передать этот эффект»¹⁴.

Фромантен видел особенность этого белого света, горячего, неукротимого, но не знал, как передать этот эффект. И эта проблема стояла практически перед всем западным искусством. Вот, например, что писал Ш. Бодлер по поводу «африканских сцен» О. Верне: «Эта африканская живопись холоднее, чем ясный зимний день»¹⁵. Спустя десять лет после того как были написаны эти слова, колористическая проблема осталась, высветилась еще ярче, и Фромантен бился над решением этой проблемы.

Будучи внимательным и доброжелательным наблюдателем жизни кочевых арабских племен, он полюбил природу пустыни, он видел многое, что было прежде недоступно европейцам. В нравах, обличье, обстановке, окружающей кочевников Фромантен усмотрел их близость ветхозаветным образам. («Два араба на террасе») «...сначала замечаешь лишь своеобразие костюмов, оно пленяет и заставляет забывать о людях; затем задерживаешь внимание на характерных чертах всей расы и, чтобы не путать ее с другой, придешь всем персонажам одинаковую осанку, изящество и стандартную красоту. И лишь позже удастся создать образ человека с чертами араба, только ему присущими страстями, недостатками и смешными сторонами»¹⁶. Пожалуй, придется признать, что сам Фромантен в своей живописи остановился на втором этапе («характерные черты всей расы»).

В оценках критиков, писавших по свежим следам выставок и спустя несколько десятилетий, дается сходная оценка искусства Фромантена.

---

¹³ Фромантен Э. Одно лето в Сахаре... С. 31.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ Бодлер Ш. Салон 1845 года... С. 21.

¹⁶ Фромантен Э. Одно лето в Сахаре... С. 79.

Так, Ш. Бодлер в конце 50-х гг. отмечал: «Не одни только яркие ткани и искусная чеканка оружия пленяют его глаза, но главным образом величавость и патрициатское изящество, отличающие вождей могучих племен...»¹⁷. Автор монографии об искусстве XIX в. Р. Мутер на излете столетия подчеркивает те же черты в живописных образах Фромантена: «Его арабы, несущиеся на чудных конях, полны неподражаемого благородства, каждое их движение царственно...»¹⁸.

Анализируя увиденные типы, уклад отношений художник, подобно своим современникам-коллегам (например, Г. Доре) отмечал близость их образам Священного Писания. Он утверждал, что историческую обстановку описываемого в Ветхом Завете точнее передают именно эти образы, а не задрапированные, подобно античным статуям персонажи картин классициста Н. Пуссена. Вместе с тем Фромантен признает правомерность условности видения, которой придерживались старые мастера, и считает неправильным прибегать к реалистической трактовке¹⁹.

Между тем, что Фромантен видел и описывал в своих очерках, и тем, что он воссоздал на своих полотнах, чувствуется некоторая несогласованность. Четкость передачи форм и та световоздушная среда, в которую эти «формы» (горы, кони, люди) помещены, не соответствуют друг другу. Художник делал наброски на месте, а писал картины – мастерской, при другом освещении. Пейзажи, созданные им в Сахаре красивы и величественны, но лишены светоносности, растворенности форм в потоках света, о которых сам художник так красочно писал.

Еще одна проблема длительность изображаемого явления. Картина «Сирокко» (остановленные «ураганом песка и огня»²⁰ кони, развевающиеся бурнусы всадников с закутанными лицами) изображает порыв стихии, но не в состоянии передать изнурительную длительность горячего, сухого дующего несколько дней ураганного ветра. Чтобы отразить это, художник использовал литературную форму, свое умение живописать словом. Сирокко «понадобилось два часа, чтобы заявить о себе во всю силу. Сначала чередовались то теплые, то

---

¹⁷ Бодлер Ш. Указ. соч. С. 217.

¹⁸ Мутер Р. Указ. соч. С. 103.

¹⁹ «Привязать к ней (Библии) реальные пейзажи – значит изменить ее дух, превратить в книгу, предшествовавшую всей истории в учебник истории. Так как всякая идея должна так или иначе получить облачение, великие мастера поняли, что приблизиться к истине возможно лишь упростив форму, то есть попросту отказавшись от местного колорита» (Фромантен Э. Одно лето в Сахаре... С. 59).

²⁰ Фромантен Э. Указ. соч. С. 74.

редкие свежие порывы ветра... Постепенно интервалы между ними становились все короче... Сама земля прогрелась... Небо окрасилось в рыжий цвет без единого голубого проблеска. Горизонт заволочла темная, свинцовая завеса. Наконец, дыхание стало равномерным, словно жар из пышущего очага. Казалось, жар исходит отовсюду: от ветра, от солнца и особенно из чрева земли...»²¹.

В живописи Фромантена преобладают мягкие, приглушенные тона. Он предпочитает изображать на полотнах то время суток, когда солнце еще (или уже) не демонстрирует свою мощь. О яркости интенсивности света и цвета он пишет, его глаз это видит, но рука, приученная избегать контрастов, яркости не позволяет ему точно отразить видимое; знание, привычка, выработанная годами обучения в академической системе, побеждает непосредственное впечатление. Искренне стремясь передать непривычное очарование чужой жизни, Фромантен остается художником, видящим в рамках европейской живописной традиции.

Пройдет десяток лет и Запад начнет брать уроки у восточных художников, начнет заимствовать не только темы, настроение, колорит чужого мира, попытается использовать художественный язык внеевропейских культур. Проблема создания новой системы видения, поиск новых средств для передачи новых впечатлений вплотную встала перед европейским искусством третьей четверти XIX в. Впустить воздух и свет на свои полотна решаться художники следующего поколения.

Подводя итог, литературной деятельности Э. Фромантена, стоит напомнить, что кроме двух книг, которые можно назвать путевыми очерками («Лето в Сахаре», «Год в Салеме»), одного романа («Доменик»), он является автором блестящей, не утратившей по сию пору ценности монографии по истории голландской и фламандской живописи XVII в. («Старые мастера» 1876). Не случайно, последним словом Э. Фромантена стала книга об искусстве «Старых мастеров», написанная профессионалом о работе профессионалов. Писатель оттеснил художника.

---

²¹ Фромантен Э. Указ. соч. С. 72–73.

ОРИЕНТАЛИСТСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ У.Х. ХАНТА

А.К. Костина

Саратовский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра истории нового и новейшего времени
E-mail: sandrine.kostina@gmail.com

Внимание в этой статье сосредоточено на путешествии художника прерафаэлиты в Египет и Палестину. Восточные полотна английского художника могут служить примером европейского ориентализма середины XIX века. Художник прерафаэлит создает новый образ Востока.

Ключевые слова: Викторианская эпоха, Египет, Палестина, ориентализм, диалог культур, художник-прерафаэлит, В.Х. Хант.

THE ORIENTAL SUBJECTS IN THE CREATION OF W.H. HUNT

A.K. Kostina

Saratov State University

The attention of this article is centered on the travel of Preraphaelite painter William Holman Hunt in Egypt and Palestine. The oriental canvases of this English painter can be example of the European orientalism of the mid-XIX century. Preraphaelite painter created a new image of the Orient.

Key words: Victorian era, Egypt, Palestine, orientalism, dialogue of the cultures, Pre-raphaelite painter, W. H. Hunt.

Время правление королевы Виктории (1837–1901) отмечено переменами, коснувшимися практически всех сфер жизни. Религия по-прежнему оставалась важной составляющей викторианской культуры, но подвижки в общественной жизни (промышленная революция и порожденные ею изменения в социальной структуре) и многочисленные научные открытия заставляли изменить угол зрения на трактовку библейской тематики, пожалуй, самой разрабатываемой в европейском изобразительном искусстве со времен принятия христианства. Как сопоставить христиан-

ские ценности с реалиями торжествующего буржуазного общества, с позитивистским мировосприятием, – этот вопрос волновал умы, пожалуй, всего викторианского общества. Вернее всего эту потребность сформулировал А. Теннисон: «пусть мысль с душой один язык найдет»¹.

Художники столкнулись с необходимостью переосмыслить религиозные сюжеты, разработать новый художественный язык для изображения библейских тем. Одной из составляющих этой «живописной реформации» стали путешествия художников на Ближний Восток, в Святую Землю, места, где вершилась библейская история, где жил и проповедовал Иисус Христос. Это паломничество мастеров кисти происходило в русле тенденции, которая вошла в историю под названием ориентализм.

Художники-академисты Дэвид Робертс и Дэвид Уилки совершили путешествия в Иерусалим в 1838–1839 гг. и в 1841 г. соответственно, чтобы изобразить места, где и затем использовать их в своих картинах. Однако Робертс предпочел остаться верным канонам официальной живописи, а Уилки умер на борту корабля, не успев удовлетворить свои амбиции. Так новаторский шаг в академической живописи не увенчался успехом и не получил распространения. Большого успеха в возрождении религиозной живописи добился один из юных бунтарей, вошедших в историю искусства под именем Братства Прерафаэлитов.

Творчество У.Х. Ханта (1827–1910), одного из лидеров Братства, было направлено на объединение библейских истин и новых условий жизни. Хант ассоциировал художника с пастырем, а живопись с религиозной практикой, одной из составляющих которой стали путешествия на Святую Землю – впервые он посетил Ближний Восток в 1854 г. и в дальнейшем возвращался туда трижды.

Первая и главная причина – желание писать религиозные картины в прерафаэлитском понимании – изобразить библейскую сцену так, как она могла бы происходить в реальности, объединить воображение и натурализм. В поздних воспоминаниях Хант даже подчеркивал свои новаторские усилия в живописном представлении библейской истории. С другой стороны стремление увидеть Восток было созвучно ориентализму в целом – познакомиться с «другой», отличной от Западной, цивилизацией.

---

¹ Цит по: *Треvelьян Д.М.* Социальная история Англии. М., 1959. С. 562.

Хант обсуждал возможность посещения Ближнего Востока со своими братьями-прерафаэлитами, путешественником Остином Лэйардом и покровителем Томасом Комбом, которые не одобрили эту идею. Однако Хант решительно настаивал на повторении опыта Робертса и Уилки и, более того, привел довод, который трудно было оспорить: искусство должно служить Христу, но вместо этого изображает его жизнь и учение не только неправдивым, но и как «лишенные морали небылицы». Единственным решением могло стать паломничество на Святую Землю, ведь «поиски в живописи придавали палестинскому проекту еще более отчетливую цель»².

Первая поездка, которую художник назвал «утолением долгой жажды», длилась два года и пролегла через Францию в Египет и Сирию и далее в Палестину. В Египте Хант провел несколько месяцев, знакомясь с пестрой жизнью вокруг него: делал зарисовки людей, уличных сцен, городов и пустыни. Как отметил Ф.Д. Стивенс «придавал себе восточный колорит»³. Именно таким он изобразил себя на автопортрете (хотя и созданном на десятилетие позже первого путешествия) – паломником, путешественником и этнографом, который исследует повседневную жизнь и традиции экзотической восточной культуры. Путь художника лежал из Александрии в Каир и его пригороды Булак и Азбакею. В письме к брату Джону Миллесу он писал, что, скорее всего, останется «за границей на год или два, потому что невозможно создать ничего хорошего если просто пересечь страну, особенно, когда здесь есть много предрассудков, которые следует преодолеть»⁴.

Однако даже для художника готового воспринять Восток как он есть на самом деле, оказалось непросто преодолеть устоявшиеся представления и избежать постоянного сравнения двух цивилизаций. Показательны две картины, задуманные по пути через Египет в Палестину. Для первой, получившей название «Вечерняя заря в Египте» Хант выбрал «интересный пример древнего национального типа»⁵ – жительницу Верхнего Египта. В отличие от арабских мусульман, девушка бедуинка не закрывала лицо и

---

² *Hilton T. The Pre-raphaelites. L., 2010. P. 108.*

³ Цит по: *Barringer T. Reading the Pre-raphaelites. L., ????. P. 131.*

⁴ *Gissing A.S. William Holman Hunt. A biography L., 1936. P. 93.*

⁵ *Hunt W.H. Pre-raphaelitism and pre-raphaelite brotherhood. 2 т. L., 1905. Vol. 1. P. 383.*

имела возможность и желание позировать художнику, благодаря чему Хант смог детально передать ее национальный костюм, заострив, тем не менее, внимание на чертах, противоположных викторианским представлениям о красоте: смуглой коже, не испорченной косметикой и многослойных просторных одеждах.

Другая картина – «Уличная сцена в Каире: любезности продавца ламп» – редкое в творчестве художника повествование на бытовой, современный ему сюжет. В своих воспоминаниях художник писал, что, однажды, бродя по базару, он заметил молодого торговца любезничающего с девушкой и умоляющего ее приподнять покрывало, чтобы он мог разглядеть черты ее лица⁶. Хант решил отразить эту сцену на полотне, что далось ему с большим трудом: модели с недоверием отнеслись к художнику. Даже девочка-служанка, которую некая леди из Миссии позволила использовать в качестве натурщицы, «пришла неохотно и с мрачным видом в течение часа уговаривала хозяйку увести ее»⁷.

Один молодой человек, встреченный на улицах Каира, поначалу с удовольствием согласился позировать, но на следующий день не пришел, потому что, как выяснилось, ему показалось, что узнал об «истинной цели» живописца: создать на холсте образ правовежного, чтобы, вернувшись в Англию, вызвать дьявола и торговаться с ним за души изображенных людей⁸.

Даже, если отбросить, как надуманные, страхи натурщика с точки зрения мусульманских традиций сюжет картины г был неподобающим: ведь подобные ухаживания выходили за рамки норм поведения. Кроме того, обращение к такой теме показало неумение художника проникнуться ментальностью другого народа. Для Ханта, человека воспитанного в западных традициях, это скорее прелестная сценка с юмористическим оттенком: молодой человек пытается тайком снять вуаль с лица девушки, вероятно, его невесты, чтобы увидеть ее лицо. Современники назвали картину одним из лучших творений Холмана Ханта⁹, что неудивительно, тема юношеской любви и взглядов украдкой была популярна в викторианском искусстве, а восточный колорит «Любезностей продавца ламп» только усиливал интерес зрителя.

---

⁶ *Hunt W.H. Op. cit. Vol. 1. P. 386.*

⁷ *Ibid. P. 388.*

⁸ *Ibid. P. 387.*

⁹ *Williamson G.C. Holman Hunt. L., 1902. P. 8.*

Трактовка персонажей на полотне Ханта вполне соответствует тому, что может быть названо изображением «Другого». В облике и поведении юных обитателей Каира подчеркнуто их отличие от европейцев, причем, это отличие подается автором как отступление от нормы и образца. Традицию ношения паранджи «свойственную всем добропорядочным классам в Каире»¹⁰ Хант считал изжившим себя обычаем, а восточного юношу представил как ленивого и не желающего работать (в противовес викторианским рабочим с картин прерафаэлитов). В своих письмах и воспоминаниях Хант отзывался о жителях востока как о «дикарях», что, однако, не сделало их менее притягательными в глазах художника.

Главной целью Ханта было, однако, не столько знакомство с обычаями восточных жителей, сколько знакомство с местами и культурным контекстом, в котором разворачивалась библейская история. Это был еще один вариант поисков Другого. Святая Земля показалась художнику как бы пребывающей вне времени: вид Иерусалима, «города, окруженного стеной с воротами, закрытыми от заката до рассвета, создавал ощущение, будто библейские события так же реальны как события прошедшего дня»¹¹. Летом и осенью 1954 г. Уильям Хант работал над двумя картинами, которые стали главным итогом первого путешествия на Ближний Восток: «Нахождением спасителя во Храме» и «Козлом отпущения».

«Нахождение Спасителя во Храме» было задумано Хантом еще по пути в Палестину, однако прибыв в Иерусалим, он столкнулся с трудностями в выборе моделей. Привыкший следовать идеям прерафаэлитизма – писать картины с натуры и максимально достоверно изображать сюжет, художник решил изобразить в качестве учителей и святого семейства только евреев. Однако отношение иудеев к протестантскому художнику было настороженным. Раввины грозили отлучить от церкви всякого, кто войдет в дом приезжего живописца, и обвиняли его в том, что Хант якобы вознамерился сделать «своих двойников» из правоверных евреев. Местные жители чаще отвечали отказом на предложение художника позировать для картины, поскольку считали это грехом.

В итоге Холману Ханту не только не удалось найти подходящие модели для большинства персонажей картины, но и пришлось мириться с недоброжелательным отношением во время прогулок по городу. Основная часть работы над полотном завер-

---

¹⁰ *Hilton T. The Pre-raphaelites. L., 2010. P. 133.*

¹¹ *Hunt W.H. Op. cit. P. 325.*

шилась по возвращении в Англию в 1856 г., где найти натурщиков, пусть и не аутентичных, было проще. Святое семейство и некоторые другие персонажи были написаны с лондонских евреев, а вид храма Ирода – с макета мавританской Альгамбры, который экспонировался в Хрустальном дворце в Сиденхэме. Для образа юного Христа позировал школьник Сирил Флауэр из Итонского колледжа и несколько иудейских и христианских мальчиков. Хотя Холман Хант был вынужден отказаться от первоначальной цели изобразить сцену нахождения Христа среди учителей исторически и этнографически точно, воплощение себя оправдало, в частности собратья-прерафаэлиты и критики отмечали фигуру Христа: «превосходную английскость идеи тела Господа нашего» и его «здоровую юность»¹².

«Козел отпущения» стал единственной картиной, которая не только была задумана, но и была закончена во время этого путешествия. Написанная в анималистическом жанре, она отсылает зрителя к иудейскому обряду отпущения грехов, который совершается в праздник Йом-Киппур («Судный день или «День искупления»), когда в иерусалимский храм приводили двух козлов, одного из которых приносили в жертву на огне, на другого возлагали грехи всего народа и отпускали в пустыню: «И понесет козел на себе все беззакония их в землю непроходимую, и пустит он козла в пустыню»¹³. Но Хант увидел в обреченном на мучения животном образ Спасителя, страдающего за чужие грехи. Чтобы подтвердить свой замысел он привел цитату из пророчеств Исайи: «Он взял на себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но он изъявлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем и ранами Его мы исцелились»¹⁴.

В центре полотна помещена фигура козла, на рога которого привязана красная ткань – неперемный атрибут ритуала искупления грехов. Этот обычай связан с книгой пророчеств Исайи: «если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны как пурпур, – как волну убелю». Клочок красной шерсти символизировал степень раскаяния: если оно было чисто-сердечным, то ткань должна была стать белой, если же ложным – шерсть так и оставалась красной.

---

¹² Hilton T. Op. cit. P. 138.

¹³ Лев 16:22

¹⁴ Ис 53:4-5

В качестве фона для картины Хант выбрал пустынные отдели, где по преданию некогда находились Содом и Гоморра, уничтоженные за грехи жителей. В одном из писем к Д.Г. Россетти Хант сообщил, что впервые увидел необычайное зрелище Мертвого моря, которое развеяло сомнения о сюжете картины. «Черное, покрытое битумной коркой – вязкое в руках, жгучее как укус – никто стоящий здесь не смог бы сказать, что он не проклят Богом»¹⁵.

В течение двух недель он делал зарисовки, но место оказалось опасным: по собственным воспоминаниям ему приходилось держать в одной руке кисть, в другой ружье и в итоге он покинул отдели Мертвого моря раньше, чем планировалось. «Я приостановил работу над картиной и наблюдал из-под зонтика, пока мой вооруженный соплеменник не появился из-за горы на расстоянии половины фарлонга от меня. Всадники закрыли свои лица черными куфиями, а в руках держали длинные копья, в то время как пехотинцы несли ружья, мечи и дубины... Я продолжил спокойно переносить краску с палитры на холст, в то время как рука покоилась на моем двуствольном ружье»¹⁶. Чтобы зрители могли представить, в каких тяжелых и небезопасных условиях художнику приходилось создавать свою картину, Хант спустя много лет сфотографировался перед мольбертом с кистью в одной руке и ружьем – в другой, правда, вместо завораживающего и пугающего одновременно вида Мертвого моря его окружала зелень английской лужайки.

«Козел отпущения» – единственная картина, законченная во время путешествия и уже по возвращении в 1856 г. представленная публике. Хант считал, что религиозная картина должна быть несколько ирреальной, но его точка зрения была поддержана лишь самими прерафаэлитами. Россетти заметил, что «это великая вещь, но не для всех» – в нее нужно поверить, и, тогда она станет «одним из самых трагических и впечатляющих произведений». Публика же единодушно признала, что Хант разочаровал даже самых сердечных поклонников, выставив не «хорошую религиозную картину, а огромного козла»¹⁷.

Большинство современников сочло, что Холман Хант пострадал от «восточной мании» и лучшим решением было бы обратиться к пейзажной живописи, которая ему удавалась гораздо

---

¹⁵ *Birchall H.* The-pre-raphaelites. Koln, 2010. P. 54.

¹⁶ *Hilton T.* Op. cit. P. 142.

¹⁷ *Cook E.T., Wedderburn A.* The works of John Ruskin. L., 1919. P. 61.

лучше. Но они так и не смогли повлиять на взгляды художника. Восток на картинах У. Холмана Ханта представал с одной стороны этнографически точным в изображении аутентичных одежд, орнаментов на ткани, пейзажей, обрядов. В то же время художник испытал на себе влияние представлений о Востоке как о чем-то единообразном и неизменном, «где всем правит традиция, и за две тысячи лет происходит меньше изменений, нежели за два века на Западе»¹⁸.

Можно признать, что восточные сюжеты У. Холмана Ханта (как бытовые, так и исторические, то есть библейские) представляют собой типичный образец ориентализма, получившего широкое распространение в западной культуре XIX в. Этот культурно-исторический феномен Э. Саид характеризовал как «западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком»¹⁹. Мысль Э. Саида о специфическом западном варианте «реструктурирования» ориенталистских образов Другого в отношении восточных картин У. Холмана Ханта представляется вполне справедливой.

---

¹⁸ Цит. по: *Barringer T., Rosefeld A., Smith A. Pre-raphaelites: Victorian avant-garde. L., 2012. P. 138.*

¹⁹ *Саид Э. Ориентализм. СПб., 2006. С. 14.*

**«НАТУРАЛИСТЫ» ПРОТИВ «РОМАНТИКОВ»:
ФРАНЦУЗСКОЕ ИСКУССТВО XIX ВЕКА
ГЛАЗАМИ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ**

Д.А. Попов

Саратовский государственный университет,
философский факультет,
кафедра этики и эстетики
E-mail: pvden@yandex.ru

В статье анализируются созданные главой французского натурализма Эмилем Золя образы «натуралиста» и «романтика», противопоставленные друг другу. Указывается, что они использовались Золя как инструменты, позволяющие разделять «своих» и «чужих», и служили орудием фракционной борьбы во французском искусстве. Отмечается, что данные образы продолжают использоваться современной критикой, несмотря на свою схематичность в сравнении с богатством реальной художественной жизни Франции конца XIX века.

Ключевые слова: натурализм, романтизм, Эмиль Золя, искусство XIX века, Франция.

**«NATURAL SCIENTISTS» ARE AGAINST «ROMANTICS»:
FRENCH ART OF THE XIXTH CENTURY
THROUGH EMIL ZOLA'S EYES**

D.A. Popov

Saratov State University

Images of "Natural Scientist" and "Romantic" opposed to one another and created by head of French naturalism Emil Zola are analyzed in the article. It is pointed that they were used by Zola as instruments, which allowed to separate "us" and "them" and served as instrument for fractional fight in French art. It is noted that images data continue to be use by present-day critical theory, in despite of its sketchiness in comparison with richness of real artistic life of France of the end of XIXth century.

Key words: naturalism, romanticism, Emil Zola, art of the XIXth century, France.

Натурализм как художественное течение во Франции утверждал себя в жарких спорах и острой полемике. Эта полемика, начавшись во второй половине XIX в., не закончилась вплоть до сегодняшнего дня, имея одним из своих следствий размытость и

неопределенность самого понятия «натурализм». Даже в современной исследовательской литературе он существует как бы в нескольких ипостасях: как суровое, достоверное изображение действительности, стремящееся к правде, даже если эта правда глубоко неприятна; как стремление к изображению грязного, мерзкого, отталкивающего, связанного с жизнью человека; и, наконец, как трактовка человека исключительно в качестве биологического существа, определяемого своими инстинктами¹.

На первый взгляд, перед нами довольно далекие друг от друга определения и понимания, и лишь при более внимательном анализе обнаруживается, что эти образы натурализма не исключают друг друга, а, скорее, дополняют. Речь на самом деле идет об одном и том же художественном течении, реально существовавшем во второй половине XIX в., но воспринимавшемся совершенно по-разному как его сторонниками, так и его противниками. Полярность образов натурализма объясняется тем, что созданы они противоборствующими сторонами, которые подчеркивали и преувеличивали нужные им черты рассматриваемого течения, и не замечали того, что не хотели замечать. Образ сурового правдолюбца создан самими натуралистами, образ любителя нечистот – их врагами, в биологизаторстве же натуралистов обвиняла советская исследовательская традиция, видевшая в натурализме конкурента в описании социальной реальности. «Социалистические реалисты» любили подчеркивать «биологизм» натуралистического искусства в противовес собственной «социальности». Но все эти образы представляют собой лишь грани того художественного движения, которое возглавлял Эмиль Золя и главным теоретиком которого он являлся. Их исток – та яростная борьба, которая шла во французской печати во второй половине XIX в. вокруг натуралистических произведений, сама же эта борьба была во многом спровоцирована самим Золя, избравшим путь острого противостояния с недружественными ему публицистами.

Конечно, непривычность натуралистических произведений для публики и критики, воспитанных на романтических и классицистских образцах, стала одной из причин остро враждебной реакции на них. Но, думается, имело место и сознательное желание Э. Золя обострить ситуацию. Скандальность, эпатажность неоднократно применялись в истории искусства представителями

---

¹ Миловидов В.А. Натурализм: метод, поэтика, стиль. Тверь, 1993. С. 7.

самых разных художественных направлений с целью привлечь к себе внимание, и натурализм здесь не был исключением. Постоянная газетная шумиха вокруг новых натуралистических произведений, повышенный эмоциональный градус всех публикаций о них создавали им прекрасную рекламу, и нельзя не отметить, что самого начала тон статей Золя в защиту натурализма отличался резкостью и бескомпромиссностью, заставляя и его оппонентов не стесняться в выражениях.

Остро критические высказывания были характерны для работ Золя уже в период его сотрудничества с Эдуардом Мане и импрессионистами. С одной стороны, глумливый тон критики сопутствовал всем первым попыткам Мане выставить свои работы, а импрессионистские выставки встречали с непониманием и презрением². С другой – Золя не менее страстно отстаивал «своих», прежде всего Мане, и обрушивался на признанные авторитеты салонной живописи как на «скопище посредственностей»³, сознательно разжигая конфликт и подливая масла в огонь. Газеты со статьями Золя о Салоне взбешенные ценители искусства рвали в клочья прямо на улицах Парижа⁴. Подобная тактика использовалась им и позднее, что уже не выглядело как юношеский максимализм, а было, скорее, сознательным провоцированием оппонентов и публики.

В ходе этих непрерывных баталий обе стороны сформировали некие представления о себе и своих противниках, тиражируемые в печати и призванные очернить соперников и возвеличить свою партию. Так, для враждебной критики импрессионисты – тщеславные сумасшедшие⁵, а натуралисты, следующие непосредственно за Золя, – навозные жуки, любящие сальности и грязь⁶. Сами по себе, кстати, подобные упреки не были новы, они звучали еще ранее в адрес предшественника натуралистов Г. Курбе, «Купальщиц» которого называли отвратительными, ничтожными и вульгарными⁷. Теперь эти обвинения в полной мере перенесли на

---

² Герман М.Ю. Импрессионисты: судьбы, искусство, время. М., 2004. С. 151.

³ Золя Э. Наша живопись сегодня // Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. Т. 24. М., 1966. С. 170.

⁴ Пузиков А.И. Золя. М., 1969. С. 43.

⁵ Ревалд Дж. История импрессионизма. М., 1959. С. 248.

⁶ Нордау М. Вырождение. М., 1995. С. 309.

⁷ Мак Г. Гюстав Курбе. М., 1986. С. 76.

Золя и его друзей, которым противопоставили истинных «любителей и ценителей прекрасного».

В ответ натурализм также формирует идеальные образы «своих» и «чужих», представленные наиболее полно в работах того же Золя. Эти идеальные портреты на самом деле не вполне соответствовали реальности, которая оказывалась намного богаче любых обобщений. И, тем не менее, отдельные черты ее складываются в законченные образы; через многочисленные работы Золя о Мане, Бальзаке, Курбе, Стендале, импрессионистах вырисовывается некий «эталонный натуралист», так же, как через работы о тех, кого он не любил, проступает портрет его антипода – «романтика-идеалиста».

Попробуем свести воедино то, что говорит Золя о натуралисте и романтике.

Прежде всего, главной чертой натуралиста является любовь к жизни и правде⁸. Истина для него наивысшая ценность, и эту ценность он утверждает и воплощает всем своим искусством. Его произведения достоверны, даже документальны, в них нет ничего, порожденного фантазией. Выдумка и ложь претят ему, он воспринимает их как нестерпимую фальшь и сторонится их.

В погоне за документальностью он тщательно изучает и исследует жизнь подобно ученому. Сам Золя давал пример такого отношения к искусству, когда вплоть до мельчайших подробностей проникал во все подробности той социальной среды, которую собирался изобразить. Так, когда он писал роман о театре «Нана», он тщательно собирал всевозможные документальные данные о жизни французской театральной среды⁹. Золя был не одинок в использовании этого метода, здесь он был схож с Флобером, столь же трепетно относившимся к собиранию исходных материалов и фактов для своих произведений.

Натуралист с глубочайшим уважением относится к науке, как области истинного знания, он внимательно относится ко всем новейшим научным концепциям, поскольку они помогают ему лучше понять исследуемую им социальную реальность¹⁰. Ведь задача натуралиста не только в описании фактов, но и в их объяснении исходя из научных теорий. Натуралистическое произведение является сво-

---

⁸ Золя Э. Упадок // Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. Т. 24. М., 1966. С. 190.

⁹ Пузиков А. И. Указ. соч. С. 126.

¹⁰ Золя Э. Экспериментальный роман // Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. Т. 24. М., 1966. С. 239.

его рода наглядным воплощением, иллюстрацией всех новейших достижений научной мысли.

Натуралист бесстрастен и разумен, как бесстрастен и разумен ученый, исследующий какой-либо природный объект. Он не позволяет своим чувствам брать над собой верх, поскольку чувства могут замутить и исказить истину. Его произведение объективно, как объективен научный труд¹¹.

Натуралист отводит все упреки в аморализме. Аморально лгать, описывая то чего нет, подлинно нравственное поведение заключается в том, чтобы говорить людям правду. На упреки в безнравственности своего романа «Западня» Золя отвечал, что из его романа следует вполне нравственный вывод: «Закройте кабаки, откройте школы», и если этот призыв не слышат, то, стало быть, безнравственны те, кто вместо социально полезной деятельности пытается скрыть правду¹².

Натуралист талантлив, он обладает собственным стилем, соответствующим его индивидуальности, он – настоящий художник. Но формальные признаки для него, скорее, вторичны: произведение искусства – кусок действительности, увиденный сквозь его темперамент¹³. Он не стремится к единству в области формы со своими собратьями, поскольку это сковывало бы его творческую свободу.

Наконец, натуралист обладает определенным бесстрашием, к которому его обязывает его любовь к правде. Говорить правду всегда есть некое мужество. Золя доказывал это не только своими произведениями, но и многими своими поступками. Так, во время знаменитого «Дела Дрейфуса» он не побоялся встать на защиту несправедливо осужденного, опубликовав письмо к президенту Республики под вызывающим заголовком «Я обвиняю». Выступление Золя привлекло общественное мнение к этому скандальному процессу, и не только во Франции. Последовала травля в печати, угрозы, судебное преследование, но Золя продолжал защищать Дрейфуса, которого считал невиновным, вплоть до самого конца своей жизни.

---

¹¹ Золя Э. Натурализм в театре // Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. Т. 24. М., 1966. С. 337

¹² Пузиков А.И. Указ. соч. С. 121.

¹³ Золя Э. Прудон и Курбе // Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. Т. 24. М., 1966.. С. 19.

Образ натуралиста, как мы видим, Золя во многом списывает с себя, одновременно это некий идеал, на который ориентируется лично он. Но, накладывая его на предшественников и современников, он обнаруживает «своих» практически во всех областях французского искусства. «Своим» для него оказывается Э. Мане, мастерскую которого он неоднократно посещал; в Мане он видел «человека, которого привлекает все истинное и который из истинного создает живой мир»¹⁴. «Свои» для него – импрессионисты, противостоящие Салону, Бальзак и Флобер, которых он почитал как своих учителей, деятели театра, стремящиеся к реалистичности драматургических постановок. «Свои» обнаруживаются для него даже в музыке, области, далекой от интересов Золя, по его собственному признанию¹⁵. Более того, деятели музыкальной культуры в целом для него скорее «чужие», поскольку они противопоставляют разумности натуралистической литературы «иррациональную» музыку, влияющую исключительно на чувства. Однако и здесь он обнаруживает «своих»: композитор Альфред Брюно охотно писал музыку на либретто Золя, тем самым демонстрируя свою верность «истине», и, стало быть, натурализму¹⁶.

«Свои» обнаруживаются для него и за пределами Франции. Золя был дружен с И.С. Тургеневым, участвуя вместе с ним в совместных «обедах пяти» вместе с другими «своими»: Г. Флобером, Эд. Гонкуром и А. Доде. Обеды эти становились своего рода способом проявления взаимной поддержки и сплочения «натуралистов» перед лицом враждебной им публики и критики. «Своими» были итальянские веристы, сознательно ориентировавшие свое творчество на творчество Золя. Так, Луиджи Капуана посвятил ему свой программный роман, получив в ответ письмо от Золя со словами благодарности и солидарности¹⁷. В связи с этим можно выделить еще одну черту натуралиста, обнаруживающуюся через эти интернациональные связи, – для него нет своего

---

¹⁴ Золя Э. Господин Мане // Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. Т. 24. М., 1966. С. 179.

¹⁵ *Он же*. Гектор Берлиоз // Там же. С. 459.

¹⁶ *Bruneau A. A l'ombre d'un grand coeur: Souvenirs d'une collaboration.* Paris, 2014.

¹⁷ Золя Э. Письмо Луиджи Капуана // Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. Т. 24. М., 1966. Т. 26. М., 1967. С. 37.

и чужого искусства, а есть лишь правда, проявляющая себя вне национальных границ.

Можно вывести из сочинений Золя и столь же обобщенный образ романтика – главного противника натуралиста. Этот образ также возникает и формируется Золя на обширном материале, взятом им из самых разных искусств. Он анализирует творчество крупных писателей, признанных вождей романтизма: Виктора Гюго, Жорж Санд, Теофиля Готье. Он не забывает и их гораздо менее значимых собратьев по перу, к примеру, Барбе д'Оревилю. Он обращается к творчеству драматургов, в то время царивших на французской сцене: Э. Скриба, В. Сарду, А. Дюма-сына. Наконец, не забывает он и салонных художников, любимцев Академии.

В результате созданный им образ романтика оказывается столь же универсально-обобщенным, как и образ натуралиста.

В отличие от натуралиста, романтик живет исключительно своим воображением и не знает реальной жизни. Он витает в сладких мечтах и грезах, перенося их на бумагу, на сцену или на полотно. Ему не откажешь в даровании, но его дарование – чисто поэтического характера, подобно дарованию Виктора Гюго. Он способен создавать пленительные строки, блеском которых всегда будут восторгаться, но они не имеют никакого отношения к реальной жизни¹⁸. Он владеет формой, но не вкладывает в нее сколько-нибудь значимого содержания. В драматургии он может ловко закручивать интригу, мастерски владеть сценическими условностями, создавать яркое зрелище, но зрелище это будет оставаться пустым по своей сути.

В связи с этим романтик не способен показывать реальных, живых людей. Все его персонажи – картонные марионетки (любимое слово Золя), каких не бывает, и быть не может. Золя неоднократно показывает нелогичность, и даже глупость поведения романтических персонажей, которую не замечают сами авторы, и над которой Золя охотно смеется¹⁹.

Глупость персонажей коррелирует с глупостью авторов не случайно, в отличие от трезвого мыслящего натуралиста, романтик живет чувствами, не обращая внимания на разум. Искусство для него лишь способ вызывать нужные ему переживания без всякой оглядки на правдоподобие.

---

¹⁸ Золя Э. Виктор Гюго // Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. Т. 24. М., 1966. Т. 25. М., 1966. С. 180.

¹⁹ Он же. Истеричный католик // Там же. С. 37.

Романтик, правда, как и натуралист, может быть бунтарем, борющимся с отжившими формами искусства. Но его бунт – пустая барабанная трескотня, громкий бессвязный шум, положительной программы у него нет и быть не может, ему лишь бы громогласно демонстрировать себя и разрушать прошлое. К настоящей созидательной деятельности, направленной на благо общества, он не способен.

Наконец, романтик лжив, и, стало быть, аморален²⁰. Показывая в своем искусстве то, чего нет, выдавая грезу за реальность, он вводит людей в заблуждение, подталкивая их к неправильной оценке ситуации. Золя показывает, что романтики часто идеализируют поступки, которые в реальном мире осуждаются всеми, и приводят только к несчастьям, к примеру, адюльтер. Для романтиков ничего нет выше любви, в ней счастье, оправдывающее и супружескую измену, и жестокость. На деле люди, подражающие романтическим персонажам, приносят только горе и себе, и другим. Потому нет ничего вреднее романтической чепухи, начитавшись которой люди утрачивают реальные представления о положении вещей, вступают в случайные любовные связи, принимая их за нечто возвышенное, встают в патетичные и нелепые позы там, где они совершенно не уместны.

Таковы два образа, регулярно противопоставляемые в критических работах Золя. Разумеется, они представляют собой лишь некие идеальные модели, которые Золя накладывает на конкретного автора с целью выяснить, «свой» он или «чужой». Степень совпадения с тем или иным образом и определяет близость или чуждость того или иного художника самому Золя. Он прекрасно понимает, что жизнь намного богаче этих двух схематичных портретов, но они оказываются для него ориентиром, точкой отсчета, позволяющей как бы измерять каждый раз близость того или иного автора к идеалу или антиидеалу.

Наличие такой бинарной оппозиции позволяет ему довольно часто, хотя и не всегда, выстраивать определенные противопоставления в той или иной области художественной деятельности. Так, в области живописи Мане и импрессионисты противостоят Салону, в жанре романа Жорж Санд противостоит Бальзаку, а Виктор Гюго, как вождь романтиков, располагается в этой системе координат как раз напротив самого Золя. Последняя оппозиция,

---

²⁰ Золя Э. Жорж Санд // Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. М., 1966. Т. 24. С. 747.

правда, скрытая, сам Золя не любил, когда его считали главой школы, и заявлял, что натурализм не представляет собой «школы», а является лишь течением, представители которого равноправны и объединяет их лишь любовь к реальности²¹. Тем не менее, свое теоретическое лидерство он признавал, что и делало его «противоположностью» Гюго. В качестве лидера последний не мог предложить своим последователям ничего, кроме подражания ему как «мэтру», Золя же предлагает своим последователям ясные теоретические принципы, опираясь на которые они идут каждый своим путем.

Деятели культуры Франции не только располагались в данной системе координат, они эволюционировали и перемещались по этой сетке с течением времени в соответствии со своей творческой эволюцией, и далеко не всегда так, как этого хотелось бы Золя. С его точки зрения за натурализмом было будущее, и чем дальше, тем большее количество авторов должно было бы переходить на его позиции. Он предсказывал натурализму долгую жизнь, считая, что последний будет существовать не меньше времени, чем существовал, к примеру, классицизм. Давая характеристики своим противникам, он ожидал, что наиболее талантливые из них вскоре осознают привлекательность натурализма и станут «своими». Так, отмечая романтическую направленность творчества Густава Доре, он искренне надеялся, что тот со временем осознает всю пагубность романтизма и направит свой талант на воплощение реальности: «Я бы стал умолять художника пощадить свой удивительный талант, свое чудесное дарование ... гений его выиграет тем больше, чем реальнее будет содержание его произведений»²².

Однако на практике художественный процесс шел вовсе не в том направлении, в каком ожидал Золя. *Fin de siècle* ознаменовался укреплением и распространением символизма, и смещением в его сторону значительного числа бывших соратников.

Так, все дальше от натурализма в своих исканиях уходили художники-импрессионисты. И если поначалу Золя терпимо относился к экспериментам своих старых друзей, то с годами он прекратил с ними отношения, считая, что поздний импрессионизм ставит перед собой задачи, которые не в состоянии решить. Ро-

---

²¹ Золя Э. Экспериментальный роман // Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. М., 1966. Т. 24. С. 272.

²² *Он же*. Густав Доре // Там же. С. 71.

ман «Творчество», выпущенный Золя в 1886 году, подвел своеобразную черту под его сотрудничеством с этим движением²³.

Не меньшие огорчения доставляли ему и литературные собратья, к примеру, Жорис Карл Гюисманс. Поначалу преданный ученик, участник программного сборника натуралистов «Меданские вечера» (1880), Гюисманс с годами все больше и больше уходил в символизм и религиозную мистику. Недовольные идейным господством мэтра, восставали против Золя и многие молодые авторы, в поиске путей к самоутверждению стремясь ниспровергнуть его авторитет. Так, настоящий скандал вызвала публикация в августе 1887 г. в газете «Фигаро» «Манифеста пяти», где утверждалось, что Золя «опустился до самых глубин гнусностей», и молодое поколение писателей-натуралистов отмежевывается от него, не желая иметь с ним ничего общего²⁴.

Даже те, кого Золя продолжал безоговорочно считать своими, на самом деле себя таковыми не считали, позволяя себе довольно критично высказываться о многих аспектах «золяизма», а временами откровенно дистанцируясь от него, как в плане творческого метода, так и в плане личных отношений с его создателем. Эдмон Гонкур, Альфонс Доде, Ги де Мопассан обычно избегали названия «натурализм» применительно к своему творчеству, а сам Золя и его идеи вызывали у них порой весьма неоднозначную оценку²⁵.

Макс Нордау, известный в то время ниспровергатель авторитетов, несмотря на всю свою предвзятость, подметил своим недружественным взором очень многие из проблем, с которыми сталкивался Золя как глава натурализма. В своей скандальной книге «Вырождение», опубликованной в 1894 г., он провозгласил, что натурализм мертв, и что среди последователей Золя остались лишь второстепенные авторы, чей интерес к натурализму и самоотождествление с ним продиктованы вовсе не художественными или творческими причинами, а желанием дешевой славы или патологическими наклонностями²⁶.

Гораздо более охотно отождествляли себя с натурализмом итальянские и немецкие авторы, для которых апелляция к авторитету Золя была способом утвердить свое творчество в глазах

---

²³ Ревалд Дж. Указ. соч. С. 347.

²⁴ Пузиков А.И. Указ. соч. С. 174.

²⁵ Подробнее об этом см.: Пузиков А.И. Указ. соч. С. 176–177.

²⁶ Нордау М. Указ. соч. С. 309.

читающей публики²⁷. Но и они со временем заметно охладевали к натуралистическим идеям. Проживи Золя еще несколько лет, он бы увидел отход от натурализма итальянских веристов, в 1900-х гг. уже усомнившихся в плодотворности его методов. В Голландии молодые реформаторы литературы и искусства любили Золя «в большей степени за его практику, чем за его теорию», а голландский натурализм оказался амальгамой всевозможных идей и мнений²⁸.

Таким образом, Золя, стремившийся превратить натурализм в некое осознанное художественное движение, с которым авторы идентифицировали бы себя вполне сознательно, потерпел неудачу. Несмотря на достаточно широкие рамки, которые Золя оставлял для творчества своих последователей, они все равно оказывались слишком узкими, и лишь второстепенные писатели могли, ничем не жертвуя, оставаться внутри них. Более крупные дарования неизбежно выходили за их пределы, отстаивая свою индивидуальность и право на творческий поиск.

И, тем не менее, используемое Золя противопоставление «натуралист – романтик» не исчезло, а превратилось в дальнейшем в инструмент художественной критики, по-прежнему использующей его для удобной схематизации процессов, шедших в искусстве второй половины XIX века. Условное и абстрактное, вызванное к жизни во многом обстоятельствами фракционной борьбы во французском искусстве, это противопоставление, тем не менее, по-прежнему задает некий условный фон нашему взгляду на художественную жизнь данного периода, хотя сама эта жизнь при ближайшем рассмотрении оказывается неизмеримо богаче такой прямолинейной интерпретации.

---

²⁷ Володина И.П. Луиджи Капуана и литературная теория веризма (1860–1880). Л., 1975. С. 99.

²⁸ *Debbaut R. Esthétique naturaliste et définition du naturalisme dans la littérature d'expression néerlandais // Le naturalisme en question: Actes du Colloque tenu à Varsovie 20–22 septembre 1984. Paris, 1986. P. 74–75.*

УДК 94(=531) (470.44/.47)

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

И.А. Ким

независимый исследователь (Волгоград)

E-mail: ilgiza@mail.ru

Ли Хен Кын

РОО «Корейский культурно-просветительский центр

«Первое марта» (Москва)

E-mail: russia31@tvpas.com

Одним из активных этносоциальных процессов последних десятилетий является постсоветская иммиграция реабилитированных автостереотипом (средний уровень). Русский гетеростереотип для корейцев, эмигрировавших из Центральной Азии, менее привлекателен российских корейцев. Они являются этнически сплочённой группой. Общая толерантность и положительный характер автостереотипа и русского гетеростереотипа усиливаются с течением времени, проведённого в российском регионе. Проживающее на территории Нижнего Поволжья корейское сообщество подтвердило высокую способность к успешной адаптации на основе традиционной толерантности и готовности к кооперации и интеграции.

Ключевые слова: российские корейцы, этнические стереотипы, толерантность, интеграция.

PECULIARITIES OF ETHNIC STEREOTYPES OF RUSSIAN KOREANS (ON THE EXAMPLE OF THE LOW VOLGA REGION)

I.A. Kim

PhD in Sociology, independent researcher (Volgograd)

Lee Hyung Geun

head of the Regional Public Organization «Korean cultural and educational center "First of March"» (Moscow)

One of the active social ethnic process of the last decades is the immigration of rehabilitated Russian Koreans. They are ethnically cohesive group with a positive autostereotype (intermediate level). Russian heterostereotypes for Koreans, who emigrated from Central Asia is less attractive (low level). General tolerance and positive character of autostereotype and Russian heterostereotype is growing with time that Russian Koreans spent in Russian region. Korean community which resides in the Lower Volga region has

proved a high capacity of successful adaptation on the basis of the traditional tolerance and readiness for cooperation and integration.

Key words: Russian Koreans, ethnic stereotypes, tolerance, integration.

Проблема этнических стереотипов актуальна для многонационального российского общества, в котором продолжают активные этносоциальные процессы. Одним из таких процессов последних десятилетий является постсоветская история российских корейцев, иммигрировавших в Россию в связи с реабилитацией репрессированных народов и сложными внутривнутриполитическими событиями в государствах Средней Азии и Казахстане. Представителям этой этносоциальной группы, переселившейся на территорию российского Приморья полтора столетия назад, пришлось неоднократно выживать и приживаться на российском и советском Дальнем Востоке, а после депортации 1937 г. – в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Киргизии. Корейцы показали высокую адаптивную способность, заново выстраивая социальную и экономическую структуру, возвращая собственную инженерно-техническую и гуманитарную интеллигенцию. Успешная сельскохозяйственная деятельность корейцев в Средней Азии позволила создать богатые колхозы. Собственная этническая идентичность российских корейцев также была сохранена, несмотря на некоторое количество смешанных браков.

Возвращение корейцев в Россию с обжитых среднеазиатских земель, разрозненное обустройство на российских территориях оказались также непростыми. Адаптационные процессы сопровождались трудностями экономического порядка, отсутствием российского гражданства, социальными и ментальными сложностями, нередко культурным шоком. Социально-культурная идентичность корейцев, основанная на конфуцианских и буддийских идеях, дополненная среднеазиатским влиянием ислама, претерпевала очередной евразийский кризис при возвращении на российские территории.

В 2006 г. нами было проведено социологическое исследование проблем адаптации корейского населения, выехавшего из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и ныне проживающего на территории Волгоградской области и других регионов Нижнего По-

волжья (Астраханская и Саратовская области, Калмыкия)¹. Исследование проводилось путем анкетирования совершеннолетних корейцев, проживающих в компактных поселениях или в больших городах².

Российские корейцы являются этнически сплоченной группой. Несмотря на активные процессы модернизации, российские корейцы признают традиционные ценности наличия фактора этничности в современном обществе: в общей сложности 64% опрошенных признают национальную принадлежность как «высшую ценность, значение которой возрастает». Лишь небольшая часть корейцев (14%), участвовавших в опросе, считает этничность неактуальной ценностью. Этническая идентичность и самооценка корейского населения в высокой степени позитивны: «гордятся своей национальностью» 79% респондентов.

На момент опроса ситуация с межнациональными отношениями Нижнем Поволжье и, в частности, в Волгоградской области, по мнению большинства опрошенных корейцев, не являлась однозначно позитивной. По мнению 46% респондентов, в сфере межнациональных отношений существуют проблемы; напряженности во взаимоотношениях народов не ощущали 27%; затруднились с оценкой столько же опрошенных. В той или иной степени (лично или близкие) сталкивались с проявлениями межнациональной неприязни на территории Нижнего Поволжья 65% опрошенных корейцев; из них «довольно часто» 18%, «редко» 47%. Около 20% опрошенных заявили о случаях неуважительного отношения к ним по религиозным мотивам.

При этом в целом отношения с местным русским и русскоязычным населением на момент опроса выстраивались достаточно благополучно, без открытых конфликтов. По оценке почти половины (45%) опрошенных корейских переселенцев, местное население настроено дружелюбно и готово предложить помощь; по мнению четверти опрошенных корейцев (27%), местные жители

---

¹ Выборочная совокупность состоит из 444 взрослых корейцев, на 59% из женщин, на 41% из мужчин, 20% имеют высшее образование. Большая часть участвовавших в опросе корейцев представлена взрослым трудоспособным населением, доля лиц в возрасте от 55 лет и старше – почти 25%. Большая часть анкет происходит из Волгоградской области (426 анкет), по несколько анкет из Калмыкии, Саратовской и Ростовской областей.

² Ли Хен Кын, Ким И.А. Корейское население Нижнего Поволжья (по результатам социологического опроса 2006 года) // Корейцы в России, радикальная трансформация и пути дальнейшего развития. М., 2007. С. 120-148.

не проявляют к ним особого внимания; недружелюбными и враждебными посчитали местных жителей 12% корейцев.

Одной из задач исследования было выявление направленности корейского автопортрета и восприятие образа русского населения корейцами. Векторность автостереотипа и гетеростереотипа позволяет судить о наличии или отсутствии предубеждений, ведущих к определенному типу поведения³. Был использован традиционный эмпирический индикатор этностереотипов в виде открытых вопросов⁴. Респондентов попросили дать по три основные черты корейского и русского национальных характеров; всего были получены 133 анкеты с характеристиками (30% от всего массива). В данном анализе используются эмоциональные показатели полученных данных (недостатки и достоинства; позитивные и негативные характеристики).

Коллективный этнический автопортрет нижеволжской корейской диаспоры, в составлении которого участвовали 94 респондента (22% от всех анкет), получился достаточно положительным: позитивны 75% характеристик, негативны 25%. В содержательном смысле преобладают «трудолюбие» и «доброжелательность» как основные положительные автостереотипы; в качестве основных отрицательных автостереотипов – «разобщенность» и «индивидуализм».

Хотя только 39 участников исследования (9% анкет) сочли возможным дать ответ на вопрос о позитивных и негативных чертах русского национального характера, среди полученных ответов можно обнаружить некоторые закономерности. Представление о национальном русском характере оказалось менее привлекательным: 65% составили позитивные гетеростереотипы, 35% негативные. Среди наиболее часто отмечаемых положительных характеристик русского народа – «дружелюбие», «доброта», «трудолюбие»; среди отрицательных черт доминирует «пьянство» и «лень».

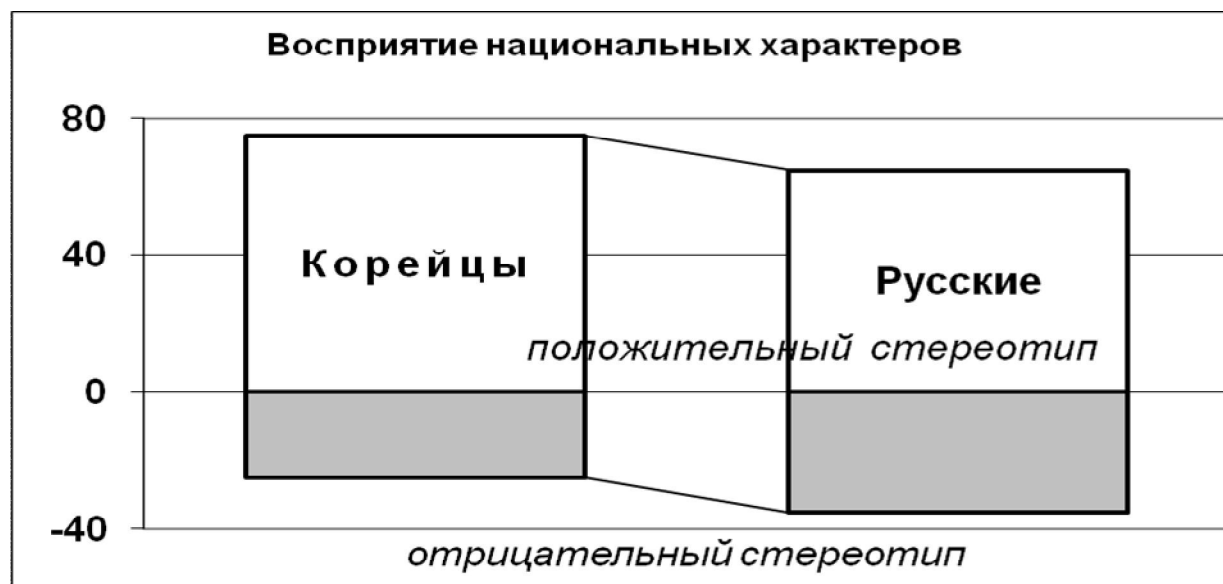
Для сравнения: индекс автостереотипа корейцев, рассчитанный как соотношение разницы между позитивными и негативными характеристиками и их суммой, намного более позитивен (0,51), чем индекс гетеростереотипа русского населения (0,29). Логично предположить, что наивысший уровень самооценки выражается в стопроцентно позитивном автопортрете, выражаемом

---

³ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М, 2000. С. 246.

⁴ Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 181.

индексом, равным 1,0. Следовательно, корейская этносоциальная группа, проживающая в Нижнем Поволжье в 2006 году, собственный статус относит к среднему, а русский гетеростереотип – к достаточно низкому статусу. Однако малый размер подвыборки анкет не позволяет делать однозначных выводов (диагр. 1).

Диагр. 1

При анализе этнических стереотипов следует иметь в виду, что, с одной стороны, стереотипизация – это психологический процесс, с другой стороны, это результат процессов, происходящих в обществе, или социальное явление⁵. Действительно, позитивная и негативная направленность стереотипов и гетеростереотипов имеет колебания по мере укоренения корейцев из Средней Азии на российской территории.

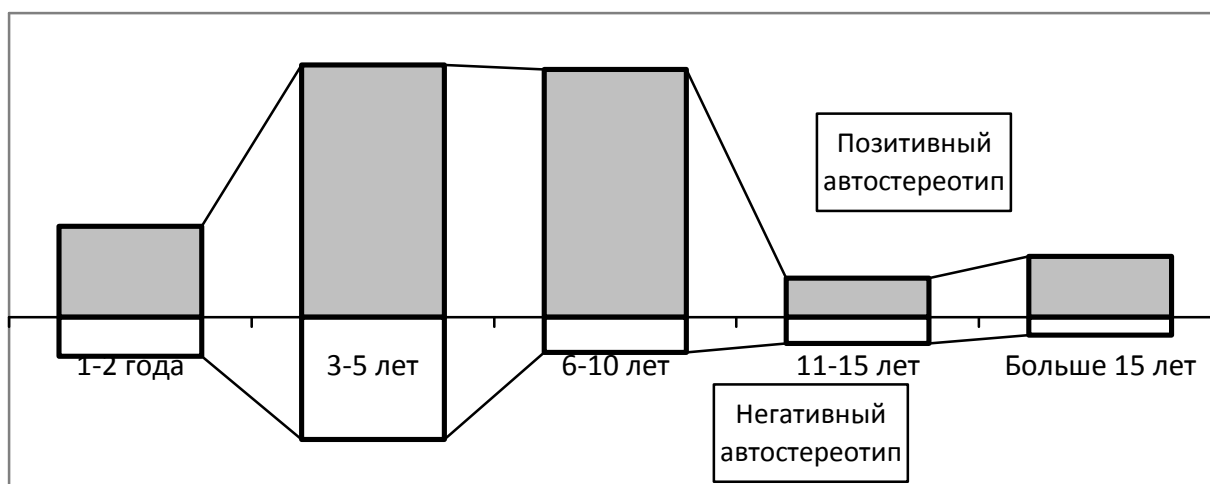
В целом положительный автостереотип корейской диаспоры усиливается с годами, прожитыми в России. Среди корейцев, проживших в Нижнем Поволжье в течение 1-5 лет, 67% опрошенных дают положительные характеристики своему народу, 33% отрицательные; среди проживших от 6 до 10 лет – 88% позитивных, 22% негативных оценок. Те корейцы, чей «стаж» проживания в российской среде составил более 10 лет, несколько снижают положительную направленность автостереотипа – среди

⁵ Стефаненко Т.Г. Указ. соч. С. 249.

них положительные оценки собственному национальному характеру дают 70%, отрицательные 30% (диагр. 2).

Миграционные процессы, связанные с переменой прежнего места жительства и обустройства в южнороссийских регионах, вынуждают многих корейцев по-новому взглянуть на привычные вещи. Очевидно, некоторое разочарование собственной этносоциальной группой связано с процессами диаспоризации в новых социально-экономических условиях, имеющих определенное влияние на ментальность группы. Возможно, фактор начинающейся культурной ассимиляции обусловил следующую претензию к соотечественникам: «обрусели совсем!» в некоторых анкетах.

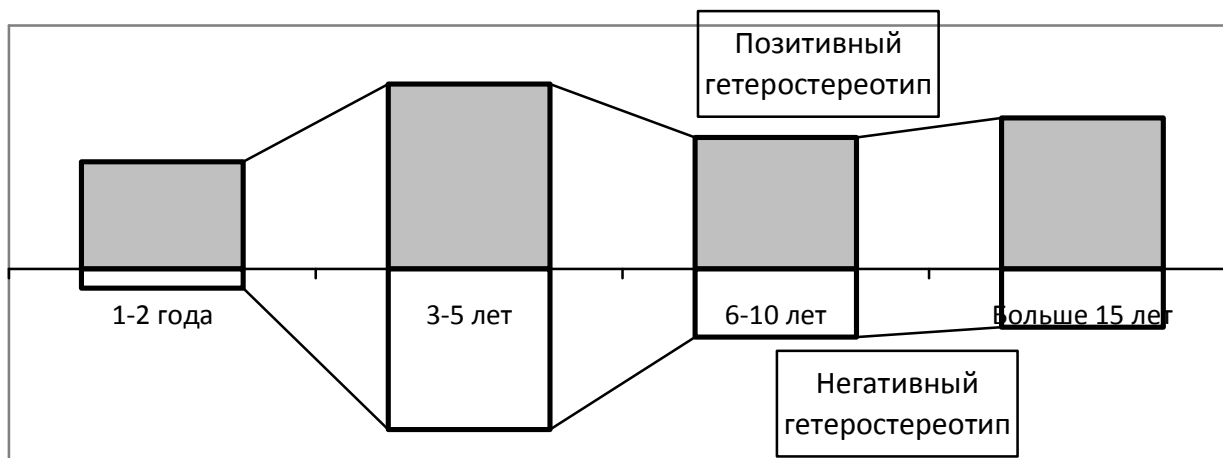
Зависимость направленности автостереотипа от количества прожитых лет в российском регионе

Диагр. 2

Положительный вектор русского гетеростереотипа и общая толерантность усиливаются с течением времени, проведенного опрошенными корейцами в российском регионе. Респонденты, прожившие в регионе 1-5 лет, дают 56% позитивных оценок, 44% негативных; прожившие от 6 до 10 лет дают 66% позитивных оценок, 34% негативных; те, кто прожил в области больше 10 лет, еще более доброжелателен к русскому населению – 72% позитивно оценивают русский характер, 28% негативно. Вероятно, это наиболее адаптированные и интегрированные в местный социум корейцы (диагр. 3).

**Зависимость направленности гетеростереотипа в зависимости от
прожитых в российском регионе лет**

Диагр. 3

Отдельно стоит присмотреться к небольшой группе корейцев, которые заявляют об отрицательном отношении к ним со стороны местного населения (12%). Возможно, в основе негативной оценки отношения окружения лежит психологическая доминанта, указывающая на социальную неадаптированность данной группы и которую можно обозначить как «этническое одиночество». Возможно, это неизбежная и не изжитая до конца часть менталитета репрессированного народа. Для этих респондентов характерно обостренное чувство этничности, принадлежности к особой изолированной группе, находящейся, по их мнению, в не слишком доброжелательном окружении: 90% корейцев данной группы недовольны уровнем удовлетворения их национальных потребностей. Большинство (81%) из них считает, что в регионе их проживания существуют проблемы межнационального общения. За последние пять лет проживания в данном российском регионе практически все из них (94%) почувствовали на себе проявления неприязни на национальной почве, почти половина (49%) – на религиозной. Поэтому, видимо, и тональность оценок качеств русского национального характера более критична именно в этой группе.

Высокий коэффициент связи Пирсона (0,476) между признанием наличия межнациональных конфликтов в регионе и негативным русским гетеростереотипом предполагал возможность

неконструктивных взаимодействий со стороны данной группы, чего, к счастью, за прошедшие годы не случилось. На самом деле, о высоком уровне лояльности корейского населения говорит, в том числе, и практическое отсутствие статистической взаимосвязи между негативным гетеростереотипом и желательным для молодежи брачным поведением только внутри собственной этнической группы.

Таким образом, судя по собственному позитивному стереотипу, проживающее на территории Нижнего Поволжья корейское сообщество в исследовании 2006 года не продемонстрировало явных признаков общественной фрустрации и депрессии, показав высокую способность к успешной адаптации в новых социально-экономических условиях. Позитивный автостереотип статистически четко связан с готовностью обучать своих детей корейскому языку (коэф. Пирсона = 0,453). Знание корейского языка позволит сохранить этническую самобытность, с одной стороны, и укрепит модернизационный импульс во взаимоотношениях с материнским этносом на Корейском полуострове, с другой стороны. Достаточно позитивный русский гетеростереотип подтвердил также традиционную корейскую толерантность и готовность к кооперации.

Можно сказать, что история российских корейцев продемонстрировала возможность реализации синтеза восточной и западной культур, основанного на использовании русского языка. Смешение дальневосточных и российских традиций в приготовлении пищи, выбор русских личных имен в обрамлении корейских фамилий, смешанные браки показали готовность русской культуры к вбиранию различных этнических компонент, что значительно увеличивает жизнестойкость российского социума.

Исследование динамики развития корейской диаспоры, проживающей уже более 20 лет на территории Юга России, продолжается⁶.

---

⁶ Ким И.А. Процессы этносоциальной идентификации корейского населения Нижнего Поволжья // Корейцы Юга России и Нижнего Поволжья. Волгоград, 2011. С. 105–121.

РОЛЬ ТУРИЗМА В РАЗВИТИИ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т. В. Черевичко

Саратовский государственный университет,
кафедра туризма и культурного наследия
E-mail: cherevichko@inbox.ru

В статье рассматриваются вопросы межкультурной глобализации туризма. Особое внимание уделено деловому туризму, который в наибольшей степени способствует диалогу цивилизаций. Автор отмечает, что кросс-культурные отношения влияют на архитектуру туристского пространства.

Ключевые слова: туризм, кросс-культурные отношения, межкультурная глобализация туризма.

THE ROLE OF TOURISM IN THE DEVELOPMENT OF CROSS-CULTURAL RELATIONS

T. V. Cherevichko

Saratov State University

The article deals with cross-cultural globalization of tourism. Particular attention is paid to business tourism, which is most conducive to dialogue among civilizations. The author notes that cross-cultural relationships affect the architecture of tourist space.

Key words: tourism, cross-cultural relations, intercultural globalization of tourism.

Современное мировое сообщество представляет сложную систему, отличающейся многонациональной полит-культурностью входящих в неё элементов. Сегодня приходится констатировать, что элементы мировой системы все чаще вступают в открытую конфронтацию, проявляя неспособность к взаимопониманию, толерантности. В этой связи феномен кросс-культурного диалога закономерно вовлекается в проблемное поле туристского пространства. И это не случайно, ведь туризм – одно из наиболее ярких социо-культурных явлений нашего времени и важнейший элемент современного мироустройства.

В начале третьего тысячелетия мир в значительной степени меняет модель своего развития. Изменения многообразны и многопла-

новы, они отражают новое состояние мирового сообщества. Основопологающим процессом нового миропорядка является глобализация, изменяющая туристское пространство и межкультурные связи.

В определённой степени можно говорить о процессах межкультурной глобализации туризма. По нашему мнению под межкультурной глобализацией туризма в определённой степени можно понимать значительное увеличение масштабов туристического обмена, расширение границ туристического рынка, что отражает увеличивающийся объём и разнообразие трансграничного движения туристических услуг, а также расширение кросс-культурных отношений. Иначе говоря, межкультурная глобализация туризма позволяет, в определённой степени, осуществлять диалог цивилизаций.

К основным сущностным чертам межкультурной глобализации туризма, развивающих кросс-культурные отношения, можно отнести следующие характеристики:

– *формирование транснационального осознания туристических потребностей.* Потребности являются основным стимулом развития производства туристических услуг. С углублением общественного разделения труда изменяется соотношение свободного и рабочего времени, соотношение трудовой и досуговой деятельности. Увеличение объёма свободного времени и повышение доли доходов населения ведёт к изменению структуры его потребления в пользу нематериальных благ и туристических услуг. Глобализация туризма позволяет рассматривать весь мир как единый туристический рынок, который построен на единообразии национальных, культурных, поведенческих и других характеристиках рынка, а не на учёте национальных особенностей. Однако при этом происходящие интеграционные процессы мирового сообщества стимулируют эволюцию индивидуального осознания туристических потребностей, которые переходят в область устойчивых «коллективных» потребностей, и несут в себе характерные черты культурных, национальных ценностей и традиций различных стран. Это обусловлено тем, что потребности в развитии услуг выходят за рамки сугубо экономических – процесс гуманизации экономического роста сопровождается расширением комплекса туристических услуг, направленных на совершенствование самого человека, его интеллектуальных и физических возможностей, удовлетворение его культурных, духовных и социальных запросов;

– *гармонизация туристических стандартов*. На наш взгляд наибольшей гармонизацией стандартов отличаются деловые услуги, которые достаточно активно развиваются в настоящее время и, что расширяет кросс-культурные отношения. Это связано со структурно-технологической перестройкой материального производства. В результате такой перестройки выросли потребности промышленных компаний именно в деловых услугах. Одновременно из состава крупных компаний выделялись и превращались в самостоятельный бизнес подразделения, специализирующиеся на деловых услугах. Углубление специализации расширяет состав услуг, позволяет полнее и качественнее удовлетворять запросы потребителей.

Деловые услуги составляют основу делового туризма. Как известно, деловой туризм – перспективная и высокорентабельная отрасль сферы услуг. Этот вид туризма в настоящее время занимает примерно $\frac{1}{4}$ часть всего сектора международного туризма. В последнее десятилетие, например, в Европе среднегодовые темпы увеличения объёмов делового туризма достигли 9%, тогда как туризма в целом – 5%. По мнению экспертов, роль этого сектора туризма в будущем будет возрастать, и через 20 лет в мире будет совершаться более 1,5 млрд. деловых поездок в год, а оборот увеличится с 400 млрд. долл. до 2 трлн. долларов. «Деловой турист» ежедневно тратит во время бизнес-поездки в 3–4 раза больше, чем рядовой турист¹.

По нашему мнению деловой туризм можно рассматривать как вид деловых услуг по следующим причинам:

– В настоящее время происходит стирание секторальных границ. Традиционные границы, основанные на критерии основного вида деятельности компании, начинают разрушаться. Деловой туризм становится необходимым видом услуг для производства и продвижения товаров предприятия. Причём качество таких услуг – это существенный фактор конкурентоспособности.

– Интернационализация и усложнение рынков. Изменения в производстве и новые технологии сблизили географические рамки бизнеса, сократили расстояния. Рынки приблизились, хотя одновременно стали более сложными. Потребность проникновения на новые рынки, ныне доступные, включает потребность в информации и услугах, способствующих соединению различных географических мест. Деловой туризм также вносит свой вклад в обмен информацией, по-

---

¹ См.: География туризма. М., 2008, С. 475.

этому можно сказать, что деловой туризм как особый вид услуги и интернационализация имеют тесные связи между собой.

- Критерием определения делового туризма как подвида деловых услуг является клиентура, которой предназначены такие услуги. Большой частью деловой туризм не для индивидуального или коллективного потребления, а для производственных организаций, то есть для компаний. Иначе говоря, деловой туризм предполагает корпоративное обслуживание, направленное на расширение деятельности предприятия. Таким образом, целью делового туризма, в конечном счете, является повышение конкурентоспособности фирм за счет удовлетворения корпоративных потребностей.

Развитие делового туризма наиболее наглядно отражает проявление процессов межкультурной глобализации туризма в целом. Перемещаясь из страны в страну экономические субъекты (владельцы факторов производства, потребители) находят в каждой стране привычную им и предсказуемую «среду обитания». При этом деловой туризм является не только отражением процессов межкультурной глобализации, но и сам способствует активизации этого вида глобализации.

Это проявляется в следующем:

- деловой туризм, напрямую связан с передачей информации и коммуникацией, что в определённой степени характеризует одну из тенденций глобализации – информатизацию;

- деловой туризм – это наиболее впечатляющий результат становления производственных систем как более гибких. Компании оказались в состоянии предлагать услуги, которые раньше вообще не включались в производственную структуру;

- потребность в близости к клиенту стимулирует конкуренцию между многими услугами делового туризма, имеющими отношение к реализации продукции и к приобретению или передаче информации;

- цели, направленные на повышение качества, стимулируют использование не только услуг делового туризма, но и улучшение качества сопутствующих услуг (например, услуг размещения, питания, транспорта);

- конкуренция, базирующаяся на совокупности цены, качества услуг, требует имиджевой стратегии. Именно деловой туризм во многом определяет имидж многих компаний, в том числе и глобальных;

- проникновение на новые рынки требует глобальной перспективы. Растущая широта и сложность рынков вызывает конкуренцию среди множества услуг делового туризма, специализированных на стратегиях глобализации туристского рынка;

- процесс урбанистической концентрации и потребность в близости к клиенту. Они имеют решающее значение для рационального обоснования делового туризма как разновидности деловых услуг. В то же время деловые услуги как основа делового туризма имеют специфическую связь с местным индустриальным климатом. Они помогают повысить конкурентоспособность и инновативность таким образом, что деловой туризм не только становится следствием промышленной деятельности, но и сам может действовать как привлекательный фактор.

- под влиянием процессов глобализации происходит формирование полицентричной пространственной организации туризма. В последнее время существенной характеристикой глобализации туризма становится развитие глобальных (мировых) городов. К ним принадлежат Лондон, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Токио, Шанхай, Сингапур, в Австралии – Сидней, в Европе – «итальянский коридор» Милан – Венеция, Рамштадт (комплекс городов в Нидерландах), Франкфурт, Париж, Барселона. В совокупности крупнейшие города планеты образуют опорный каркас не только глобальной экономики, но и системы международного туризма.

Может возникнуть вопрос: что же такое глобальный город? Следует начать с того, что глобальный город – это не место, а процесс. «Процесс, посредством которого центры производства и потребления развитых услуг <...> связываются в глобальные сети на основе информационных потоков»². Этот процесс идет с разной интенсивностью и в разных масштабах, в зависимости от значимости различных видов экономической деятельности. Территория в этом случае играет подчиненную роль. Как отмечал А. Тоффлер, мы стали свидетелями исторического процесса разрушения значения места в жизни человека³.

В этой связи, не последнее место в развитии глобальных городов занимает туризм, так как стремительно возрастает число людей для которых ежедневные деловые поездки и путешествия становятся нормой повседневной жизни. О значимости явления

---

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 363.

³ Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. С. 57.

свидетельствует тот факт, что десять городов (Лондон, Нью-Йорк, Париж, Токио, Лос-Анджелес, Сингапур, Милан, Франкфурт, Гонконг, Чикаго) аккумулируют более 10% всех международных туристских поездок.

Туризм, особенно деловой, как форма потребления развитых услуг находится в центре всей экономической, социальной и культурной жизни глобального города. Можно сказать, что глобальный город становится и центром туристической деятельности, что проявляется в увеличении масштабов туризма и интенсивности туристических потоков. Туризм – в наше время, наиболее стабильный вид экономической деятельности. Об этом очень убедительно говорят данные и прогнозы Всемирной Туристической Организации. Так, если в 1999 г. в мире число туристов составляло 663 млн (прирост 4,1 %), то в 2010 г. будет 1 млрд туристов, а в 2020 г. – уже 1 млрд. 600 млн. По данным Всемирной туристической организации ООН (UNWTO) в 2007 г. суммарные доходы всех стран мира от въездного туризма составили 850,4 млрд. долларов США, и в ближайшие годы могут достигнуть фантастической суммы в 1 триллион долларов год, что (с учетом существенного падения цен на нефть) превысит доходы от экспорта нефти всех стран. Самым привлекательным регионом мира, в т.ч. и по доходам от иностранного туризма является, конечно, Европа – 415,6 млрд. долларов в 2007 г. Страны лидеры: Испания – 57,8 млрд, Франция – 54,2 млрд, Италия – 42,7 млрд, Великобритания – 37,7 млрд, Германия – 36 млрд. Регион Азия и Океания получил от туристов 183,1 млрд. долларов (в том числе Китай – 37,2 млрд). Регион Америка – 171,3 млрд. долларов (в том числе США – 96,7 млрд.)⁴ На крупнейшие мегаполисы приходится 13 из 20 самых популярных направлений международного туризма. Это свидетельствует о том, что туризм является одним из условий формирования глобального межкультурного пространства.

Таким образом, межкультурная глобализация как ведущий процесс современности становится доминирующим фактором архитектуры нового туристического мира.

---

⁴ Подробнее см.: Черевичко Т.В. Глобализация туризма: основная тенденция современного общества // Запад-Россия-Восток в исторической науке XXI века: Матер. междунар. конф. в честь 100-летия СГУ (Саратов, 14–16 мая 2009 г.): в 2 ч. / под общ. ред. Ю.В. Варфоломеева и Л.Н. Черновой. Саратов, 2010. Ч. 2. С. 330.

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

УДК 94(47+438) | 1920 | +821.161.1.09+929Гиппиус

ВОПРЕКИ ТРАДИЦИИ ВЗАИМНОЙ ВРАЖДЕБНОСТИ. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЬСКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В 1920 ГОДУ

П. Цихорацки

Вроцлавский университет (Польша)
E-mail: cichoracki@op.pl

В начале 1920 г. известная российская писательница Зинаида Гиппиус после бегства из Петрограда оказалась в Польше. Сопровождал её, в частности, супруг, Дмитрий Мережковский. Оба они приняли участие в попытке заключить польско-российское соглашение, которое стремился реализовать Борис Савинков. Его целью была общая борьба с большевиками. Гиппиус оказалась в трудной ситуации. Она не щадила критических слов в отношении лидеров российского антибольшевистского движения. С другой стороны, план, в реализации которого она принимала участие, не получил твёрдой поддержки со стороны властей Польши.

Ключевые слова: польско-большевистская война, Гиппиус, газета «Свобода», Пилсудский.

CONTRARY TO THE TRADITION OF MUTUAL HOSTILITY. FROM THE HISTORY OF POLISH-RUSSIAN COOPERATION IN 1920

P. Tsykhoratsky

University of Wroclav (Poland)

At the beginning of 1920, the famous Russian writer Zinaida Gippius, after escaping from Petrograd, found herself in Poland. Accompanied her, among others, husband – Dimitri Merezhkovsky. They both engaged in attempt to Polish-Russian cooperation, led by Boris Savinkov. His purpose was the joint fight against the Bolsheviks. Gippius found itself in a difficult situation. She did not spare criticism of the leading leaders of Russian anti-Bolshevik movement. On the other side, the project, in which she participated, did not gain lasting support from the Polish authorities.

Key words: Polish-Bolshevik War, Gippius, “Svoboda” newspaper, Pilsudski

Время польско-большевистской войны оказалось периодом, когда было предпринято несколько попыток сотрудничества между воссозданной Польшей и некоторыми российскими антибольшевистскими кругами. Само инициирование сотрудничества требовало от обеих сторон немалых усилий. Это было следствием, с одной стороны, осознания многовекового соперничества между Польшей и Россией, с другой же, противоречий действующих политических программ. Поляки стремились играть решающую роль на землях Речи Посполитой, входивших в нее до разделов, круги российских белых, как правило, не допускали такой возможности, в максимальном варианте соглашаясь на существование Польши в границах созданного по инициативе Александра I Княжества (Герцогства) Варшавского. Несмотря на наличие вышеназванных препятствий, в 1920 г. между поляками и антибольшевистскими силами России дело все же дошло до установления контактов, и даже до реального сотрудничества. Наиболее эффективной была, несомненно, концепция соглашения, где партнёром польской стороны была группа, объединившаяся вокруг Бориса Савинкова. В истории этого эпизода важную роль сыграла супружеская пара известных российских литераторов – Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус. Особенно интересной, принимая во внимание тогдашние социальные и культурные реалии, представляется роль последней.

Зинаида Гиппиус была, несомненно, одной из наиболее колоритных личностей культурной жизни дореволюционной России. Родившись в 1869 г., она дебютировала со своими поэтическими произведениями через девятнадцать лет. В это же время она познакомилась с петербургским поэтом Дмитрием Мережковским, за которого вскоре вышла замуж. С этого времени они стали неразлучной парой вплоть до смерти Мережковского в 1941 г¹. Не только своим творчеством, но и, прежде всего, всеми признаваемым интеллектом, а также эпатажным образом жизни, Гиппиус долгие годы побуждала сильные амбивалентные чувства в литературной среде Петербурга².

---

¹ *Николюкин А. Феномен Мережковского // Д. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. Антология. СПб., 2001. С. 8.*

² *Фёдоров В.С. З.Н. Гиппиус // Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги. Т. I / под ред. Н.Н. Скатова. М., 2005. С. 483–490; Chyłowski H. Wyjątkowa Zinaida Gippius // Gippius Z. Dzienniki petersburskie. Dziennik warszawski. Oprac. H. Chyłowski. Warszawa, 2010. S. 497–503.*

Свержение царизма в феврале 1917 г. Гиппиус и Мережковский восприняли положительно. Они же с самого начала русской революции были противниками большевизма. Попытки бежать от власти большевиков супруги предпринимали трижды, начиная с середины 1918 г. Наконец они решились перебраться через польско-большевистский фронт³. Это они осуществили вчетвером: Мережковского и Гиппиус сопровождал Философов, а также секретарь Гиппиус Владимир Злобин. Чтобы оказаться вблизи линии польско-большевистского фронта, они получили документ от властей, удостоверявший их намерение провести цикл просветительских бесед в дислоцированных там частях Красной армии⁴. Драматическое путешествие из тогдашнего Петрограда для Гиппиус было тем труднее, что недалеко от фронта у неё начался жар с симптомами тифа⁵.

Несмотря на все сложности, план, однако, удался. Философов так вспоминал встречу всей группы с первыми польскими солдатами в завершающей фазе побега: «...на мосту – ты кто? Неужели солдат? Слишком много мы видели солдат, но у этого был совсем другой, необычный вид. Простой, худой, высокий... в шапке с рогами. Вот и другой такой же и третий... Поляки, познаныцы! Те, кого так боялись наши красноармейцы, называя "рогатыми чертями". Мы смотрели на них как на ангелов. На страже, стоящих у ворот Европы»⁶.

Беглецы сначала оказались в Бобруйске. Гиппиус записала, что этот провинциальный городок, расположенный недалеко от фронта, совершенно ошеломил прибывших из большевистского Петрограда уже самой возможностью удовлетворить свои обычные материальные потребности («белые булки, молоко, шоколад»)⁷. Оттуда они вскоре попали в Минск. Гиппиус быстро включилась в жизнь русского общества этого города, с августа 1919 г. занятого Войском польским⁸.

---

³ Мережковский Д.С. Записная книжка 1919-1920 // Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В., Злобин В.А. Царство Антихриста. München, 1922. С. 245-274.

⁴ Николюкин А. Указ. соч. С. 21.

⁵ Мережковский Д.С. Записная книжка 1919-1920 // Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В., Злобин В.А. Указ. соч. С. 247.

⁶ Философов Д.В. Наш побег // Там же. С. 176.

⁷ Gippius Z. Op. cit. S. 442.

⁸ Лекция в Минске // Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар. Т. I. СПб., 2002. С. 107; Gippius Z. Op. cit. S. 443-444.

Сохранившаяся запись её выступления в Минске позволяет утверждать, что уже тогда ее интересовали те сюжеты, которые затем во время пребывания в Польше станут характерными для её публицистики. Например, безжалостный образ большевиков и несчастной под их господством России⁹. Самым важным в контексте последующей деятельности Гиппиус представляется то, что она уже тогда определила собственную политическую линию, утверждая, что она является «частью России настоящей, России февральской, России будущей»¹⁰.

В тексте её минского выступления проблема польско-российского сотрудничества не затрагивалась. Это, однако, не значило, что в то время эта идея была ей абсолютно чужда. Как раз наоборот: Гиппиус и Мережковский уже тогда признали, что такое сотрудничество должно быть¹¹.

В Минске беглецы первый раз встретились с представителями польских военных властей. Самоё большое впечатление оказала на Гиппиус встреча с тогдашним командующим Литовско-Белорусского фронта генералом Люцианом Желиговским. Эта встреча настолько запала в память, что отметили её в своих сообщениях независимо друг от друга как Гиппиус, так и Желиговский. Мережковский, имевший тяжёлый опыт пребывания под властью большевиков, уже в Минске сообщил Желиговскому, что он ожидает решительного включения польского государства в борьбу с коммунистами. Он убеждал, что это была бы не борьба с Россией, а «с бандитизмом». Желиговский, лично относившийся к писателю с большим уважением, выказал скептицизм. Он убеждал, что Польша не располагает необходимыми средствами для успешной антибольшевистской интервенции, и даже, если бы она была, то с российской стороны отсутствует партнёр, готовый к сотрудничеству¹².

Супруги добрались до польской столицы в конце февраля – начале марта 1920 г.¹³. Их появление в Варшаве стало тогда значимым событием¹⁴. Этот момент был признан удобным для на-

---

⁹ Лекция в Минске // Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар... С. 107.

¹⁰ Там же. С. 110, 112.

¹¹ *Gippius Z.* Op. cit. S. 446.

¹² *Żeligowski L.* Wojna w roku 1920. Wspomnienia i rozważania. Warszawa, 1990. S. 11–12. Примерно также передает этот разговор и Гиппиус. См.: *Gippius Z.* Op. cit. S. 448.

¹³ *Gippius Z.* Op. cit. S. 453.

¹⁴ *Czapski J.* Mereżkowsy i Filozofow w Polsce // Puls. 1993. № 60. S. 10; *Gippius Z.* Op. cit. S. 455.

лаживания сотрудничества Польши с так называемой «третьей Россией», то есть с теми антибольшевистскими силами, которые были готовы отказаться при восстановлении российского государства от этнически нерусских территорий¹⁵. Другое дело, что эта группа, наверное, не была «репрезентативной» с точки зрения «белого движения»¹⁶.

Ныне считается, что концепция антибольшевистского соглашения с Польшей основывалась у Гиппиус и Мережковского в том числе и на их знании в определённой степени истории Польши и её культуры. После прибытия на Вислу они признали, что традиция польского мессианства может стать основанием для того, чтобы положить конец конфликтам между народами, и особенно польским и русским. Это стало бы началом для совместной расправы с большевизмом¹⁷. Гиппиус на самом деле в какой-то мере, вероятно, разделяла эту позицию¹⁸. Для неё одним из самых важных факторов, придающих смысл такой форме участия в политике, было участие в попытке заключения соглашения с Польшей, ведущая роль в котором принадлежала Борису Савинкову. По крайней мере, с рубежа 1919/1920 гг. он воспринимался Пилсудским как один из потенциальных российских политических партнёров. Савинков появился в Варшаве ещё до прибытия супругов в январе 1920 г. и провёл переговоры с представителями властей¹⁹.

В момент прибытия Мережковского и Гиппиус в Варшаву тамошние русские круги были организованы в так называемый Русский комитет, который в то же время не склонялся к серьёзному политическому сотрудничеству с поляками. Мережковский и Философов основали Польско-русское общество²⁰. Вскоре Гиппиус оказалась в Русском политическом (позже эвакуационном) комитете во

---

¹⁵ Nowak A. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków, 2001. S. 485.

¹⁶ Juzwenko A. Polska a „biała” Rosja (od listopada 1918 r. do kwietnia 1920 r.). Wrocław, 1973. S. 258.

¹⁷ Николокин А. Указ. соч. С. 22; Мережковский Д.С. Записная книжка... С. 250–251.

¹⁸ Gippius Z. Op. cit. S. 459.

¹⁹ O okolicznościach tej wizyty Sawinkowa w Belwederze // Nowak A. Op. cit. S. 458–471.

²⁰ Nowak A. Op. cit. S. 488.

главе с Савинковым, созданном на рубеже июня-июля 1920 года²¹. Она возглавляла там подразделение отвечающее за пропаганду²². Наиболее значимым её проектом представляется сегодня учреждение в столице Польши русской газеты «Свобода»²³. Сама она стала редактором её отдела культуры²⁴. Газета должна была сломать негативный образ возрождённой Польши, распространённый во многих русских центрах эмиграции²⁵. Гиппиус очень часто публиковалась на страницах газеты, в том числе, и под псевдонимом²⁶. Она, однако, признавала, что если занимается там политикой, то делает это только потому, что «политика давно стала жизнью, а жизнь политикой»²⁷.

Большевизм был самым главным объектом её критической публицистики, она неустанно вскрывала существовавшие в её понимании слабости коммунистов. Она выражала убеждение, что советское руководство, ещё находясь на волне успеха, в действительности пропитано паническими настроениями. Ведь оно отдаёт себе отчёт в том, что в случае появления хотя бы тени катастрофы, охваченный террором народ и армия выступят против него²⁸.

С точки зрения истории польско-русских отношений более интересным представляется, однако, другой сюжет: мотивация сотрудничества с Польшей. Так как статус политического эмигранта должен влиять на декларации в отношении к государству пребывания, то представляется не подлежащим сомнению, что позитивная трактовка Польши как партнёра в борьбе с большевизмом весной и летом 1920 г. была искренней. Это следует подчеркнуть особо, поскольку Гиппиус осознавала различия и масштабы препятствий, стоящих на пути этого сотрудничества, и

---

²¹ *Wędziagolski K.* Pamiętniki. Warszawa, 1989. S. 423; *Karpus Z.* Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920. Toruń, 1999. S. 109–110.

²² *Gippius Z.* Op. cit. S. 441, 483.

²³ *Nowak A.* Op. cit. S. 490; *Gippius Z.* Op. cit. S. 440.

²⁴ *Николюкин А.* Указ. соч. С. 22; *Nowak A.* Op. cit. S. 490.

²⁵ *Wędziagolski K.* Op. cit. S. 431.

²⁶ Характерным считается наличие в поэтических произведениях Гиппиус также лирического героя-мужчины, см.: *Chyłstowski H.* Op. cit. S. 502.

²⁷ Еще о мире с большевиками // Свобода. 1920. 23 июля. № 6. Цит. по: *Гиппиус З.Н.* Мечты и кошмар... С. 121.

²⁸ С того света // Свобода. 1920. 17 июля. № 1. Цит. по: *Гиппиус З.Н.* Мечты и кошмар... С. 114.

особенно взаимного незнания элитами друг друга²⁹. Тем самым, вероятно, поэтому большую роль сыграла здесь личность Пилсудского, к которому первоначально Гиппиус относилась осторожно, что вытекало из болезненных для неё ассоциаций с личностью Керенского³⁰. Гиппиус трактовала Польшу как «единственного справедливого» среди государств Европы, которое только одно и видит большевистскую угрозу³¹. Другое дело, что по оценке поэтессы для Польши с этой стороны угроза была наибольшей. С точки зрения Гиппиус, то обстоятельство, что Польша на тот момент была возрождённым государством («молодым») дополнительно придавало ей упорства перед «усталостью». Она определяла «усталость» как нечто характерное для «старых» государств и потому действующее на руку большевизму³². Важным в надеждах на эффективное польско-российское сотрудничество было, несомненно, то, что она замечала в декларациях польской стороны желание борьбы не столько с Россией, сколько с большевиками³³. Интересным представляется, наконец, то, что Гиппиус оценивала проблему германо-советского сотрудничества как угрозу для возрождающегося польского государства³⁴. Гиппиус в одном из сентябрьских текстов просто призывала Польшу «добить» большевиков, без чего не только судьба России, но и Польши будет рано или поздно предрешена³⁵.

Интересно, что у Гиппиус было решительно негативное мнение о «классических» представителях антибольшевистского движения, которое олицетворяли собой так называемые «белые генералы». Его она формулировала ещё во время пребывания в Петрограде, не веря в их окончательный триумф даже в момент

---

²⁹ Лев Пуцин [Гиппиус З.Н.] Две интеллигенции // Свобода. 1920. 17 сент. № 53. Цит. по: Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар... С. 126.

³⁰ Gippius Z. Op. cit. S. 449.

³¹ С того света // Свобода. 1920. 17 июля. № 1. Цит. по: Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар... С. 113–114.

³² Герои в России // Свобода. 1920. 20 июля. № 3. Цит. по: Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар... С. 120–121.

³³ Gippius Z. Op. cit. S. 440.

³⁴ Лев Пуцин [Гиппиус З.Н.] Мечты и кошмар // Свобода. 1920. 24 июля. № 7. Цит. по: Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар... С. 125.

³⁵ Лев Пуцин [Гиппиус З.Н.] Две интеллигенции // Свобода. 1920. 17 сент. № 53. Цит. по: Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар... С. 129.

наивысших успехов³⁶. В реалиях 1920 г. их представителем был генерал Пётр Врангель, продолжающий сопротивление, опираясь на остатки Вооружённых сил юга России, которым удалось пережить контрнаступление большевиков зимой 1919/20 года. В июне 1920 г. Гиппиус, познакомившись с издававшейся там прессой, эмоционально комментировала: «Идиотская чёрная сотня»³⁷. Судя по тогдашней её публицистике, это негативное отношение могло быть результатом убеждения: те, кто сами не познали власти большевиков составляют отдельную группу, не осознающую масштаб изменений, которые были совершены «в том мире»³⁸. Процесс, как оказалось, окончательного упадка движения, во главе которого в последней его фазе находился генерал Врангель, «не удивил» поэтессу³⁹.

Переговоры о перемирии в Риге положили, однако, конец каким бы то ни было заблуждениям Гиппиус и Мережковского. Само сообщение о прекращении огня повлияло на их решение покинуть Польшу⁴⁰. Вступление в силу перемирия в полночь с 18 на 19 октября 1920 г. почти совпало по времени с отъездом Гиппиус и Мережковского в Париж⁴¹. Судя по «Дневнику» Гиппиус её муж был главным инициатором отъезда, чему она сама «ничего не могла противопоставить»⁴². Для них обоих окончание польско-большевистской войны было, несомненно, очень серьёзным ударом. Мережковский воспринял это как «личное оскорбление»⁴³. Гиппиус также не скрывала разочарования позицией Польши. Вскоре после прибытия в Париж она писала: «Но придёт также и очередь Польши. Продалась она <...> даже не за золото большевиков, лишь за их золотые обещания»⁴⁴. После отъезда в Париж Гиппиус сохраняла свои враждебные большевизму взгляды. Подобную позицию поддержал и Мережковский, прочитав свою

---

³⁶ Характерны в этом отношении замечания на тему наступления Деникина осенью 1919 г. (см.: *Gippius Z. Op. cit. S. 407, 411*).

³⁷ *Ibid. S. 440*.

³⁸ С того света // Свобода. 1920. 17 июля. № 1. Цит. по: *Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар... С. 113*.

³⁹ *Gippius Z. Op. cit. S. 448*.

⁴⁰ *Ibid. S. 441*.

⁴¹ *Chyłstowski Z. Op. cit. S. 506*.

⁴² *Gippius Z. Op. cit. S. 491*.

⁴³ *Czapski J. Op. cit. S. 13*.

⁴⁴ *Gippius Z. Op. cit. S. 462*.

первую антибольшевистскую лекцию в Париже уже в декабре 1920 года⁴⁵.

Вера в польско-российское соглашение, заключённое на основе совместной борьбы с большевизмом не было позицией исключительной в антисоветских кругах. Такие взгляды иногда исповедовали также те, кто работал в ведущих центрах «белого» движения. Здесь можно выделить, например, некоторых чиновников МИД Деникина и Врангеля⁴⁶. Представляется, однако, что их взгляды на эту проблему были лишены определённого идеализма, характерного для Гиппиус и её мужа. О том, что реализация этой концепции оказалась невероятно трудной перед лицом масштаба польско-российских противоречий, свидетельствует как о поражении инициативы увенчанной фамилиями Савинкова и Мережковского, так и то, что в главном течении «белого» движения никогда она не получила поддержки фигур, определявших политику антибольшевистского лагеря.

---

⁴⁵ Злобин В.А. Д.С. Мережковский и его борьба с большевизмом // Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. Антология. СПб., 2001. С. 462.

⁴⁶ Подробнее об этом см.: Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства: в 2 кн. М., 1993. Кн. 2. Октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г.

**«ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ПО-ЛИВИЙСКИ»:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 2011 ГОДА**

В.Д. Орехова

Саратовский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра международных отношений
и внешней политики России
E-mail: valerie2010@yandex.ru

Статья посвящена анализу становления системы государственного управления в Ливии после революции 2011 г., в ней дается характеристика основным этапам конституционного строительства, подчеркивается их влияние на перспективы достижения общественного согласия и национального примирения в пережившей гражданскую войну стране.

Ключевые слова: Ближний Восток, Ливия, «Арабская весна», Каддафи, конституционный процесс.

**«DEMOCRATIZATION IN LIBYA»:
POLITICAL PROCESS
AFTER THE CIVIL WAR OF 2011**

V.D. Orekhova

Saratov State University

The article is devoted to the establishment of the public administration system in Libya after the revolution of 2011, it describes the main stages of constitutional process and underlines its impact on the prospects of achieving social harmony and national reconciliation in the country, which has gone through the civil war.

Key words: the Middle East, Libya, Arab spring, Gaddafi, constitutional process.

После окончания гражданской войны 2011 г. в Ливии начался период затяжного политического кризиса, который выражается в фактической беспомощности центральной власти в Триполи, невозможности правительства установить контроль над всеми регионами страны. Это связано, в первую очередь, с отсутствием общественного согласия, выраженного в консолидированном видении будущего политического устройства, а также с особенно-

стями функционирования системы государственного управления, сложившейся после падения режима М. Каддафи.

Формально гражданская война в Ливии завершилась 20 октября 2011 г. – власть тогда окончательно перешла в руки возникшего в ходе революции Переходного Национального Совета (ПНС), который в соответствии с «Конституционной декларацией» от 3 августа 2011 г.¹ наделил себя статусом временного политического органа. Его задача заключалась в создании условий для дальнейшей передачи власти легитимному, то есть избранному населением путем прямого голосования Всеобщему национальному конгрессу (ВНК). По результатам выборов 7 июля 2012 г. большинство мест в нем получил либеральный «Альянс национальных сил».

Следующим важным этапом государственного строительства стал созыв Конституционной Ассамблеи. В течение года ливийское общество не могло определиться с процедурой формирования данного органа. Проблема заключалась в распределении мест. Закон о выборах² от 20 июля 2013 г., определил, что в Ассамблею войдут 60 человек, по 20 членов от каждого региона (Триполитании, Киренаики и Феццана). Запрещалось формирование избирательных списков на основе клановой или этнической принадлежности, однако, каждый из них должен был включать, как минимум, двух юристов, двух улемов, двух племенных шейхов и по два представителя от неарабских племен тубу, амазигов и таурегов.

Тем не менее, данная формула не привела к национальному примирению по вине непоследовательных действий Конгресса. Вместо того, чтобы способствовать консолидации общества, парламент полностью дискредитировал себя, приняв ряд законов, исключающих возможность сосуществования различных групп в рамках единого политического пространства.

Из процесса разработки Конституции была вычеркнута целая категория граждан: закон, принятый в мае 2013 г., запрещал чиновникам Ливийской Джамахирии продолжать карьеру в «новой, демо-

---

¹ Конституционная декларация Ливийской республики переходного периода от 3 августа 2011 // Исламская интернет-библиотека Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/497> (дата обращения: 14.03.2014).

² Закон о выборах Конституционной Ассамблеи Ливии от 9 февраля 2013 г. // Исламская интернет-библиотека Романа Пашкова. URL: <http://www.worldislamlaw.ru/archives/1365> (дата обращения: 02.01.2014).

кратической» Ливии³. Таким путем остракизму подверглись многие опытные специалисты, и тем самым искусственно сократился кадровый потенциал государства⁴. В частности, пришлось сложить свои полномочия председателю парламента опытному и очень влиятельному политику и дипломату Мохаммеду аль-Магарифу⁵.

Желая стереть из памяти народа период существования режима М. Каддафи, парламент принимал и другие, не менее жесткие нормативно-правовые акты. В частности, закон об амнистии запретил уголовное преследование повстанцев; другой, впоследствии отмененный, предусматривал уголовное наказание (вплоть до пожизненного заключения) за прославление М. Каддафи и его семьи, а также за распространение «ложной информации и слухов»⁶. Таким образом, юридическая база Ливии исключает возможность мирного сосуществования различных групп в рамках единого политического пространства.

Затяжной избирательный процесс в Конституционную Ассамблею стал дополнительным фактором роста общественного недовольства. Результаты выборов, прошедших 20 февраля 2014 г. стали известны только через десять дней: в связи с сохранением в некоторых районах страны напряженной ситуации в сфере безопасности удалось распределить только 47 мест из 60⁷. Но даже, если бы такой сложности не возникло, сам по себе юридический механизм работы Ассамблеи оказался слишком сложен для реализации на практике в тех условиях. Проект основного закона сначала должен получить одобрение парламента, после чего в течение 30 дней он выносится на референдум. Затем Конгресс со-

---

³ *Zaptia S.* Political Isolation Law Passed Overwhelmingly // *Libya Herald*. May 5, 2013. URL: <http://www.libyaherald.com/2013/05/05/political-isolation-law-passed-overwhelmingly/#axzz2w99Co6M3> (дата обращения: 12.03.2014).

⁴ *Сапронова М.* Новая ливийская государственность // *Российский совет по международным делам*. 02.07.2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=561#top (дата обращения: 09.03.2014).

⁵ *Head of Libya's Parliament Resigns Over Law Banning Gadhafi-Era Officials* // *FoxNews*. May 28, 2013. URL: <http://www.foxnews.com/world/2013/05/28/head-libya-parliament-resigns-over-law-banning-gadhafi-era-officials/> (дата обращения: 11.03.2014).

⁶ *Сапронова М.* Новая ливийская государственность // *Российский совет по международным делам*. 02.07.2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=561#top (дата обращения: 09.03.2014).

⁷ *Elumani Ah.* HNEC Announces Results for Constitutional Committee Elections // *Libya Herald*. 02.03.2014. URL: <http://www.libyaherald.com/2014/03/02/hnec-announces-results-for-constitutional-committee-elections/#axzz2vw83EeIz> (дата обращения: 03.03.2014).

ставляет новый избирательный закон и проводит выборы в республиканский парламент, причем на каждом этапе действуют определенные условия и оговорки. Подобная многоступенчатая схема не пригодна для государства, распадающегося на отдельные регионы ввиду отсутствия сильной центральной власти. Чем дольше сохраняется неопределенная ситуация в правовой сфере, тем сложнее будет установить государственный контроль над деятельностью отдельных районов, привыкших к анархии.

Вывод: ВНК и его политическому предшественнику, ПНС, обладавшему в определенный период достаточными законодательными и учредительными полномочиями, а также доверием значительной части населения, не удалось использовать весь свой потенциал. Оба этих органа не стали предпринимать решительные меры, от которых зависела национальная безопасность, в результате, после 2011 г. в Ливии произошла диффузия государственного суверенитета, сформировалось несколько политических полюсов: официальный Триполи; федералисты, выступающие за расширение автономии отдельных регионов страны вплоть до признания их независимости⁸; исламисты, объединяющие наиболее консервативные слои общества; а также этнические меньшинства, ядро которых составляют амазиги (берберы), требующие защиты своих культурных прав. В качестве инструмента давления на правительство они саботируют работу месторождений. Резкое снижение объемов добычи нефти (230 тыс. баррелей при производственной мощности 1,6 млн. баррелей в сутки⁹) нанесло удар по экономической безопасности государства, поскольку вызвало проблемы с составлением бюджета на 2014 г., который до сих пор так и не принят¹⁰.

В этих условиях Конгресс выразил вотум недоверия премьер-министру Али Зейдану. Новый премьер – Абдулла аль-Тани – уже через месяц после своего назначения стал жертвой вооруженного нападения и по этой причине отказался от занимаемой должности¹¹.

---

⁸ *Elumami Ah.* Cyrenaica “Government” Unveiled // Libya Herald. 24.10.2014. URL: <http://www.libyaherald.com/2013/10/24/cyrenaica-government-unveiled/#axzz2w99Co6M3> (дата обращения: 20.12.2013).

⁹ *Libya* // U.S. Energy Information Administration. Analysis. 10.10.2013. URL: <http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=ly> (дата обращения: 07.03.2014).

¹⁰ В ливийской области Киренаика создано собственное правительство // Вести. 25.10.2013. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1146139> (дата обращения: 15.02.2014).

¹¹ *Frizell S.* Libya PM Quits, Says He Was Targeted in Armed Attack // TIME. 13.04.2014. URL: <http://time.com/60814/libya-prime-minister-quits/> (дата обращения: 19.04.2014).

Отсутствие премьер-министра, беспомощность правительства, сталкивающегося с финансовыми трудностями при острой необходимости восстановления национальной экономики, незавершенное распределение мандатов в Конституционной Ассамблее и, как следствие, затягивание процесса разработки и принятия основного документа страны, высокая вероятность переизбрания Конгресса в июле 2014 г., конфликты в руководстве вооруженными силами Ливии¹², не представляющими монолитной, хорошо организованной структуры, способной обеспечить национальную безопасность, – все это свидетельствует об эрозии центральной власти, чья слабость побуждает к сепаратизму отдельные регионы и угрожает появлением на карте новых политических образований.

Ливия далека от стабильности, создания устойчивых демократических институтов. Внутренние противоречия и три года существования в атмосфере беззакония и анархии не позволяют ей выйти на новый этап своего развития и достичь целей, поставленных революцией 2011 г. Лидеры, провозгласившие курс на смену диктаторского режима М. Каддафи, оказались не в состоянии сохранить установленный межплеменной баланс сил, а также общественный консенсус относительно распределения доходов от продажи энергоресурсов и обеспечения прав национальных меньшинств.

Представители новой элиты являются продуктами западной политической мысли, им сложно реализовать свои представления о должном государственном устройстве в стране, где наблюдается недостаточный уровень политической культуры населения, а наличие организованной преступности и многочисленных вооруженных группировок требует принятия решительных мер, не всегда согласующихся с либеральными ценностями. Таким образом, можно полностью согласиться с мнением Специального посланника Генерального секретаря ООН по Ливии (МООНПЛ) Иана Мартина: «Прежний режим свергнут, но суровая реальность заключается в том, что народ продолжает жить с укоренившимся наследием этого режима»¹³.

---

¹² Engel A. Libya's Divided Security Establishment: Who Commands? // War on the Rocks. 20.02.2014. URL: <http://warontherocks.com/2014/02/libya-divided-security-establishment-who-commands/> (дата обращения: 12.03.2014).

¹³ Ливия переживает сложный период преобразований // Центр новостей ООН. 25.01.2012. URL: <http://www.un.org/russian/news/fullstory-news.asp?newsID=16850> (дата обращения: 05.03.2012).

КОНЦЕПЦИЯ «ИСЛАМСКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ» АЯТОЛЛЫ АЛИ ХАМЕНЕИ

А.В. Баранов

Саратовский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра истории нового и новейшего времени
E-mail: baranovav@mail.ru

Статья посвящена анализу теоретической концепции «Исламского пробуждения», предложенная аятоллой Али Хаменеи для трактовки современных событий в регионе Ближнего Востока. На основе исследования официальных высказываний аятоллы Хаменеи, анализируются теоретические основы внешнеполитической доктрины Исламской Республики Иран на современном этапе по вопросам региональной системы безопасности и панисламского сотрудничества.

Ключевые слова: Ближний Восток, Иран, «Арабская весна», «Исламское пробуждение», «Исламская революция», внешняя политика Ирана, Хаменеи.

THE CONCEPT OF «ISLAMIC AWAKENING» OF AYATOLLAH ALI KHAMENEI

A. V. Baranov

Saratov State University

This article analyzes the theoretical concept of "Islamic awakening," proposed by the Ayatollah Ali Khamenei for the interpretation of the current events in the Middle East after 2011th year. Based on the study of the official statements Ayatollah Ali Khamenei, analyzes the theoretical basis of the doctrine of foreign policy of the Islamic Republic of Iran at the present stage for regional security cooperation and pan-Islamic.

Key words: the Middle East, Iran, Arab Spring, Islamic awakening, Islamic revolution, Ayatollah Ali Khamenei, foreign policy of Iran.

Концепция «Исламского пробуждения» появилась как альтернатива «Арабской весне», охватившей страны арабо-исламского мира с января 2011 года. Происхождение термина восходит к трудам аятоллы Рухоллы Хомейни, ставшего главным идеологом и «основателем» Исламской Республики Иран. Термин «арабская весна» в Иране не получил распространения, т.к. он ассоциируется с ярко выраженной национальной окраской и светским характером дви-

жений. При этом нужно отметить, что впервые термин «Исламское пробуждение» для характеристики событий в арабском мире, был применен аятоллой Али Хаменеи в своей пятничной проповеди в Тегеранском университете 4 февраля 2011 г.: «Сегодняшние события в Северной Африке, Египте, Тунисе и некоторых других странах имеют для нас особое звучание и значение. Это – Исламское пробуждение»¹. После чего он получил широкое признание среди иранских исследователей².

Затрагиваемая тема важна и интересна тем, что на фоне активной трансформации расклада сил в регионе Ближнего Востока, неизбежно встанет вопрос о его дальнейшем формате и пути развития. В этом отношении, вполне вероятно, что при известных условиях, влияние Ирана в регионе может серьезным образом измениться. Следовательно, анализ внешнеполитических концепций, формируемых внешнеполитическую доктрину данной страны на современном этапе, будет представлять огромный интерес для всех участников «ближневосточного концерта».

Исламская Республика Иран, претендующая на роль регионального лидера, уделяет пристальное внимание ситуации и анализу дальнейших вариантов развития региональных народных движений. На протяжении 2011–2013 годов Тегеран инициировал три международные конференции по проблемам Исламского пробуждения – 17–18 сентября 2011 г., 11–12 декабря 2012 г. и 29–30 января 2013 года. На всех трех конференциях с программными речами выступил Рахбар (Лидер Исламской Революции) аятолла Али Хаменеи, являющийся идейным приемником имама Хомейни. Учитывая ту роль, которую играет и место, занимаемое фигурой Рахбара в политической структуре Ирана, заявления аятоллы Хаменеи заложили идеологическую основу концепции «Ислам-

---

¹ Friday prayers at Tehran University // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7774> (дата обращения: 16.11.2012).

² *Haji-Yousefi, Amir Mohammad. Iran and the 2011 Arab revolutions: perceptions and actions // Discourse: An Iranian Quarterly. Vol. 10. № 1–2. Winter-Spring, 2012; Barzega K. Arab Uprising and the Changing Geopolitics in the Middle East // Discourse: An Iranian Quarterly. Vol. 10. №. 1–2. Winter-Spring, 2012; Torabi G. Arab revolutions and Iran's security // Discourse: An Iranian Quarterly. Vol. 10. №. 1–2. Winter-Spring, 2012.*

ского пробуждения». Тем более что ни одно важное решение в Исламской Республике не может быть принято без его согласия³.

Выдвигая концепцию «Исламского пробуждения» аятолла Хаменеи стремился избежать критики со стороны мирового сообщества о вмешательстве во внутренние дела соседних стран и в поддержке антиправительственных выступлений. Хаменеи выдвинул концепцию, пытаясь продемонстрировать, что это не стремление иранских властей искусственно революционизировать мусульманский мир Ближнего Востока, а наоборот, процесс был вызван внутренними причинами и самим ходом развития данных обществ. «Американские власти представляют ИРИ в качестве главной причины своих неудач, хотя на самом деле, причина кроется в пробуждении и в том, что народы этих стран отстаивают правое дело». «Влияние и сила ИРИ в регионе и среди народов проявляется посредством духовного воздействия, оказывающее Исламской системой на пробуждающиеся народы региона, <...>, и Америка ничего не сможет поделать с этим»⁴.

По заявлениям аятоллы Хаменеи наблюдаемые народные движения вызваны объективными внешними и внутренними причинами развития самих исламских народов, которые объединились под общими лозунгами борьбы. Хаменеи выразил уверенность, что проблемы региона можно решить, только положив конец вмешательству со стороны США в дела народов региона. Пробуждение некоторых народов региона демонстрирует тот факт, что люди видят выгоды предоставляемые учением Ислама и Пророка. Исламское Пробуждение, наблюдаемое сегодня в Тунисе и Египте – это знак их недовольства от унижения и угнетения. Вмешательство же со стороны Великих держав, в особенности, США, в социальные, экономические, культурные и общественные дела региональных стран привело к росту недовольства в этих странах, и заставило искать выход из создавшегося положения.

Хаменеи уверен, что американцы попытаются держаться по-прежнему от этого движения. «Но это им не удастся, так как народы региона уже признали тот факт, что именно политика Америки и

---

³ Юрченко В.Н. А. Хаменеи о структуре современного мира через призму проблемы прав человека // Ближний Восток и современность. Сб. ст. М., 2009. Вып. 40. С. 264.

⁴ IR Leader urges people to keep vigilance // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7723> (дата обращения: 09.01.2011).

ее марионеток являются главной причиной унижений и раздоров, сотрясающих регион»⁵.

Общий настрой народных масс можно охарактеризовать как антиамериканский (более широко как антизападный), антисионистский и демократический, направленный против коррумпированных и диктаторских режимов. В этом плане можно согласиться с выводами, сделанным одним из ведущих российских востоковедов – Г.И. Мирским: «Вполне закономерно, что на первых же свободных выборах и в Египте, и в Тунисе, и в Марокко, и в Кувейте (а еще раньше, в 2006 г. и на территории Палестинской автономии) исламисты одержали победу. Ведь альтернативной идеологии, способной привлечь пробудившиеся массы, просто нет. Демократические идеи скомпрометированы как провальным опытом создания карикатурных копий западных политических систем впервые годы после достижения независимости, так и ассоциацией с Западом, вчерашним угнетателем и сегодняшним интервентом (Ирак, Афганистан, Ливия)»⁶.

Первой страной, решившей порвать с унижительной зависимостью от Запада и свергнуть прозападный режим, был Иран. «Не может быть сомнений в том, что Исламская революция в Иране стала очередным звеном событий, приведших к нынешней ситуации в Исламском мире», уверен Хаменеи. Иран, таким образом, стал образцом для подражания всем, кто стремится к достижению таких целей, как независимость, процветание, национальное достоинство. «Факт заключается в том, что иранский народ доказал возможность двигаться по пути прогресса без помощи со стороны Америки, или другой какой-либо державы, и даже вопреки тем препятствиям, которые ими создаются»⁷.

Поэтому мусульманские народы региона, объединившиеся под антиамериканскими и антиправительственными лозунгами, разочаровавшиеся в прозападном векторе развития своих стран, неизбежно обратятся к своим первоисточкам, а именно к идеалам Ислама и Исламской революции. Уже в своей речи перед офи-

---

⁵ Supreme Leader Calls on Muslim Nations to End America's Interference // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7829> (дата обращения: 21.02.2011).

⁶ Мирский Г.И. Международные отношения на Ближнем Востоке // Азия и Африка в современной мировой политике. М., 2012. С. 91.

⁷ Imam Khomeini, father of Islamic Awakening // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9483> (дата обращения: 25.11.2012).

церским составом ВВС ИРИ, 8 февраля 2011 г., аятолла Али Хаменеи впервые заявил: «ИРИ духовно и материально может стать моделью для других наций»⁸. Так как, по его же словам, Исламская революция в Иране имела своей характерной чертой сохранение иранского народа на его первоначальных, исламских принципах и ценностях. Ислам является краеугольным камнем этих ценностей и принципов, легших в основу независимости, свободы, материального прогресса и национального единства.

Данная риторика прослеживается в речах и выступлениях аятоллы Хаменеи и в дальнейшем. Однако, признание Ирана в качестве модели для всех исламских стран, вовсе не означало, что в странах региона, в результате победы движений Исламского пробуждения будут установлены государства по иранскому образцу. Эту идею отвергает и сам аятолла Хаменеи, заявив, в частности перед представителями дипкорпуса ИРИ 28 ноября 2011 г.: «Каждая нация имеет собственные национальные ценности, и, несмотря на общие корни мусульманских народов, нет определенного образца, которому они должны следовать в свете своих географических или иных предпочтений»⁹. Это значит, что правительства на местах сами будут определяться с политическим строем, тогда как Иран будет выполнять некий зримый пример для подражания и руководства.

Помимо наглядного примера существования Исламской Республики Иран, основным источником для Исламского пробуждения, по мнению аятоллы Хаменеи будет служить Ислам и священная книга мусульман – Коран. В этом отношении, что характерно, он всегда в своих выступлениях ссылается на аяты Корана, который предписывает правоверным мусульманам взять определение судьбы в свои руки, как сделал это иранский народ. Так, выступая 5 июля 2011 г. перед участниками 28-го Международного конкурса знатоков Корана, Рахбар заявил, что иранский народ своей революцией, следовавшей по пути Аллаха, доказал верность пророчества в Священном Писании: «Истинно, Аллах не сможет изменить условия народа, пока он сам не изменит то,

---

⁸ Speaking to a large group of commanders and staff of the IRI Army Air Force // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7790> (дата обращения: 16.11.2012).

⁹ Meeting with young Muslims from 73 countries // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9066> (дата обращения: 28.11.2012)

что в них самих»¹⁰. «Это было определено чудо, что Иран превратился во властный полис борьбы против империализма и сионизма, исходящих от США и Сионистского образования. Он смог осуществить пророчество Всевышнего о поддержке, закрепленное в Коране», заявил Рахбар¹¹.

Анализируя далее истоки современного Исламского пробуждения, аятолла Хаменеи заявляет о том, что они имеют давнюю историю. «Идеологически движение уходит своими корнями в историю, которой уже более 150 лет, когда многочисленные интеллектуалы и богословы из Египта, Индии, Ирака и других стран Азии и Африки выступили провозвестниками и пионерами исламского движения»¹². И в качестве основных идеологов, выступавших с идеями необходимости реформирования Ислама, аятолла Хаменеи называет целый ряд имен: Сайид Джамаль ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад Абдо, Мирза-е Ширази, Ахунд-э Хорасани, Махмуд аль-Хассан, Мухаммад Али, Шейх Фазлолла, Хадж Ага Нуурулла, Абуль Аля Маудуди и десятки известных, великих муджтахидов из Ирана, Египта, Индии и Ирака. Наряду с богословами есть и светские реформаторы, такие как Хасан аль-Банна и Икбал Лахори¹³.

Но по признанию самого аятоллы Хаменеи самое мощное воздействие на формирование идей, легших в основу Исламского пробуждения, стало теоретическое наследие Имама Хомейни. Выступая на церемонии поминовения Имама Хомейни 4 июня 2011 г., Хаменеи впервые открыто заявил, что нынешнее Исламское пробуждение в регионе есть реализация предсказаний Имама Хомейни¹⁴. А главным трудом является «Завещание», которое было охарактеризовано Рахбаром, как полный свод ценностных

---

¹⁰ Коран (13:11).

¹¹ Regional uprising proves Koran promises are credible // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8291> (дата обращения: 05.07.2011).

¹² West seeks to defeat Muslim's revolutions // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8585> (дата обращения: 16.11.2012).

¹³ Supreme Leader's Speech at Inauguration of Islamic Awakening and Ulama Conference // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=10574> (дата обращения: 29.04.2013).

¹⁴ Palestine belongs to Muslims in its entirety // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8152> (дата обращения: 19.11.2012).

ориентиров общества, которое тот стремился построить. Аятолла Хаменеи призвал постоянно следовать заветам этого Завещания, добавив, что: «Заявления и труды Имама – это основа Революции, не какие-то выдумки, которые могут быть изменены или искажены»¹⁵.

Одним из центральных принципов, положенных в основу «Исламского пробуждения», согласно аятолле Хаменеи, является достижение подлинной, а не фиктивной, независимости. Осуществление данного принципа позволит мусульманским народам на практике, а не на словах: возродить и восстановить национальное достоинство и уважение, которые были нарушены и попорчены во время долгих лет диктаторских и коррумпированных правлений, и политического доминирования Америки и Запада; поднять знамя Ислама, которое является символом глубокой веры и давней привязанности народа, способного наслаждаться плодами мира, справедливости, прогресса и процветания под сенью исламского шариата; сопротивляться влиянию и доминированию США и Европы, наносящее великое опустошение и унижение народам этих стран на протяжении последних 200 лет; противостоять узурпаторскому и фиктивному Сионистскому режиму¹⁶.

В исламском мире уже есть пример государства, проводящее подлинно независимую, самостоятельную политику – это Иран. Именно Иран продемонстрировал то, что Исламская революция 1979 г. положила конец двухвековому национальному унижению иранского народа, что именно стараниями Имама Хомейни, в сердце иранского народа была укоренена мысль о том, что «да, мы можем»¹⁷.

Необходимо полностью порвать путы европоцентризма, игнорирующие достижения исламской цивилизации. По мнению аятоллы Хаменеи это прослеживается даже в географии региона. «Я категорично выступаю против именованя нашего региона Ближним Востоком, также как и остальные части – Средним и Дальним Востоком. Дальним от кого? От Европы. Ближним к кому? К Европе. Эти наименования просто означают, что Европа по-прежнему является центром мира. Применительно к Европе,

---

¹⁵ Supreme Leader Meets with Government Officials // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=10877> (дата обращения: 14.07.2013).

¹⁶ West seeks to defeat Muslim's revolutions // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8585> (дата обращения: 16.11.2012).

¹⁷ Imam Khomeini, father of Islamic Awakening // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9483> (дата обращения: 25.11.2012).

это действительно так, но в отношении нас – это некорректно. Мы о себе должны говорить «Западная Азия», а не «Ближний Восток»¹⁸.

Не менее важная проблема, стоящая на пути независимости и самостоятельности мусульманских народов, является укоренившееся в сознании исторически сложившейся зависимости от Запада, которое оскорбляет чувства правоверных мусульман. Суть проблемы, согласно аятолле Хаменеи, заключается в том, что у современной мусульманской молодежи (даже в современном Иране!) все еще сохраняется чувство, что «нам необходим Запад, чувство нашей неполноценности по отношению к Западу»¹⁹. И этим чувством неуверенности в собственных силах, чувством неполноценности, без сомнения, воспользуется противник.

На протяжении всего периода истории взаимоотношений, мира Ислама со странами Запада, в особенности в последние два века, мусульмане получили крайне негативный опыт. Аятолла Хаменеи призывает учитывать «печальный и шокирующий опыт Запада в политике, поведении и образе жизни. Мусульманские страны и так долгое время терпели долгие периоды смут, политическую зависимость, унижение, экономический грабеж, бедность, упадок моральных принципов, постыдную научную отсталость. И это все на фоне яркой и славной истории Исламской уммы в прошлом»!²⁰

Однако проведение самостоятельной внешней политики будет недостижимой целью без «достижения полной самодостаточности»²¹. «Если процветает национальное производство», заявил аятолла Хаменеи в речи перед высшими государственными чиновниками 3 апреля 2012 г., «большинство нападков врагов, без сомнения, будут тщетны. К тому же процветание национального производства является ключом к решению проблемы инфляции и безработицы, а также это усиливает национальную экономи-

---

¹⁸ Supreme Leader's Speech to Professors // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9656> (дата обращения: 29.11.2012).

¹⁹ Supreme Leader Meets with Teachers and Professors of North Khorasan // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=10017> (дата обращения: 11.10.2012).

²⁰ Supreme Leader's Speech at Inauguration of Islamic Awakening and Ulama Conference // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=10574> (дата обращения: 29.04.2013).

²¹ Leader: sanctions cannot last long // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8517> (дата обращения: 16.11.2012).

ку»²². Необходимо всемерно, на государственном уровне, поддерживать национального производителя и банковский сектор, «запрещая импорт аналогичной продукции из иностранных стран»²³.

Именно иранский народ, в результате Исламской революции 1979 года, «доказал возможность двигаться по пути прогресса без помощи со стороны Америки, или другой какой-либо державы, и даже вопреки тем препятствиям, которые ими создаются». По словам аятоллы Хаменеи, никакие санкции не смогут остановить прогресс народа, и что санкции могут привести только к росту негодования со стороны народа против западных держав²⁴.

Политическое и экономическое возрождение не может быть достигнуто без соответствующей объединяющей идеи. Поэтому аятолла Хаменеи выдвигает в качестве основной цели Исламского пробуждения – сделать ислам и шариат центром жизнедеятельности людей. «Существует распространенная точка зрения, что шариат не сопоставим с прогрессом, переменами и цивилизацией». Такая же точка зрения существует и в отношении ислама. «Очень важно продвигать идею, что ислам дает ответы на все потребности человека»²⁵. Священный Коран, по заявлению аятоллы Хаменеи, может выполнить все человеческие потребности и стать путеводной звездой для человечества, отдельно подчеркнув, что все слабости и проблемы мусульманских народов могут быть исправлены посредством обращения к Священному Корану²⁶.

По уверениям аятоллы Хаменеи необходимо вернуться к истинному Исламу, незамутненному современными извращениями. «Они (враги) не боятся такого ислама, который основан на деньгах, коррупции, аристократии, ислама, который не поддерживает большинство народа. Но они дрожат от страха, когда видят ислам, поддерживаемый большинством народа и который основан на действии, преданности Аллаху и божественном от-

---

²² Leader emphasizes national production // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9308> (дата обращения: 25.11.2012).

²³ Elites hold key to Iran's success, progress // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8652> (дата обращения: 15.11.2012).

²⁴ Imam Khomeini, father of Islamic Awakening // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9483> (дата обращения: 25.11.2012).

²⁵ Supreme Leader Meets with Participants of International Conference on Islamic Awakening // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=10215> (дата обращения: 11.12.2012).

²⁶ 'Islamic Revolution, step toward Quran' // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8423> (дата обращения: 22.11.2012).

кровении»²⁷. Именно такой – возрожденный и народный Ислам, по своей природе, выступает против угнетения, за независимость, уважение достоинства человека, защиту угнетенных народов, за всесторонний подход в развитии.

Ислам должен прийти на смену скомпрометировавших себя прозападных режимов, которые были сметены народными революциями. Это позволило аятолле Хаменеи утверждать о наступившем кризисе всей западной цивилизации. На проблеме кризиса западной цивилизации и ее системы ценностей он останавливается довольно подробно, видя в этом одну из важнейших причин массовости антиправительственных манифестаций, направленных, в частности, и против той политики, которую проводили региональные режимы. Все попытки, предпринимаемые местными властями в последние несколько десятилетий, заимствовать идеи марксизма, либеральной демократии или светского национализма, оказались отторгнуты обществом, чьи жизненные ориентиры, в большинстве, определяются принадлежностью к исламскому миру. Аятолла глубоко убежден в том, что западная концепция материалистической цивилизации не может дать счастья и процветания всему человечеству, западное общество тяжело страдает от отсутствия морали, пренебрежениями божьими заповедями, отсутствием доступности к благам цивилизации, попранием принципов семьи²⁸.

Поэтому, в качестве альтернативы, на смену должны прийти системы – политическая и социальная – в основе которых будут лежать исламские принципы. На сегодняшний день уже есть пример реального воплощения подобных систем, которые функционируют в Исламской Республике Иран. Это исламская демократия и исламское общество.

Касательно первого положения об исламской демократии, Хаменеи уверен, что: «Власть без опоры на религию, ведет к тирании и насилию»²⁹. Власть должна строиться на принципах Исламской демократии, т.е. правители должны избираться народом,

---

²⁷ Supreme Leader Meets with Participants of International Conference on Islamic Awakening // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=10215> (дата обращения: 11.12.2012).

²⁸ Meeting with the Iranian Air Force personnel on the anniversary of brave action of the Air Force // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9121> (дата обращения: 08.02.2011).

²⁹ Elites hold key to Iran's success, progress // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8652> (дата обращения: 15.11.2012).

а общество должно опираться на принципы и ценности исламского знания и шариата³⁰.

Особую роль в исламской системе играет концепция *Вилаят-э факих*, а также место в этой концепции Лидера (Рахбара). Хаменеи отверг принцип «*Mutlaqeh (absolute)*» в концепции *Wilayat-e Mutlaqeh Faqih*, которая якобы дает возможность факиху игнорировать положения Конституции. Хаменеи отметил, что в соответствии с установками имама Хомейни, в соответствии с принципом *Wilayat-e Faqih*, Лидер может и потерять свой пост, утратив квалификацию.

Лидер Исламской революции определяет стратегические ориентиры макроразвития, что отличается от компетенций исполнительной ветви власти или прямой ответственности трех ветвей власти в Исламском правлении. Лидер, в соответствии с положениями Конституции, надзирает за деятельностью властей и является гарантом развития системы. Также неверно утверждение, что якобы Лидер имеет право приоритетного «голоса» в решении дел, касающихся компетенции исполнительной, законодательной и судебной власти. «Они должны сами принимать решения, не оглядываясь на Лидера, так как ему не позволено вмешиваться в решение текущих дел, за исключением случаев, когда деятельность властей может привести к отступлению с пути Революции», сказал Хаменеи³¹.

Политическая система должна опираться на соответствующую социальную модель. Затрагивая данную тему в своих выступлениях, аятолла Хаменеи особо подчеркивает, что концепции и характерные черты Исламской уммы нельзя путать с западными доктринами, так как концепты справедливости, свободы и человеческого достоинства имеют глубокие отличия в понимании и практике их претворения в Исламском обществе³².

Западные концепции восприятия уже доказали проблематичность их использования в исламском обществе как в прошлом, так и в настоящем. Для исламского общества должны применяться определения, дающиеся в кораническом изложении, а не в западной интерпретации. Несоответствие этих подходов в ислам-

---

³⁰ West seeks to defeat Muslim's revolutions // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8585> (дата обращения 16.11.2012).

³¹ IRI will robustly counter any conspiracy // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8734> (дата обращения: 16.10.2011).

³² Ibid.

ском мире ярко проявилось в развитии ситуации в Афганистане, Ираке, Ливии и многих других странах.

Аятолла Хаменеи определил «Исламское общество» как общество, в котором великие устремления и чаяния всего человечества будут материализованы, а именно – справедливость, свобода, эффективное участие масс в решении своей судьбы, достижение национального достоинства и благосостояния для широких масс, уничтожение бедности и голода, достижение социокультурных и политико-экономических преимуществ. Аятолла отметил, что конечной целью Исламского общества является помощь людям в достижении духовного совершенства и подчинение воле Всевышнего, добавив, что построение такого общества естественным образом приведет к образованию Исламской уммы. С помощью веры, знаний, этики и духа самосовершенствования, исламская цивилизация может даровать эффективную идею гуманитарного развития. Предоставить достойный кодекс поведения для исламской уммы и всего человечества. Это станет точкой отсчета освобождения от материалистического и угнетающего состояния человеческой души, извращенного кодекса поведения, что является основами нынешней Западной цивилизации³³.

Плоды победы движения Исламского пробуждения, по мнению аятоллы Хаменеи, можно будет сохранить только при достижении единства всех мусульманских народов. Так, на встрече с суданским президентом Омаром аль-Башаром, 26 июня 2011 г., Хаменеи, в присутствии М. Ахмадинежада, заявил, что нынешние народные движения в регионе являются началом больших изменений в исламских странах. Он выразил надежду, что в скором времени сформируется сильный Исламский альянс в Северной Африке³⁴. А с разрастанием движения на все страны региона, аятолла стал утверждать об «острой потребности в единстве всего мусульманского мира»³⁵.

Проблема достижения и сохранения единства мусульман становится важной составляющей Исламского пробуждения. Ая-

---

³³ Supreme Leader's Speech at Inauguration of Islamic Awakening and Ulama Conference // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=10574> (дата обращения: 29.04.2013).

³⁴ West in fear about a Libyan Islamic gov't // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8222> (дата обращения: 21.11.2012).

³⁵ Islamic Ummah in dire need of unity // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9094> (дата обращения: 23.11.2012).

толла часто в своих речах выступает с предостережениями по этому поводу. «Нужно быть готовыми к тому, что Запад будет постоянно плести интриги против мусульманских народов региона, с целью затормозить или изменить общий вектор развития движения Исламского пробуждения. Против всех козней Запада Мир Ислама может выстоять, только объединившись, отложив свои распри»³⁶. Наибольшую опасность, в этом случае, представляют расхождения в учении между суннитами и шиитами. «В действительности, и шииты, и сунниты имеют одного общего врага, с кознями которого ИРИ уже успешно борется на протяжении всего срока существования Исламской Республики»³⁷. Поддаться на провокации врага означает погружение региона в хаос братоубийственной войны в угоду чуждым для мусульманских народов интересам нерегиональных держав и Сионистского режима.

Единственный зримый и действенный способ объединить все мусульманские народы региона – это достижение окончательного разрешения проблемы Палестины. «Основной вопрос мира Ислама – это вопрос священного Кудса (арабское название Иерусалима) и угнетенной Палестины, которая вновь выдвинулась на первое место благодаря Исламскому пробуждению. Все мусульманские народы, правительства и влиятельные политические лидеры, должны быть готовы выступить против опасных заговоров, стремящихся скрыть главный вопрос для мусульман и создать иллюзии, посредством которых стремятся посеять раскол в исламской умме» – заявил аятолла на встрече с членами правительства и иранскими послами, 19 августа 2012 г. «Это центральный вопрос, который не должен замалчиваться или игнорироваться, потому что многие проблемы мира Ислама вызваны существованием Сионистского режима»³⁸.

Проблема Палестины должна решаться справедливо – всеми палестинцами. «Все палестинцы – как нынешние граждане Палестины, так и те, кто был вынужден мигрировать в другие страны,

---

³⁶ Regional movements, anti-US, anti-Zionist in nature // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8268> (дата обращения: 21.11.2012).

³⁷ Enemies fear Iran's leading role in region // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8772> (дата обращения: 14.11.2012).

³⁸ Supreme Leader Urges Vigilance Against Enemy Plots // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9676> (дата обращения: 19.08.2012).

но сохраняют свою палестинскую идентичность, включая мусульман, христиан и евреев – должны принять участие в открытом и доверительном референдуме для избрания политической системы своей страны. Все палестинцы, которые на протяжении многих лет терпели лишения изгнания, должны вернуться в свою страну и принять участие в референдуме, а затем помочь с составлением проекта Конституции и проведении выборов. Мир в итоге придет» – уверен аятолла Хаменеи³⁹. В противном случае продолжится и далее бесперспективное противостояние между сионистами и палестинцами.

И последнее, на чем необходимо остановиться, когда речь заходит о движении Исламского пробуждения – это о длительности данного процесса. Касаясь данного вопроса в своих выступлениях, аятолла Хаменеи предупреждает, что «после свержения коррумпированного диктатора, может появиться чувство, что работа сделана, а это приведет к уменьшению мотивации народа на дальнейшие преобразования революции»⁴⁰. Поэтому сам факт изменения политического строя в стране, на самом деле, это только начало длительного процесса коренных преобразований в соответствии с идеями Исламского пробуждения. В качестве примера таких преобразований приводится Иран, в отношении которого аятолла Хаменеи заявил следующее: «Если мы сравним наши достижения с периодом тагута (период шахского правления в Иране), то эти достижения выглядят значительными. Но если мы сравним наше нынешнее состояние с условиями идеального Исламского Ирана, а именно с обществом, в котором наслаждаются достоинством, богатством, моралью, набожностью и духовностью, то нам еще, определенно, предстоит преодолеть длительный путь развития»⁴¹. Отсюда следует, что период этих преобразований не имеет четких хронологических рамок и будет определяться спецификой конкретных стран и народов. Но аятолла Хаменеи убежден, что данная идео-

---

³⁹ Supreme Leader's Inaugural Speech at the 16th Non-Aligned Summit // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9708> (дата обращения: 30.08.2012).

⁴⁰ West seeks to defeat Muslim's revolutions // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8585> (дата обращения: 16.11.2012).

⁴¹ Supreme Leader: "I Do Not Favor Any Candidate" // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=10768> (дата обращения: 04.06.2013).

логия неизбежно выйдет за рамки региона и распространится в других частях мира⁴².

Подводя итоги краткого анализа основных положений концепции Исламского пробуждения, сформулированных Рахбаром аятоллой Али Хаменеи, первое, на что следует обратить внимание, это стремление иранских властей предложить идеологию народным антиправительственным движениям в регионе, чтобы превратить их в движения политического ислама. Сам аятолла не скрывает этой цели, заявляя, что достижение этой цели будет выгодно Ирану. «Иран должен рассматривать себя как потенциальную модель и возможный источник оказания помощи другим мусульманским государствам. Если другие народы воспримут опыт иранского народа, это принесет выгоду не только Ирану, но и региональным странам, т.к. будет образована единая мусульманская нация»⁴³.

Разыгрывая карту «столкновения цивилизаций», Иран тем самым, стремится встать во главе объединенного на основах ислама, единого мусульманского, а не только арабского, мира. Насколько оправданы будут данные ожидания, покажет ближайшее будущее. Но факт, остается фактом, исламисты всех оттенков стали активно выходить на политическую арену региона представляя собой действенную и мощную силу. Кто сможет (и сможет ли в действительности) оказаться во главе данного движения, тот, бесспорно, будет влиятельной региональной державой. Так что в краткосрочной перспективе мы станем свидетелями новых столкновений интересов в этом беспокойном, стратегическом регионе мира, где Иран уже не будет являться изгоем, находящимся в политической изоляции.

---

⁴² Vigilance movements to continue to very heart of Europe // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8049> (дата обращения: 04.05.2011).

⁴³ Leader: IRI never gives in to extortion // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8757> (дата обращения: 14.11.2012).

БИОГРАФИКА

УДК 94 (4) [653]:303.446.4Стам

СТРАНИЦА ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ С.М. СТАМА

А.Н. Галямичев

Саратовский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра истории Средних веков
E-mail: galyamichev57@mail.ru

В статье рассматривается важная страница творческой биографии видного российского исследователя истории средних веков и культуры Возрождения С.М. Стама – история создания первой специальной работы в области ренессансистики. Публикуется текст статьи С.М. Стама о Леонардо да Винчи.

Ключевые слова: С.М. Стам, Леонардо да Винчи, культура Возрождения, историческая наука в Саратовском университете.

PAGE OF THE CREATIVE BIOGRAPHY OF S.M. STAM

A.N. Galymichev

Saratov state university

The article considers important page of the creative biography of the prominent Russian researcher of history of middle ages and the Renaissance culture S.M. Stam – history of creation of the first special work in the field of renaissance style. Is published the text of article of S.M. Stam about Leonardo da Vinci.

Key words: S.M. Stam, Leonardo da Vinci, Renaissance culture, science of history at Saratov University.

Настоящая публикация призвана пролить свет на один из важных эпизодов творческой биографии видного российского историка, Заслуженного профессора Саратовского государственного университета, в течение сорока двух лет заведовавшего кафедрой истории средних веков – Соломона Моисеевича Стама (1913–2000).

Значение этого эпизода сам С.М. Стам на страницах своих воспоминаний определяет как «поворотная веха, которая поведёт меня на трудный, но неудержимо влекущий путь научной ренес-

сансистики»¹. Посвятив этому эпизоду специальный раздел воспоминаний, С.М. Стам подробно рассказывает об истории написания им статьи о творчестве Леонардо да Винчи², увидевшей свет на страницах саратовской областной газеты «Коммунист» 15 апреля 1952 г. — в день 500-летия со дня рождения Великого Флорентийца.

Как вспоминает историк, статья была написана «в порядке партийной дисциплины», по настоятельной просьбе тогдашнего парторга кафедры истории средних веков Саратовского университета, видного историка-британиста Марии Моисеевны Ябровой, отвечавшей за выполнение плана «юбилейных мероприятий».

Это был тот самый Его Величество Случай, который помог историку определить направление своих научных исканий, освободиться от невольной робости и сомнений. С.М. Стам вспоминал: «Живейший интерес к изобразительному искусству возник у меня ещё в мальчишеские годы, когда я больше всего полюбил школьные уроки рисования. А когда в 1926 году я впервые приехал на неделю в Москву, меня пленила Третьяковка, и совершенно околдовал Музей изобразительных искусств. Но всё это оставалось где-то в глубине сознания, в запасниках памяти и негаснущего интереса»³.

Получив предложение написать статью о Леонардо да Винчи, С.М. Стам попытался возразить парторгу кафедры: «Мария Моисеевна, я очень ценю творчество этого гениального художника, я люблю его, но научно я его не знаю. Я могу то же сказать о всей культуре Возрождения: я люблю её, меня к ней влечёт, но необходимыми знаниями, чтобы писать о ней научно я, к сожалению, не обладаю»⁴.

Однако настойчивость М.М. Ябровой оказалась сильнее сомнений С.М. Стама. «Пришлось на время отказаться от моей урбанистики⁵ и погрузиться в проблематику ренессансного гуманизма, искусства Высокого Возрождения и, главное, попытаться раскрыть идейное содержание искусства великого Леонардо, —

---

¹ Стам С.М. Моя жизнь, учителя, друзья и наука. Саратов, 2009. С. 228.

² Там же. С. 226-229 (раздел «Ещё один поворот»).

³ Стам С.М. Отчёт историка-медиевиста о моих великих учителях и моих трудах на научном поприще // Средневековый город. Саратов, 2007. Вып. 18. С. 32-33.

⁴ Стам С.М. Моя жизнь, учителя, друзья и наука. С. 227.

⁵ В начале 1950 гг. С.М. Стам начинал работу над докторской диссертацией. См.: Стам С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI-XIII вв.). Саратов, 1969.

вспоминал историк. – Я постарался сделать всё, что мог. Через неделю появилась статья. Достаточно популярная, но моя»⁶.

Статья С.М. Стама была опубликована на страницах областной газеты, хотя в распоряжении редколлегии имелась другая статья к юбилею Леонардо да Винчи, присланная из Москвы⁷. С тех пор она ни разу не переиздавалась и даже ни разу не упоминалась в списках его трудов. В связи с этим представляется уместным опубликовать её в специальном научном издании.

Леонардо да Винчи. К 500-летию со дня рождения

Гениальный итальянский художник, учёный и мыслитель Леонардо да Винчи принадлежит к той замечательной плеяде великих деятелей культуры прошлого, чьё бессмертное наследие близко и дорого всему прогрессивному человечеству. Вот почему Всемирный Совет Мира решил наряду с другими знаменательными датами отметить во всех странах мира 500-летие со дня рождения Леонардо да Винчи.

Великий художник творил в переломную для Европы эпоху. Это было время, когда заколебалось мрачное господство феодализма, когда человечество стало сбрасывать тяжёлые путы средневековья, сковывавшие его экономическое и культурное развитие. Экономические сдвиги вызвали широкое культурное движение, вошедшее в историю под названием Возрождения.

Эпоха Возрождения характерна переворотом во всех областях культуры – в литературе, искусстве и науке. На место аскетического равнодушия и презрения к «греховному» человеку Возрождение выдвинуло горячий интерес к человеку, к здоровому и прекрасному человеческому телу, к человеческим переживаниям. На место схоластического догматизма и пренебрежения к природе оно выдвинуло живую любознательность художника, пытлившую мысль экспериментатора и учёного. Против мистики, суеверия и невежества средневековья Возрождение выступало под знаменем реализма и рационализма. Борьба нового, передового против старого, реакционного пронизывала всю культуру. «Это

---

⁶ *Стам С.М.* Моя жизнь, учителя, друзья и наука. С. 227.

⁷ *Стам С.М.* Отчёт историка-медиевиста о моих великих учителях... С. 33.

был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством...», – указывал Ф. Энгельс.

Хотя в основе этого переворота лежало зарождение капиталистического способа производства, великие деятели эпохи Возрождения отнюдь не были буржуазно-ограниченными людьми. Они стремились не к буржуазной корысти, а к свободе, широкому развитию всех творческих способностей человека. Это была «...эпоха, – писал Ф. Энгельс, – которая нуждалась в титанах и породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учёности».

Крупнейший из таких титанов – Леонардо да Винчи. Его творческая деятельность отличалась необычайной разносторонностью. Великий художник, создавший шедевры реалистической живописи, был одновременно и скульптором, и архитектором, и замечательным учёным, давшим человечеству гениальные мысли в самых различных областях науки и техники, во многом предвосхитившим более поздние открытия.

Леонардо да Винчи родился в 1452 году в деревне Анкиано близ городка Винчи, неподалёку от Флоренции. Он был сыном нотариуса и простой крестьянки.

В 1466 году семья да Винчи переехала во Флоренцию – крупнейший промышленный город Италии, которая являлась в то время самой передовой страной Европы.

Здесь с рисунками подростка Леонардо познакомился виднейший живописец и скульптор тогдашней Флоренции Верроккио. Он был поражён их выразительностью и верностью. На редкость талантливый мальчик стал его учеником. Годы учения у Верроккио были весьма плодотворны. Следует иметь в виду, что средневековая живопись, развившаяся в тесных канонах иконописи, стояла страшно далеко от жизни, не знала перспективы, не умела правильно изображать натуру. Передовые художники раннего Возрождения, стремясь приблизить искусство к жизни, старались познать законы перспективы, выработать рациональные принципы реалистического искусства. Особенно много этим занимались тогда в мастерской Верроккио.

Юный Леонардо жадно наблюдал жизнь Флоренции и её людей, много рисовал и лепил. И когда Верроккио поручил написать ему фигуру ангела в его картине «Крещение», ангел оказался выразительнее остальных фигур картины. Ученик превзошёл своего учителя.

С первых же шагов самостоятельного творчества Леонардо да Винчи прокладывает в живописи новые пути. Он стремится полнее и глубже отразить в искусстве человека. Линейная перспектива получает в его картинах наиболее полное выражение. Намечается и воздушная перспектива: далёкие тела обволакиваются дымкой. Реализм поднимается на новую высоту, становится более глубоким и пластичным.

Леонардо создаёт двух своих замечательных «Мадонн»: «Мадонну с цветком» и «Мадонну Литта» (картины находятся в нашей сокровищнице искусства – Государственном Эрмитаже в Ленинграде). Они изображают юную мать – молодую флорентийку с младенцем на руках. Фигуры освободились от скованности и условности, которые были характерны для аналогичных изображений прежде. Правдиво переданы в этих картинах простые и глубокие человеческие чувства.

Наибольшего расцвета искусство Леонардо да Винчи достигает в Милане, куда он переехал в 1482 году, надеясь найти там более благоприятные условия для своего творчества. Здесь художник создаёт свою знаменитую фреску «Тайная вечеря». На картине не апостолы, – а простые, живые люди, разнообразные по облику и характерам. Их движения исполнены драматизма. Вся картина звучит как гневное осуждение чёрному делу измены.

В 1499 году, когда в Милан вторглись французские войска, художник покидает город. Начался длительный период его скитаний. Он живёт во Флоренции, в Риме, снова в Милане. Слава его гремит по всей Италии.

В 1503–1506 годах Леонардо да Винчи написал во Флоренции портрет Моны Лизы Джоконды. Эта картина – шедевр портретного искусства.

В отличие от портретов предшествующих художников, Леонардо да Винчи сумел не только точно передать индивидуальные черты, но и раскрыть через них внутренний мир человека, придать индивидуальному портрету широкую человеческую значимость.

В те же годы во Флоренции Леонардо да Винчи начал писать фреску «Битва при Ангиари». Ему удалось с потрясающей силой показать страшную ярость сражения, отвратительный лик войны, которую он ненавидел и называл «зверским занятием». Великий гуманист всю жизнь работал для мирного процветания человечества.

Последние три года своей жизни Леонардо да Винчи прожил во Франции. Он ещё работал, но силы оставляли его. Умер он 2 мая 1519 года.

Творчество Леонардо да Винчи явилось крупнейшим этапом в развитии искусства Возрождения и вошло в сокровищницу культурных достижений человечества. Оно помогло искусству освободиться от остатков средневековья, заложило основы нового стиля, получившего название «Высокого Возрождения». Оно подняло реализм в живописи на новую высоту, необычайно углубило его. Великий художник заложил основы психологического портрета, впервые ввёл реалистический пейзаж.

У Леонардо да Винчи много взяли такие корифеи искусства Возрождения, как Рафаэль, Тициан, Корреджио. Его влияние вышло далеко за пределы Италии. К нему тянулись наиболее передовые художники того времени в Германии, Нидерландах, Испании. Его творениями восхищались, их тщательно изучали такие великие живописцы, как Рубенс и Рембрандт.

Но значение Леонардо да Винчи не ограничивается областью искусства. Он «был не только великим художником, – писал Ф. Энгельс, – но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики».

Леонардо да Винчи был неустанным наблюдателем жизни, природы и людей, пытливым экспериментатором. В совершенном знании законов перспективы, анатомии человека и животных, строения растений – один из источников удивительной жизненности, правдивости его искусства.

Великий художник являлся врагом схоластической «учёности». Основой знания он считал опыт. «Мудрость, – по его определению, есть дочь опыта».

Леонардо да Винчи решительно опровергал всё сверхъестественное, всякую мистику и чертовщину, которую под видом «науки» насаждала и поддерживала католическая церковь.

В своих философских воззрениях Леонардо да Винчи был материалистом. Но в силу условий времени и зачаточного состояния наук его материализм оставался ещё метафизическим. Тем не менее, у него порой встречаются поразительно глубокие диалектические догадки. Так, изучая живые существа, он приходит к выводу: «Тело всякого питающегося существа непрерывно умирает и непрерывно возрождается...». В явлениях природы он усмат-

ривал действие внутренней необходимости. С таких прогрессивных философских позиций он и подходил к изучению явлений природы, к отдельным наукам.

Научное наследие Леонардо да Винчи огромно. С юношеских лет он заносил в свои тетради наблюдения, результаты опытов, чертежи. После его смерти многие ценные бумаги оказались расхищенными, и всё-таки до нас дошло семь тысяч листов его записей, поражающих необычайной широтой научных интересов и глубиной мысли.

Более всего Леонардо да Винчи работал в области механики, самой передовой науки того времени, непосредственно связанной с развивавшимся тогда мануфактурным производством.

Особенно усиленно учёный трудился в области гидростатики, гидродинамики, астрономии. Он был зачинателем аэродинамики. Ему принадлежат также необычайно глубокие и верные мысли в области геологии. Леонардо да Винчи много работал и в области анатомии, глубоко изучая строение человеческого организма.

Теоретические исследования для Леонардо да Винчи не служили самоцелью. «Наука – командир, практика – солдаты», – говорил учёный. Он всегда стремился использовать науку для развития техники, для блага людей. «Лучше быть лишённым движения, – писал великий гуманист, – чем перестать приносить пользу». Ему принадлежит изобретение самопрялки и усовершенствованного ткацкого станка. Много изобретатель думал об использовании воды на пользу человеку. Он предложил построить канал, который соединил бы города Флоренцию и Пизу, проектировал систему шлюзов со створчатыми воротами, землечерпалки и механизмы для рытья каналов.

Почти 30 лет Леонардо да Винчи работал над проблемой полёта. Он был убеждён, что летать по воздуху так же возможно, как плавать по воде. Считая, что «птица – это аппарат, работающий на основании математических законов», он тщательнейшим образом изучал полёт птиц и сделал немало верных наблюдений и выводов. Ему же принадлежит первоначальная идея парашюта.

Великий гуманист близок советским людям, всему прогрессивному человечеству своим новаторством, смелой борьбой против всего старого, реакционного, своей глубокой верой в силу разума, своим творческим дерзанием. Его искусство дорого нам глубоким реализмом, жизнеутверждающей силой, благородной гуманистической сущностью.

Буржуазия давно утратила право на наследие великих художников Возрождения. Она испоганила искусство, превратила его в орудие одурманивания людей, в средство разжигания векоконевенавистнических чувств и подготовки новой войны. Мазня современных американских, английских и прочих буржуазных «художников» не имеет права называться живописью.

Искусство Леонардо да Винчи принадлежит народу, передовому человечеству, борющемся за свободу и мир.

В то время, когда злоешие силы американского империализма грозят огнём и чумой истребить плоды многовековой человеческой культуры, прогрессивное человечество видит в светлом творческом гении Леонардо да Винчи символ борьбы против тёмных сил реакции и равнодушия, символ утверждения жизни и созидания.

Имя великого сына итальянского народа, благородного гуманиста Леонардо да Винчи дорого и близко всем тем, кто защищает творческий труд и мир.

С. Стам, доцент Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, кандидат исторических наук⁸.

Как можно заметить, статья, особенно в своей заключительной части, несёт на себе глубокую печать своего времени (насколько этот текст принадлежит автору, насколько является результатом редактирования, сказать сегодня трудно). В силу этого она представляет интерес не только как источник для изучения творческой биографии С.М. Стама, но и как памятник эпохи.

В ней ярко проявились многие достоинства исследовательского почерка С.М. Стама – смелость обобщений, выразительность языка, тщательная логическая выстроенность и пропорциональность изложения материала. И очень знаменательной представляется история создания первой работы историка о культуре Возрождения, написанной в гуще повседневной жизни послевоенных лет. Годы спустя С.М. Стам вспоминал: «Как я стал историком Возрождения? Меня подтолкнула, несомненно, жизнь. Она текла не в лёгкой лодочке по водной глади, она сплеталась из

---

⁸ Коммунист. 1952. 15 апр. № 90 (5264). С. 2.

разных струй, насыщенная, противоречивая, увлекательная. И всё время шагало вперёд»⁹.

Путь С.М. Стама к постижению загадок великих мастеров Возрождения был непрост и более чем неспешен. Важнейшими шагами на этом пути была разработка спецкурса по истории искусства Возрождения (он вошёл в преподавательскую практику по настоятельной просьбе студентов, имевших возможность беседовать с С.М. Стамом об этих сюжетах во внеаудиторной обстановке или слушать его просветительские лекции о великих художниках Возрождения)¹⁰, постановка спецсеминара и руководство дипломными работами¹¹. Лишь в 1975 г. появилась первая научная статья С.М. Стама об искусстве Ренессанса, которая (видимо, не случайно) была посвящена творчеству Леонардо да Винчи¹².

Многолетний труд учёного был обобщён в монографии «Корифеи Возрождения», увидевшей свет в двух изданиях¹³. Всесторонняя оценка его вклада в изучение великой культуры Возрождения – задача будущих историографических исследований.

---

⁹ *Стам С.М.* Моя жизнь, учителя, друзья и наука. С. 268.

¹⁰ См.: *Негуляева Т.М.* Первый спецсеминар С.М. Стама по истории города // Средневековый город. Саратов, 2006. Вып. 17. С. 71–72.

¹¹ См. *Эльфонд И.Я.* Изучение проблем культуры Возрождения в отечественной науке 60–80-х гг. XX в. // Средневековый город. Саратов, 2006. Вып. 17. С. 148–149.

¹² *Стам С.М.* К вопросу об идейном содержании творчества Леонардо да Винчи («Иоанн Креститель») // Средневековый город. Саратов, 1975. Вып. 3. С. 107–141. Статья была опубликована в США: *Stam S.M.* On Ideological Content in the Work of Leonardo da Vinci («John the Baptist») // *Soviet studies in history.* New York, 1980. Vol. XIX. № 2. P. 66–114.

¹³ *Стам С.М.* Корифеи Возрождения. Саратов, 1991. Кн. 1; 1993. Кн. 2 (2-е изд. М., 2006).

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 378.4(470.44-25) (093.3)+929Аврус

«ЮНОСТЬ КОМСОМОЛЬСКАЯ МОЯ...»: СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

А.И. Аврус

Саратовский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: a.avrus@mail.ru

Публикуемый фрагмент воспоминаний профессора А.И. Авруса посвящен периоду комсомольской юности мемуариста, роли и месте комсомольской организации в жизни советской школы и Саратовского университета в 1940–1950 годах. Основываясь на личных впечатлениях, автор рассказывает об участии комсомольцев в различных сферах университетской жизни: партийной, спортивной, культурной и хозяйственной.

Ключевые слова: история комсомола, история СССР, Саратовский государственный университет, студенческая жизнь, 1950-е годы.

«MY KOMSOMOL YOUTH...»: PAGES OF MEMORIES

A.I. Avrus

Saratov state university

Published a fragment of Professor A.I. Avrus memories dedicated period of Komsomol youth memoirist, the role and place of the Komsomol organization in the life of the Soviet school and Saratov University in 1940-1950 years. Based on personal impressions, the author talks about the participation of members of the Komsomol in various areas of university life: political, sports, cultural and economic.

Keywords: history of komsomol, History of USSR, Saratov state university, student's life, 1950-ies.

Вспоминая свою школьную и университетскую жизнь, никак не могу обойти вниманием годы, проведённые в комсомоле. Можно много говорить о том, что комсомол был послушным помощником партии, что он воспитывал молодёжь в нужном партии духе, что в его деятельности было много показного и т.п., но нельзя не признать, что были и позитивные моменты, что он де-

лал многое для социализации молодёжи, включения её в активную жизнь.

Могу сразу отметить, что в моей жизни роль комсомола была велика, многие свои человеческие качества я приобрёл, находясь в его рядах в течение 14 лет (с 14 до 28).

Для моего поколения пребывание в рядах ВЛКСМ было естественным и ожидаемым. Мы переходили с одной ступени общественной жизни на другую: 1–2 классы – октябрята, 3–7 классы – пионеры, с 7-го класса вступали в комсомол. И если в октябрята и пионеры нас принимали сразу всем классом, и эти ступени были обязательными: не помню, чтобы мы подавали при этом заявления о приеме, то в комсомол отбор был индивидуальным, принимали не всех и не скопом, а по достижению 14-летнего возраста и с учётом успеваемости и поведения. Поэтому даже к окончанию школы не все ученики состояли в рядах комсомола. Я помню, что два из числа лучших учеников наших 10-х классов (Сергей Асланов и Юрий Терентьев) окончили школу вне комсомольских рядов.

Как и большинство других школьников, я с самого первого класса был нацелен на то, что стану пионером, а затем комсомольцем. В этом отношении пропагандистско-воспитательная работа в школе была налажена неплохо. А с началом Великой Отечественной войны усилилось и патриотическое воспитание: на примерах Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, а затем и молодогвардейцев нам внушали, что только комсомольцы – истинные защитники Родины, что они способны на любые подвиги во имя её свободы. И мы хотели быть в рядах героической комсомольской армии, прикоснуться к славным деяниям её лучших сынов и дочерей.

В 1943 г. произошло разделение школ на мужские и женские, и я вместе с некоторыми своими одноклассниками по 31-й неполно-средней школы оказался в 19-й мужской средней школе. Через некоторое время после начала учебного года к нам в 7-й «а» класс пришёл высокий молодой человек (как оказалось секретарь школьной комсомольской организации Пятов, не помню его имени, он вскоре ушёл на фронт и, по-моему, не вернулся) и заявил, что нас скоро будут принимать в комсомол и чтобы мы готовились к этому, прежде всего, хорошо учились. Через несколько дней он снова появился в классе и сказал, что желавшие вступить в комсомол должны написать заявления и получить две рекомендации от тех, кто уже состоял в рядах комсомола. Конечно, я сразу

написал заявление, так как не представлял себя вне рядов ВЛКСМ. Через некоторое время получил рекомендации от самого Пятова и сменившего его в качестве секретаря Лунца и стал ждать комсомольского школьного собрания, на котором нас должны были принимать в комсомол. Каковы же были мои огорчение и обида, когда я узнал, что мой прием в комсомол отложен, так как шёл октябрь 1943 г., а мне исполнялось 14 лет только в январе 1944 г. Мои друзья и другие одноклассники были приняты, получили комсомольские билеты, ходили на комсомольские собрания, а я был лишён всего этого, что мне казалось несправедливым.

Только через два месяца моя мечта тех лет осуществилась, и я стал комсомольцем. В Октябрьском райкоме комсомола, который тогда находился на площади Фрунзе (теперь Ильинской) мне вручили комсомольский билет, я почувствовал себя счастливым.

Надо напомнить, что до весны 1944 г. школьный комсомол был большой силой, он не подчинялся дирекции школы, мог действовать довольно самостоятельно. Я помню, как Пятов, а затем и Лунц приходили к нам в класс прямо на урок, фактически отстраняли учителя и проводили срочные комсомольские мероприятия. А в марте 1944 г. вышло Постановление ЦК ВКП (б), в котором указывалось, что школьный комсомол должен работать под руководством дирекции. Относительная самостоятельность его была ликвидирована. С этого времени работа комсомольцев в школе больше всего зависела от отношения к ним директора школы. В нашей школе директор Павел Акимович Ерохин, человек умный и толерантный, умел строить отношения с комсомольцами так, чтобы не подрывать их веры в самостоятельность и значимость своей работы. Павел Акимович поддерживал инициативы комсомольцев, умело направлял их деятельность.

Не помню, какие комсомольские поручения я выполнял в 7-м и начале 8-го класса, но навсегда запечатлелись в памяти бурные общешкольные комсомольские собрания. У членов комитета комсомола школы были противники среди их же одноклассников, которые страстно выступали с критикой на каждом собрании. Особенно запомнились речи Кириллова, от волнения начинавшего сильно заикаться, Юры Динеса.

Моим крестным отцом в комсомольской работе стал Женя Калмановский (в будущем профессор, доктор филологических наук, известный театральный критик), который разыскал меня в 8-м классе и предложил комитету комсомола назначить редакто-

ром школьной стенгазеты. Так началась моя общественная деятельность. Кроме меня, в газете было ещё два постоянных сотрудника из 7-го класса: Игорь Козлов и Габриэль Бутковский. Игорь прекрасно рисовал заголовки газет, а Габриэль был совершенно незаменим в газетном деле: обладал красивым почерком, безукоризненной грамотностью, мог нарисовать карикатуру, написать статью на любую тему, если в газете не доставало материала. Обычно я приходил в школу в другую смену (7-е и 8-е классы учились в разные смены), разыскивал Игоря, вручал ему лист ватмана и договаривался, к какому дню он сделает заголовок. Он справлялся за два-три дня. Я брал у него лист с заголовком и шёл домой к Габриэлю. Дело в том, что Габриэль большую часть учебного года болел простудными заболеваниями и находился дома. Я передавал ему лист ватмана с заголовком и имевшиеся статьи, заметки. Мы обсуждали, как их разместить, как оживить газету рисунками, карикатурами. Вся газета делал Габриэль, её даже не надо было отдавать учителю русского языка для проверки орфографии и пунктуации – Габриэль не допускал ошибок. Через несколько дней я приходил к нему, забирал готовую газету и вывешивал её в школе. Газета вызывала интерес, вокруг неё собирались школьники и учителя, обменивались впечатлениями.

Летом после 8-го класса со мной случилось несчастье. Я всегда, как было положено по Уставу, носил с собой комсомольский билет. И вот однажды я пошёл на стадион «Динамо» на футбольный матч, и у меня из кармана вытащили комсомольский билет. Как только начался учебный год, я пришёл в школьный комитет комсомола и сообщил об этом. Я думал, что сразу меня обсудят, накажут и выдадут новый билет. Но у комитета комсомола были другие планы в отношении меня. Они хотели избрать меня в новый состав комитета, а как избирать, если у меня будет выговор за утерю билета. Поэтому мне предложили пока никому не говорить о пропаже. А после того, как меня избрали в комитет комсомола, я получил выговор за утерю билета, и мне выдали новый.

Некоторое время в 9-м классе я был одновременно и членом комитета комсомола и пионервожатым в одном из 3-х классов. Помню, что проводил с пионерами сборы на разные темы. У нас в школе тогда было несколько очень хороших пионервожатых: мой одноклассник Гриша Мясковский, Саша Ремезов из 8-го класса. У многих пионеров отцы и старшие братья не вернулись с Великой Отечественной войны. И такие пионервожатые, как Гриша и Са-

ша в какой-то степени заменили их. Часто можно было видеть такую картину: Гриша или Саша идут из школы, а вокруг них десятки пионеров из их отрядов буквально виснут на них, не хотят отпускать домой.

Но скоро мне пришлось отказаться от работы пионервожатым, так как в конце первого полугодия в 9-м классе меня избрали секретарём школьной комсомольской организации, которая была тогда одной из самых больших в школах города. Времени эта работа отнимала много, так как классы, в которых учились комсомольцы, занимались в первую и третью смену. Я часто приходил в школу в первую смену к семиклассникам, а затем шёл домой делать уроки и возвращался в школу к третьей смене, в которую занимались 8–10-е классы. Нередко приходилось оставаться и во вторую смену, чтобы провести какое-нибудь комсомольское мероприятие, в частности, заседание комитета комсомола.

Чем мы занимались в комитете комсомола? На первом месте стоял прием новых членов из числа тех школьников, кому исполнилось 14 лет. Это были в основном семиклассники. Мы их готовили к приему, изучали с ними Устав комсомола, проводили политинформации, старались, чтобы они были готовы ответить на разные вопросы при приеме на комсомольском собрании и в райкоме комсомола. Вопросы иногда задавались каверзные. Помню на одном комсомольском собрании вступавшему задан был вопрос: «Что происходит в Афганистане?» В зале гробовая тишина, никто не знал, как ответить на этот вопрос. Обратились к задававшему за разъяснением и услышали в ответ: «А там ничего не происходит». Собрание долго смеялось.

Один из членов комитета следил за успеваемостью комсомольцев и получавших двойки вызывали на заседание или с ними проводили индивидуальные беседы. В большинстве случаев неудовлетворительные отметки быстро исправлялись. Основная масса комсомольцев училась хорошо, а был такой выдающийся класс выпуска 1948 г. (10 «а»), в котором из 27 учеников 11 получили медали.

Были в комитете комсомола ответственный за работу пионервожатых, ответственный за стенную печать (кроме общешкольной газеты выходили классные и выпускались от случая к случаю «Боевые листки»), ответственный за оборонно-спортивную работу (ведь у нас по 9-й класс включительно была допризывная подготовка, а после 9-го класса мы проходили военные сборы – две

недели жили на казарменном положении и занимались только военной подготовкой).

Многие мероприятия в школе проводили совместно комитет комсомола и ученический комитет (учком), представлявший всех школьников. Поскольку мужские и женские школы существовали отдельно, одна из задач комитета комсомола и учкома состояла в налаживании связей с женскими школами для проведения совместных мероприятий, прежде всего вечеров. В Саратове тогда было 17 средних женских школ и только 5 мужских. Поэтому выбор для сотрудничества был большой. Но теснее всего наша школа была связана с 3-й женской. Вот один из членов комитета осуществлял организацию совместных мероприятий.

Дел было по горло, занят я был целые дни, иногда не хватало времени для подготовки к урокам, во втором полугодии 9-го класса у меня даже снизилась успеваемость. Правда, экзамены за 9-й класс удалось сдать все на отлично (тогда мы сдавали экзамены во всех классах, начиная с 7-го).

В конце первого полугодия 10-го класса проходило отчетно-выборное комсомольское собрание, я отчитался за годовую работу комитета, и был избран новый состав комитета. Десятиклассников освобождали от участия в нём: надо было готовиться к экзаменам на аттестат зрелости.

Что дали мне два года комсомольской работы в школе? Во-первых, у меня появилось большое количество знакомых, приятелей и несколько друзей на всю жизнь. Во-вторых, получил некоторые организаторские навыки, умение работать с людьми, слушать других, принимать решения. В-третьих, научился выступать перед большой аудиторией и свободно излагать свои мысли.

После окончания школы я поступил на исторический факультет Саратовского государственного университета и с первых дней был вовлечён в комсомольскую работу. Если я не ошибаюсь, уже 10 сентября прошло отчетно-выборное комсомольское собрание факультета, на котором меня избрали в состав комсомольского факультетского бюро. Три года подряд я был в этом бюро, первый год ответственным за агитационную работу среди населения, а затем два года зам. секретаря и ответственным за политическое воспитание студентов. Первые два года секретарём у нас был Владимир Островский, только что демобилизованный из рядов Советской Армии, ставший моим другом и наставником до конца его жизни.

Островский был прекрасным секретарём: умелым организатором, страстным оратором, очень толерантным человеком. Как интересно он проводил комсомольские собрания и заседания бюро, как умел организовывать массовые мероприятия, задушевно беседовать с любым комсомольцем. Уже в первый год он завоевал большой авторитет на факультете и в университете. В начале второго курса произошло два события в нашей комсомольской жизни, которые выбивались из традиций тех лет. На отчетно-выборном комсомольском собрании факультета, по предложению первокурсников, которым мы уделяли много внимания, способствуя их адаптации, работа бюро была признана хорошей (а тогда фактически были в ходу только две оценки: удовлетворительно и неудовлетворительно), а Островскому и мне вынесли благодарность. За такое нарушение традиций Островский получил втык от партийного и комсомольского начальства. А затем на университетской комсомольской конференции делегация истфака сумела не допустить избрания Островского в комитет комсомола СГУ (партком намечал сделать его секретарём комитета, а мы разрушили этот план). Его кандидатура была в списке для тайного голосования, но мы сумели убедить многих делегатов с других факультетов вычёркивать его фамилию при голосовании. В результате он получил менее половины голосов и остался, как мы и хотели, секретарём на факультете. Это опять вызвало недовольство партийных и комсомольских руководителей. На моей памяти это был единственный случай, когда намеченная свыше кандидатура не прошла. Вот какая дружная была у нас тогда факультетская комсомольская организация!

Чем же мы занимались на факультете по линии комсомольской работы? Первый год я отвечал за работу комсомольцев-агитаторов на избирательном участке. Тогда эта работа велась постоянно, каждый агитатор имел свой дом или группу домов, в которых он должен был систематически проводить агитационно-пропагандистскую работу. Обычно раз в месяц агитаторов собирали в университетском масштабе и читали для них лекции по актуальным вопросам, давали методические рекомендации по проведению бесед с населением. Эта работа усиливалась в дни избирательных кампаний, а в день выборов агитаторы должны были обеспечить стопроцентную явку избирателей из своих домов для голосования. Вот моя задача состояла в том, чтобы руководить работой агитаторов-комсомольцев, заменять плохо рабо-

тавших. Надо отметить, что участок, на котором работали агитаторы-историки, был очень сложным: район Большой Горной и Соколовой улиц между улицами Радищева и Горького. Там было много частных домов, к жителям которых требовался индивидуальный подход, оказание помощи в решении бытовых вопросов. Когда удавалось агитатору помочь в чём-то жителям того или иного дома, это делало его близким человеком, облегчало агитационную работу во время выборов. Правда, мы не задумывались тогда, что никакого выбора у избирателя не было, считали, что так и должно быть: ведь это единые кандидаты блока коммунистов и беспартийных.

На втором и третьем курсах я был ответственным за политическое воспитание комсомольцев, организовывал ежесеместровые теоретические конференции по общественным дисциплинам, которые проходили по курсам, следил за успеваемостью комсомольцев по общественным наукам (истории ВКП (б), философии, политэкономии), курировал выпуск факультетской стенгазеты и «Боевых листков» по группам. Кроме того, на втором курсе Островский и я, как его заместитель, взялись за подтягивание отстававших участков общественной жизни на факультете: Владимир взял на себя ответственность за самодеятельность, а мне достался спорт.

Должен отметить, что общественная работа отнимала очень много времени, готовиться к семинарам и занятиям по иностранным языкам приходилось часто в ранние часы, для чего вставал в 6 утра. Помню, что долго не находил времени для написания курсовых работ, оттягивал это дело до последнего дня, а потом садился за стол и по 15–20 часов подряд, не отрываясь, писал эти работы. К концу второго и в начале третьего курсов перестал ходить на многие лекции, потому что все время хотелось спать. Но ко всем семинарам и практическим занятиям готовился, активно в них участвовал, так как считалось, что комсомольский функционер должен быть примером и в учебе.

Когда я был на третьем курсе, Островского все-таки избрали в комитет комсомола университета, он стал там зам. секретаря. А у нас появился новый секретарь – Иван Удодов (в будущем 1-й секретарь Воронежского обкома комсомола и руководящий работник КГБ СССР при Семичасном). Он был неплохой секретарь, но, конечно, ему было далеко до Островского. Работать в комсомольском бюро факультета стало не интересно и захотелось чего-то нового.

В начале четвёртого курса я некоторое время поработал в редакции университетской многотиражной газеты, а затем был избран в комитет комсомола СГУ, где мне поручили политсектор. Теперь приходилось бывать на всех факультетах, контролировать там работу политсекторов, присутствовать на комсомольских собраниях, проводить общеуниверситетские мероприятия. За год работы в комитете комсомола познакомился с очень многими студентами и преподавателями разных факультетов, приобрёл хороших друзей. В конце первого семестра 5-го курса прошли перевыборы комитета комсомола, пятикурсников освобождали от постоянной общественной работы, чтобы они могли сосредоточиться на написании дипломной работы. Но разовые поручения давали.

Одним из негативных явлений в комсомоле тех лет были длиннейшие комсомольские собрания и заседания комитетов и бюро. Наш секретарь комитета комсомола СГУ Григорий Балаболин (фронтовик, геолог) очень любил заседать и произносить речи по каждому вопросу повестки дня. Поэтому заседания комитета, начинавшиеся обычно в 18 часов, затягивались до 24 часов, а то и дольше. Помню несколько случаев, когда мы возвращались домой после заседания комитета в мае-июне чуть ли ни на расвете по пустынным улицам города.

Особенно длительными были факультетские отчетно-выборные комсомольские собрания из-за того, что надо было проводить одновременно тайное голосование по трем спискам: членов комсомольского бюро факультета, делегатов на университетскую конференцию и делегатов на районную конференцию. Ведь надо было на пишущих машинках отпечатать сотни бюллетеней с десятками кандидатур, провести голосование, а затем подсчёт голосов, утвердить протоколы счётной комиссии. На это уходило много времени. И комсомольские собрания, начинавшиеся в 15–16 часов, часто заканчивались в 2–3 часа ночи. Участники их были совершенно вымотаны, на следующий день на первые лекции многие не приходили. Нужно ли было тайное голосование за делегатов, уже тогда это вызывало сомнение, тем более, что число кандидатов в бюллетенях соответствовало квоте и, следовательно, все, попадавшие в бюллетень, бывали избраны. Но комсомол подражал партии, и тайное голосование считалось непременным атрибутом. Особенно затягивались такие собрания на факультетах, на которых было больше всего студентов (физи-

ческом, геологическом, механико-математическом). Мне неоднократно приходилось, как члену комитета комсомола, присутствовать на таких собраниях и сразу после окончания их проводить заседание вновь избранного комсомольского бюро, чтобы избрать секретаря.

На 5-м курсе от постоянной общественной работы освободили, но разовые поручения давали. Так, во втором семестре нас приглашали в комитет комсомола и направляли на проверку сети комсомольского политического просвещения (кружков и школ по изучению истории комсомола и т. п.). Отказ от выполнения таких разовых поручений грозил большими неприятностями. Мой друг Юра Давыдов, лучший студент курса, Сталинский стипендиат (в будущем известный отечественный философ, социолог и культуролог), отказался выполнять такое поручение, так как очень серьёзно занимался написанием дипломной работы, и получил выговор от комитета комсомола, из-за чего не был принят в аспирантуру, хотя сдал все вступительные экзамены на «отлично».

После окончания университета я два года преподавал историю СССР и историю физкультуры в Саратовском областном техникуме физкультуры и там активно участвовал в жизни небольшой комсомольской организации преподавателей техникума. В то же время я не порывал связи с университетом, и в 1954 г. мне предложили перейти на комсомольскую работу в университет. Там я был избран зам. секретаря комитета комсомола и три года занимал эту должность, а затем ещё год оставался в комитете комсомола, но уже на общественных началах. В эти же годы выбирался членом Кировского райкома комсомола г. Саратова, был членом его бюро, постоянно участвовал в работе комсомольских конференций районного, городского и областного уровня. Так что познакомился со многими сторонами жизни комсомола.

Работа в комитете комсомола университета была очень напряжённая, так как секретари (Н.Б. Ерёмин и Н.А. Сламихин) являлись студентами, сдавали экзамены, писали дипломные работы, и значительная часть их обязанностей падала на меня. Поэтому находился на работе с утра до позднего вечера, поскольку почти каждый вечер на том или ином факультете были какие-нибудь мероприятия, которые следовало посетить. Два раза мне пришлось отчитываться о работе комитета на университетских отчетно-выборных комсомольских конференциях, так как секретарей забирали на партийную работу.

Располагался тогда комитет комсомола в I корпусе университета, рядом с Нижней аудиторией. Было у нас две комнаты: большая, в которой проходили заседания комитета, постоянно находились технический секретарь и я, и небольшая, в которой помещался секретарь. В большой комнате был старый, весь продавленный диван – любимое место сборов сатирической группы геологического факультета, которой руководил мой друг Лев Гродницкий, бывший членом комитета комсомола. Он был блестящим геологом и выдающимся режиссером, создавшим незабываемые сатирические спектакли. Вот на этом комитетском диване рождались многие замыслы Льва и его команды.

Часто во второй половине дня, когда кончались основные занятия на химическом и геологическом факультете, в коридоре на первом этаже устанавливался стол для игры в настольный теннис, и я сражался там с преподавателями, аспирантами и студентами химфака. Они обычно в это время ставили опыты в лабораториях, засиживались до ночи и, пока шли длинные химические реакции, отдыхали за настольным теннисом. Одним из самых постоянных участников этих игр был тогда студент Володя Гусев, будущий 1-й секретарь Саратовского обкома КПСС и Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Чем занимался университетский комсомол в конце 1940-х – 1950-х годов? Помимо обычных внутрикомсомольских дел (собраний, заседаний, конференций и т. д.), большое внимание уделялось спорту и художественной самодеятельности. Особенно интерес к ним возрос, когда было принято решение о проведении в 1957 г. в Москве Всемирного фестиваля молодёжи и студентов. По инициативе нашего комитета комсомола в университете был проведён свой фестиваль, даже изготовлены к нему значки, которые вручались каждому участнику. А участвовало большинство студентов. Никогда прежде не было такой массовой художественной самодеятельности. Достаточно сказать, что удалось создать университетский хор в 400 человек (заслуга в этом принадлежала прежде всего студентке филологического факультета Вали Долговой, которая сменила Гродницкого на посту культсектора комитета комсомола). На всех факультетах возникли драмкружки, вокально-инструментальные ансамбли, выявились десятки талантливых исполнителей (некоторые из них стали профессиональными деятелями искусства: драматическая актриса Нина Марушина, режиссер Володя Геллер, певец Володя Красильников

и т. д.). К сожалению, ни тогда, ни ещё несколько десятилетий университет не имел своего актового зала, хороших помещений для репетиций. Приходилось арендовать или театральные помещения, или договариваться о зале расположенного напротив университета училища пограничных войск, с комсомольцами которого мы дружили. Там проводились почти все общеуниверситетские мероприятия.

Не было в университете и своего спортивного зала, а желавших заниматься спортом становилось всё больше. Тогда комсомольцы-спортсмены СГУ проявили инициативу. Напротив университета на Астраханской улице было расположено трамвайно-троллейбусное управление и трамвайный парк, в котором произошёл пожар и выгорели мастерские. Это было очень солидное здание с прочным фундаментом, построенное ещё бельгийцами в начале XX в., когда они создавали саратовский трамвай. Руководство трампарка согласилось отдать остатки здания университету, и был разработан проект превращения его в спорткомплекс с хорошим спортзалом, 25-ти метровым бассейном и подсобными помещениями. Надо было, прежде всего, освободить здание от последствий пожара и находившихся там станков. Последнее оказалось нелегкой задачей, так как бельгийцы закрепили эти станки навечно. Пришлось работать ломami, в ряде случаев даже использовать взрывчатку. Но комсомольцы трудились с большим энтузиазмом, мечтая о том дне, когда университет получит свой спортивный комплекс. Надо сказать, что добровольцев было много, и первый этап работ выполнил в сравнительно короткий срок. Но тут руководство трампарка, увидев, что самое трудное проделано, здание подготовлено к восстановлению, заявило, что оно передумало передавать его университету. Городские власти поддержали трампарк. Велико было разочарование комсомольцев университета, когда их тяжёлый труд пропал для университета. Надо сказать, что такие разочарования выпадали на долю комсомольцев нередко, и это сказывалось и на их настроении, и мировосприятии.

Хочу вспомнить другой случай, когда комсомольская инициатива принесла хорошие плоды. Во второй половине 1950-х гг. количество студентов в университете постоянно росло, было много приезжих, так как на все Нижнее Поволжье был один университет – в Саратове. Приезжие нуждались в общежитиях, а их было явно недостаточно. Ректорат и партком пытались добиться выде-

ления средств на строительство нового общежития, ректор, Роман Викторович Мерцлин, неоднократно ставил вопрос об этом в Министерстве высшего образования. Но всё было бесполезно. Тогда проявили инициативу комсомольцы. Они подготовили письмо в ЦК ВЛКСМ и отправились с ним в Москву. Дошли до Первого секретаря ЦК комсомола и объяснили ему, что берутся построить общежитие своими силами, если будет открыто финансирование. Инициатива комсомольцев понравилась руководству ЦК ВЛКСМ, оно поддержало её, обратилось в Правительство СССР за выделением средств для строительства и получило согласие.

Вернувшись в Саратов, ходатаи в Москву приступили к набору среди студентов СГУ добровольцев, которым предстояло овладеть строительными профессиями и без отрыва от учёбы строить общежитие. Таких набралось более 300 человек. При комитете комсомола был создан штаб по руководству строительством, который возглавили студент исторического факультета Александр Кузьмичёв (один из инициаторов этого проекта) и студент физического факультета Анатолий Блинов, по фамилии которого этот орган именовался в народе «Блинчикстрой», по аналогии с 7-м строительным трестом, который помогал в обучении строительным профессиям студентов и в народе назывался «Чиковстрой» по фамилии своего многолетнего директора. «Блинчикстрой» поработал на славу: менее чем за год в районе тогдашнего Института зернового хозяйства Юго-Востока было построено 4-е общежитие университета, в котором получили места для проживания несколько сот студентов. Это общежитие положило начало созданию теперешнего Студгородка.

Когда же комсомольцам спускали распоряжения сверху, особенно от партийных органов, то обычно следили за их неукоснительным выполнением. Так, весной 1950 г. было принято решение, что комсомольцы-студенты должны участвовать в лесопосадках по сталинскому плану преобразования природы. Комитет комсомола начал запись добровольцев, которых оказалось много: хотелось отдохнуть от повседневной учёбы, подышать свежим степным воздухом. Тогда, по рекомендации ректората и парткома, комитет комсомола решил посылать тех, кто имел в зачётке за зимнюю сессию только отличные и хорошие оценки. Объяснялось это тем, что нужно было пропустить примерно две недели занятий, а для слабо успевающих студентов подобное могло негативно сказаться на весенней сессии. Надо сказать, что более сотни

студентов, поехавших на лесопосадки, остались довольны и потом нередко видели результаты своего труда в ряде мест Саратовской и Волгоградской области.

В первой половине 1950-х гг. стало обычным явлением привлечение студентов после весенней экзаменационной сессии на строительные и сельскохозяйственные работы. Участвовали в них студенты 1–3 курсов физического, механико-математического, химического, исторического и филологического факультетов, четверокурсники в это время проходили преддипломную практику, а многие юноши военные сборы. Студенты геологи, биологи и географы, начиная с 1-го курса, разъезжались на разные виды практик уже в мае – первой половине июня. Комитету комсомола поручалось организовывать и возглавлять выезды на различные виды работ, которые продолжались 1–2 недели. У университета было несколько подшефных колхозов, в частности в Воскресенском районе, куда обычно направлялись наши студенты.

В начале июля 1956 г. студенты университета были мобилизованы на строительство химкомбината в Сталинском (теперь Заводском) районе города. Я возглавлял, как зам. секретаря комитета комсомола, эту акцию. Помню, как первоначально небольшая группа студентов возводила палаточный городок для размещения всех. Затем автобусами привезли основную массу студентов, которая была привлечена на земляные и подсобные работы. Надо отметить, что большинство студентов работало добросовестно. А вечерами организовывали всякие массовые мероприятия.

К этому времени в университете уже сложилась традиция создания небольших строительных бригад, обычно из друзей с разных факультетов и курсов, в том числе аспирантов, которые ежегодно выезжали в сельскую местность на заработки на все каникулы. Это было стихийное движение, никто их не организовывал, никто ими не руководил. В сельской местности не хватало мужских рабочих рук, особенно строительных специальностей, и такие бригады были очень востребованы, а их участники неплохо зарабатывали.

Но летом 1956 г. в жизни вузовского комсомола наступила новая полоса, так как в связи с освоением целины и нехваткой там рабочих рук, было решено посылать студентов на все лето на работу в целинные колхозы и совхозы. Решение было принято сверху, и комитет ВЛКСМ СГУ получил задание организовать отряд из 100 человек для участия в уборке урожая в двух совхозах Сара-

товской области: «Декабрист» Ершовского района и «Питерский» Питерского района.

Находясь в лагере студентов на строительстве химкомбината, я получил указание немедленно прибыть в университет. Там было принято решение, что я возглавлю отряд студентов в совхозе «Декабрист», а Борис Хохлов, который был тогда секретарём комсомольского бюро истфака, – в совхозе «Питерский». В состав этих отрядов было решено привлечь окончивших первый курс физического факультета. Срочно была организована цепочка, с помощью которой добрались до всех студентов этого курса, бывших тогда в Саратове, отозвали работавших на строительстве химкомбината. В течение нескольких дней было сформировано два отряда; им предстояло всё лето проработать на уборке урожая зерновых, который был в тот год очень хорошим.

И вот мы отправились с саратовского вокзала на поезде до станции Мавринка, откуда нас переправили в совхоз «Декабрист», строившийся в чистом поле. Это был полностью целинный совхоз, который хотели сразу сделать образцовым. Мой отряд состоял из студентов групп «А», «Б», «В», «Г» – всего было более 50 человек. В совхозе нас разбили на два отделения, между которыми было несколько километров. В течение нашего пребывания в совхозе к нам добавилось ещё несколько студенток других курсов физического факультета и принятых на первый курс историков, выразивших желание поработать на уборке урожая.

Жили мы всё время в вагончиках на полевом стане. Первые дни особенно не были загружены, так как массовая уборка зерновых началась только в конце июля. Тогда пришлось потрудиться, как следует: комбайны работали с шести-семи часов утра до глубокой ночи, машины непрерывно везли зерно на наш ток. Здесь мы его провеивали, подсушивали, грузили снова на машины и везли на элеватор. Помню, как приятно было поздним вечером, лежать в машине на тёплом зерне и отвозить его на элеватор. Вокруг бескрайняя степь, на небе бесчисленные яркие звезды, тебя обдувает прохладный степной ветерок.

Нужно сказать, что почти все студенты работали хорошо, юноши выполняли обязанности копнильщиков, помощников комбайнеров, девушки трудились на току. Мне пришлось выполнять обязанности начальника тока, вести учёт привозимого от комбайнов и отвозимого на элеватор зерна.

В целом руководство совхоза неплохо относилось к студентам, было организовано нормальное в полевых условиях питание, при расчете все студенты получили некоторую сумму денег, а те, что работали на комбайнах, и зерно натурой. Но отпускать нас в конце августа не хотели, так как ещё уборка не кончилась, а у студентов должен был начаться учебный семестр. С трудом удалось уговорить совхозное начальство отпустить студентов. По приезде в Саратов им дали неделю отдыха, а затем начались занятия.

При подведении итогов уборки урожая 1956 г. Саратовская область была награждена орденом Ленина, правительственные награды получили руководители партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций, председатели колхозов и директора совхозов и т. д. При этом некоторые из них почти никакого участия в уборке урожая не принимали, но награждались по занимаемой должности. А вот для непосредственных участников «битвы за урожай» устанавливались квоты. Так, университету было предложено из более чем 100 участников уборки на целине представить одного человека к награждению орденом Знак Почёта и одного – медалью «За трудовую доблесть». Это был пример бюрократического подхода. Мы решили, что поскольку в совхозе «Питерский» студенты работали в более трудных условиях. То представить к ордену именно из трудившихся там студентов. Так второкурсник физического факультета Дмитрий Трубецков стал орденосцем (в будущем член-корреспондент АН СССР и РАН, ректор СГУ).

В последующие годы на летние сельскохозяйственные работы стали выезжать фактически все студенты 1-3-х курсов и зачисленные на 1-й курс, а комсомольским организациям факультетов приходилось весь первый семестр разбираться с теми, кто по той или иной причине не поехал. Дело доходило до серьёзных комсомольских взысканий, вплоть до исключения из комсомола и даже университета. Так появился третий семестр, фактически лишивший студентов летнего отдыха.

В 1954 г. университет организовал первый в Саратове летний спортивный лагерь в Чардыме. С этого времени ежегодно в июле-августе в несколько смен в лагере отдыхали и занимались спортом сотни спортсменов. Лагерь каждый год надо было обустроить заново, так как во время весеннего разлива Волги большая часть его территории оказывалась под водой. И вот энтузиасты-комсомольцы из лыжной секции выезжали в июне в Чардым и

приводили территорию в порядок, разбивали палатки, делали навес над кухней и производили другие необходимые работы. Комитет комсомола вместе с кафедрой физвоспитания и руководством университетского спортклуба курировали спортлагерь. Комитет комсомола выделял одного человека, чаще всего аспиранта или молодого преподавателя, который назначался заместителем начальника лагеря и организовывал там культурно-просветительскую и воспитательную работу.

Во всей спортивной жизни университета многие годы ведущую роль играла лыжная секция, созданная замечательным тренером-воспитателем, фронтовиком Константином Гурьевичем Смятским. Ближайшими его помощниками были студенты физики Юрий Братанов, Борис Фомель, Марк Разумовский, Александр Курилов и др. Они не только помогли К.Г. Смятскому создать необычайно дружный коллектив лыжников, но возглавляли спортивный сектор в комитете комсомола и профсоюзном комитете университета, в комсомольских и профсоюзных бюро факультетов. Лыжники были инициаторами многих спортивных мероприятий в университете, всегда первыми откликались на инициативы других. Мне неоднократно приходилось сотрудничать с лыжной секцией, до сих пор жалею, что не удалось написать книгу о лыжной секции, которая в своё время была задумана мною вместе с Константином Гурьевичем.

Если вспоминать о моём участии в работе комсомольских конференций разного уровня, но надо отметить, что эти мероприятия носили чаще всего слишком формальный характер, затягивались обычно на два дня и приносили мало пользы.

Из опыта своей работы в бюро Кировского райкома ВЛКСМ хочу привести любопытный случай. Однажды на заседание бюро явился высокий, под два метра, стройный, молодой человек и заявил, что хочет сдать комсомольский билет, так как он рукоположен в священники и отправляется на службу в свой приход. Его пытались отговорить члены бюро и особенно присутствовавшая на заседании зав. отделом пропаганды и агитации райкома КПСС. Но молодой человек был неплохо подготовлен и легко опровергал наши атеистические доводы. Из разговора с ним выяснилось, что он родился в Манчжурии, мать была профессором Харбинской консерватории, отец-белоэмигрантом, который после разгрома Квантунской армии был арестован и находился в одном из лагерей ГУЛАГ'а. Молодой человек в Харбине кончил

духовную семинарию, прекрасно водил машину и очень хотел уехать в СССР, в частности, чтобы разыскать отца. И в это время началось освоение целины. Молодой человек подал заявление, что хочет принять в этом участие, получил разрешение, прибыл на целину, получил советское гражданство и вскоре был призван в ряды Советской Армии. Так как он был хорошим водителем, то в армии возил командиров. Затем его вместе с другими солдатами приняли в комсомол, даже не поинтересовавшись, какое у него мировоззрение. Отслужив в армии, он решил поддаться в Саратов, с которым были связаны его родственники. В Саратове он пытался устроиться в какое-нибудь автохозяйство, обращался за помощью в комитеты комсомола, но в автохозяйствах начальство подсовывало ему старые машины, которые надо было самому восстановить, да ещё за собственные деньги. Он оказался в тяжёлом положении. И тут на него вышли представители Саратовской епархии, предложили ему быть водителем машины у главы епархии. Он получил в своё распоряжение новую машину, ему установили высокую зарплату. В епархии, оказывается, знали, что он окончил в Харбине духовную семинарию, и поэтому через некоторое время предложили стать священником в одном из районов Саратовской области. Вот пример того, что комсомол не сумел оказать во время помощь отдельному человеку.

Моё пребывание в комсомоле закончилось в 1958 г., когда я перестал быть членом комитета ВЛКСМ университета. Но и в последующие годы связь с ним не порывал: участвовал в научных конференциях по истории комсомола, был консультантом в системе комсомольского политпросвещения.

Что в целом дало мне пребывание в рядах ВЛКСМ? Я уже писал об этом выше. Могу ещё добавить, что большинство своих друзей и хороших приятелей я приобрёл именно в результате общественной деятельности в комсомоле. В результате я знал большинство преподавателей всех факультетов университета и некоторых других вузов Саратова того поколения, которое сейчас ушло или уходит из жизни. В комсомоле я научился общаться с самыми разными людьми, получил определённые организаторские навыки, умение свободно выступать перед любой аудиторией, не пользуясь готовым текстом. Безусловно, пребывание в рядах ВЛКСМ способствовало моему оптимистическому настрою в жизни, преодолению трудностей и сложностей, которых было немало.

Если отмечать недостатки комсомольской жизни, то на первое место следует поставить наличие формализма, затем слепое копирование многих форм работы партийных организаций. Кроме того, конечно, неоправданным было раздувание рядов комсомола, стремление чуть ли не всех людей в возрасте от 14 до 28 лет втянуть в свои ряды. В результате комсомол потерял роль авангарда. Многие комсомольские мероприятия выродились в шумные, внешне эффективные действия, но не затрагивавшие человеческие души, проводились чисто формально. При огромной численности рядов комсомола была запущена индивидуальная работа с каждым. Кроме того, благодаря постоянной пропагандистской работе с молодежью, невозможностью для нас познакомиться с другой точкой зрения не всё происходившее вокруг нас, мы были зашорены, многого не понимали, да и не старались понять. Отсюда и рецидивы сталинизма, которые до сих пор мешают нашей стране выбрать правильный путь своего развития.

Но все-таки я вспоминаю свою комсомольскую юность ностальгически, она мне кажется лучшим временем моей жизни.

**«...ДЛЯ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ ПАМЯТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ»
(РУКОПИСЬ КУРСКОГО КРАЕВЕДА А.А. ТАНКОВА
«ИСТОРИЧЕСКИЕ МОНУМЕНТЫ В ПРОВИНЦИИ»
РОССИИ 1890-х ГОДОВ)***

С.П. Щавелёв

Курский государственный медицинский университет,
кафедра философии
E-mail: sergei-shhavelev@yandex.ru

Публикуется выявленная в архиве рукопись курского учителя и краеведа А.А. Танкова (1856–1930), в которой содержится полный перечень всех памятников в честь исторических лиц и событий, установленных в городах России к заключительному десятилетию XIX века. Текст этого любопытного историографического источника сопровождается археографическим введением, энциклопедической справкой о жизни и деятельности автора рукописи, комментарием к отдельным реалиям, упомянутым в ней. Также публикуется переписка курского историка с генералом С.Н. Шубинским, редактором известного журнала «Исторический вестник», за 1880–1910-е годы. Эти документы проливают дополнительный свет на становление региональной историографии в нашей стране.

Ключевые слова: исторические монументы, памятники событиям и лицам русской истории, провинциальная историография, историческое краеведение, публикация культурного наследия, популяризация национального прошлого.

**«...TO PERPETUATE THE MEMORY OF STATE AND PUBLIC
FIGURES» (KURSK ETHNOGRAPHER A.A. TANKOV' S
MANUSCRIPT «HISTORICAL MONUMENTS IN THE
PROVINCE OF» RUSSIA OF THE 1890' S)**

S.P. Schavelev

Kursk State Medical University

This is the publication of the manuscript revealed in archives of the Kursk. It's author is a teacher and local historian A.A. Tankov (1856–1930). The paper contains a complete list of all the monuments in honor of the historical figures and events, set in the cities of Russia to the final decade of the XIX century. The text of this curious histori-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01018 «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

ographical source "escorted" archaeographic introduction, encyclopedic reference on the life and work of the author of the manuscript, commentary separate realities mentioned in it. Also the correspondence papers of the Kursk historian with general S.N. Shubinsky are published. The last was an editor of the famous journal "Historical Bulletin" for 1880-1910-ies. These documents shed light on the formation of regional history in our country.

Keywords: historical monuments, memorials of events and personalities of Russian history, provincial historiography, historical regional studies, publication of cultural heritage, popularization of the national past.

Вниманию читателей тематического сборника «История и историческая память» предлагается документ, ярко характеризующий именно это в нашей стране сто с лишним назад. Полный каталог монументов, установленных в городах России к заключительному десятилетию позапрошлого века, дает возможность оценить приобретения и потери по части «одетой в камень и бронзу» нашей национальной памяти. Редкий архивный материал в чем-то дополняет и уточняет актуальные исследования теории и практики воссоздания и использования исторической памяти властью и народом¹.

Биографическая справка

Анатолий Алексеевич Танков (1856–1930), курский педагог (учитель гимназий, школ), журналист (многолетний редактор «Курских губернских ведомостей», постоянный корреспондент многих печатных органов, центральных и провинциальных), собиратель и историк курской старины.

Выходец из семьи потомственных священнослужителей. Его отец, протоиерей Алексей Алексеевич Танков (1817–1904) преподавал в Курских гимназиях и пансионах «закон божий», участвовал в церковно-историческом описании губернии. Анатолий

---

¹ См.: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М., 2004; Буслаев А.И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010; Шавелев С.П. 1150: юбилей российской государственности. От «призвания варягов» (862) до основания житийно-летописного города Курска (1032: 980). Курск, 2012; Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд. М., 2012 («PR как оружие в борьбе за власть»).

Танков окончил Курскую гимназию, затем историко-филологический факультет Московского университета со степенью кандидата (1880). С 1880 г. – учитель словесности в Курской Мариинской женской гимназии; с 1903 г. – в Курском реальном училище; с 1908 г. – в Александровской мужской гимназии в уездном г. Короче. В 1888–1890 гг. и 1905–1907 гг. редактировал «Курские губернские ведомости». Сотрудничал с газетами и журналами Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Харькова.

Будучи удален из гимназий в связи либеральными высказываниями и начинаниями (несанкционированный начальством кружок учащихся по изучению художественной литературы), учительствовал в Курском реальном училище (1902–1907). Затем был вынужден по тем же политическим опасениям перебраться из губернского центра в уездные городки – Корочу, затем в Лебедянь, и там работать учителем. В Курск смог вернуться только в 1917 году. После революции преподавал русский язык и литературу в советских ликбезах, красноармейских «школах». С 1927 г. на покое. От краеведческой работы в новых условиях пролетарской диктатуры предусмотрительно отошёл. Поэтому и не попал в число репрессированных на рубеже 1920–1930-х гг. здешних краеведов².

Всю сознательную жизнь вел дневник, который, по всей видимости, не сохранился.

На страницах курской и столичной периодики опубликовал массу статей и заметок по истории и культуре, преимущественно Курского края. Круг его краеведческих интересов необычайно широк – курские элементы «Слова о полку Игореве» и колонизация Посеймья в составе Московского государства; участие курян в Отечественной войне 1812 г. и в Крымской кампании; история дворянства губернии и связь его с движением декабристов; зарождение известной на всю страну Коренной ярмарки и отмена крепостного права в губернии; первые пожарные команды, история учебных заведений Курска; взяточничество здесь же и сенаторские ревизии по этому поводу; крестьянские волнения на территории губернии; и т. д., и т. п.

---

² См.: Щавелев С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск, 2007.

Следует отметить выразительный стиль танковской краеведческой публицистики, ее документированность архивными, этнографическими и фольклорными источниками.

Член Губернского статистического комитета, в составе которого участвовал в разборе архивов различных учреждений губернии. Пытался основать в Курске Губернскую ученую архивную комиссию как одну из первых в России, ещё в 1890-е гг., но неудачно. Губернское начальство почему-то не слишком доверяло этому гимназическому чиновнику, что выглядит странно при его, в общем, верноподданном поведении и постоянном сотрудничестве со вполне консервативными, монархическими печатными органами (вроде «Исторического вестника» С.Н. Шубинского и А.И. Суворина). Как видно, в полном признании на родине ему мешала либеральная репутация, попытки балансировать между официозом и свободомыслием. После создания такого учреждения в Курске в 1903 г. – неперенный член правления Ученой архивной комиссии, одно время товарищ председателя. Однако в претензиях возглавить работу Комиссии ее официальные лидеры, курские чиновники первого ранга, ему вежливо, но внятно отказали.

Кроме курских краеведных кружков, А.А. Танков – член-сотрудник Императорского Русского Археологического Общества и Археологического института (Санкт-Петербург).

Автор весьма основательной, основанной на архивных данных, монографии по истории курского дворянства, подготовленной им к 300-летию Дома Романовых. Предположениями и фактами из этого труда (и других танковских публикаций) беззастенчиво пользовались несколько поколений курских историков, включая нынешних краеведов, как правило, не ссылавшихся на авторство соответствующих – танковских идей и сведений.

В заметках современных краеведов не редкость встретить восторженные оценки деятельности А.А. Танкова как их главного предшественника в дореволюционный период. В подобных отзывах содержится большая доля истины. Этот учитель по основной профессии и журналист по призванию отличался действительно рекордной для Курска плодовитостью, несомненным даром публициста и вполне достойным уровнем научной объективностью своих разысканий «искорок курской старины» (согласно излюбленному им подзаголовку краеведческих публикаций). Однако считать его «главным курским историком» дореволюционного

периода было бы преувеличением. Он остался любителем краевой истории, хотя и наиболее добросовестным среди своих современников. Показательно, что ему не нашлось места среди советских краеведов и, проживая с ними бок о бок в Курске все 1920-е гг., он никак не участвовал в их довольно кипучей деятельности.

Сочинения: Из истории освобождения крепостных в Курском крае (Очерки крестьянской эмансипации) // Курский сборник. Вып. 2. Курск, 1902; Курский историко-археологический и кустарный музей // Исторический вестник. 1910. Т. СХХ. № 4; Исторический очерк Курской Мариинской женской гимназии. 1861–1911. Курск, 1911; Исторический очерк Курского общественного клуба (1863–1913). Курск, 1913; Историческая летопись Курского дворянства. Т. 1. М., 1913; Курский край в начале царствования Петра Великого (конец XVII в.) // Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. II. Курск, 1915.

Большая часть газетных публикаций А.А. Танкова отмечена в «Указателе важнейших статей, помещённых в Курских Губернских ведомостях...» в этом же выпуске «Трудов КГУАК».

Литература: Бугров Ю.А. Летописец отчего края // Курская правда. 1988. 10 сент.; Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 2. «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910-е годы. Курск, 1997; Бугров Ю.А., Амоскин А.С. Танковы. Курск, 2003.

Археографическая справка

Публикуемый ниже документ отложился в фонде С.Н. Шубинского, редактора и издателя «Исторического вестника» – довольно широко читаемого в свое время печатного органа.

Архив С.Н. Шубинского хранится в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ): фонд 874. Интересующий нас источник отнесен к описи № 2, инвентарный номер (дело) № 272. Данное архивистами заглавие гласит: «Танков А.А. Исторические монументы в провинции. Заметка. 1900-е гг. 6 лл.» Сразу замечу, что датировка неточна. В самой рукописи даны ссылки на сведения 1890 г., а в письме автора редактору уточнен и год написания самой «заметки» – 1891.

Как видно, сам автор переписал свою «заметку» пером и чернилами и послал для публикации редактору авторитетного и популярного столичного журнала. Но С.Н. Шубинский так и не опубликовал эту корреспонденцию, в отличие от нескольких других заметок курского учителя. То ли маститого редактора не устро-

ил стиль изложения, действительно несколько казенный, местами помпезный даже по тогдашним временам торжества имперской идеологии в нашей стране. То ли отставного генерала Шубинского смутил вывод автора статейки о том, что памятников историческим событиям и лицам у нас под конец XIX столетия маловато, заметно меньше, чем в Европе...

Мне представляется, что этот текст, все же, заслуживает быть напечатанным. С годами забвения его историографическая ценность выросла. Ведь в нем приведен фактический срез состояния монументального пропаганды славных традиций нашей Родины на рубеже ее патриархальной и модернизационной стадий развития. Поучительно будет сравнить скрупулезный перечень тогдашних памятников событиям и героям, которые прославили Россию, с последующим ходом и современным состоянием того же самого раздела общественной жизни и государственной политики.

Документ публикуется полностью, в авторской орфографии (с выпуском отмененных ее последующей реформой букв). Выделение отдельных слов автором в виде их подчеркивания сохранены, благо компьютер имеет соответствующую опцию. Пояснения составителя для лучшего понимания текста приведены в квадратных скобках, а комментарии тех или иных упоминаемых в нем реалий даны в виде постраничных примечаний. Поясняются только менее известные имена и события, а общеизвестные – нет. Также в квадратных скобках отмечается пагинация листов (и их оборотов) рукописи, данная архивистами. Сохранены и абзацы, на которые автор рукописи разбил ее текст (не всегда логично по содержанию).

Вслед за документом приводится переписка А.А. Танкова и С.Н. Шубинского, отложившаяся в том же архивном фонде. Письма провинциального корреспондента столичному издателю и редактору не столь содержательны с точки зрения историографии, однако служат еще одной иллюстрацией того, почему первоначально убыточный «Исторический вестник» со временем стал окупаться и даже приносить прибыль своим владельцам. Тираж столичного журнала неуклонно рос по нескольким причинам. Широкого читателя привлекала историческая беллетристика, рассказы таких маститых писателей, как Н.С. Лесков, но не в последнюю очередь и калейдоскоп любопытных, казусных заметок из провинции. В пополнении корпуса исторических анекдотов, любопытных случаев из прошлой жизни внес свою лепту и курский бытописатель А.А. Танков. В этом смысле его фигура ти-

пична для широкой сети губернских и уездных авторов столичных изданий, полунанучных, полубеллетристических, каков был и весь «Исторический вестник».

Стоит отметить, что гонорары в этом последнем издании были невелики по сравнению с другими центральными органами похожего содержания, так что сам С.Н. Шубинский предпочитал публиковаться в «Новом времени», «Ниве» и других органах тогдашней массовой печати.

Пользуюсь случаем выразить сердечную благодарность заведующему Отделом рукописей РНБ Алексею Ивановичу Алексеву и научному сотруднику той же библиотеки, заведующему группой исторической библиографии Отдела библиографии и краеведения Алексею Игоревичу Раздорскому за активное и всестороннее содействие в работе над указанным историческим источником.

А.А. Танков

ИСТОРИЧЕСКИЕ МОНУМЕНТЫ В ПРОВИНЦИИ*

Известно, что у нас в России с трудом прививается обычай ставить для увековечивания памяти государственных и общественных деятелей монументы на городских площадях. В то время, как за границей большие и малые города стараются перещеголять друг друга обилием воздвигаемых в стенах их памятников, у нас даже в древлепрестольной Москве находится всего три монумента: 1) Минину и Пожарскому; 2) Пушкину и 3) Ломоносову. О других русских городах и говорить нечего. Здесь мы не намерены ни объяснять причин этого явления, ни критиковать его. Нас интересует другое: передать в краткой заметке читателям «Исторического вестника» точные сведения обо всех находящихся в русских провинциальных городах на публичных общественных местах памятниках. Судя по своему личному опыту, мы убеждены, что многих занимает вопрос: сколько у нас в России монументов, в каких городах они находятся, по какому случаю воздвигнуты и т.п. Ответа на этот естественный вопрос до сих пор нельзя было [Л. 1об.] найти нигде. Между тем пишущему эти строки удалось в настоящее время получить надлежащие сведе-

---

* По сведениям 1890 года. – Примеч. А.А. Танкова.

ния по этому предмету, которые и будут здесь сообщены. Считаем долгом оговориться, что, во-первых, сведения эти не будут касаться памятников петербургских, как и без того достаточно известных; а во-вторых, финляндских и польских, не входящих в пределы нашей задачи.

Кроме столиц, в 35 русских провинциальных городах есть исторические монументы: из них 43 в губернских и только 4 в уездных. 45 губернских (включая в себя и областные) городов вовсе не имеют монументов. Число всех находящихся в них памятников равняется 63. Самыми богатыми, по числу памятников*, можно называть следующие города: Кронштадт (где пять памятников), Киев и Ригу (по четыре), Смоленск, Тобольск и Одессу (по три). Затем Житомир, Кишинев, Кострома, Нижний Новгород, Новгород [Великий], Петрозаводск, Полтава, Псков, Симферополь, Таганрог и Воронеж имеют по два памятника; по одному памятнику находится в Ярославле, Чернигове, Харькове, Сызрани, Симбирске, Самаре, Орле, Красноярске, Ковне, Ирбите, Астрахани, Архангельске и Курске [Л. 2]. В Кронштадте находятся следующие памятники: императору Петру I – освободителю города (поставлен в 1841 году, на Архангельской площади); адмиралу Беллинсгаузену, за его знаменитые полярные путешествия; исследователю острова Новой Земли Петру Кузьмичу Пахтусову³ (памятник этот по ночам освещается газом). Кроме того, есть памятники: в память погибшего корабля: Азов⁴, и в память погибшему клиперу Опричник⁵. Все эти памятники сооружены на средства Морского ведомства и на добровольные пожертвования.

В Киеве прежде всего надобно отметить два памятника святому равноапостольному князю Владимиру: верхний и нижний. Нижний представляет собой часовню на Крещатике, на правом берегу Днепра, воздвигнутую в 1802 году. Верхний находится на Андреевской горе, он представляет собой отлитую из чугуна фигуру князя Владимира во

---

* Считая, в том числе и часовни. – *Примеч. А.А. Танкова.*

³ Пахтусов Петр Кузьмич (1800–1835), русский мореплавател и гидрограф. Памятник ему в Кронштадте сооружен в 1886 году.

⁴ Линейный корабль «Азов», флагман русского флота, герой Наваринского сражения. Разобран в Кронштадтском порту в 1831 году. Из-за сильных повреждений в боях и походах.

⁵ Клипер «Опричник» – русский крейсер, в 1880-е гг. участник географического описания Дальнего Востока, где имел боевые столкновения с английским флотом.

весь рост и находящуюся на постаменте. Этот памятник сооружён в 1853 году. В 1888 году открыт памятник Богдану Хмельницкому, а в 1870 году графу А. Бобринскому⁶, в память его благотворной хозяйственно-промышленной деятельности для края. Кроме того, в Киеве предполагается построить памятник императору Николаю I, для чего уже собрано более 30000 р[ублей].

В Риге существует памятная колонна Победе, воздвигнутая в 1817 году в память побед императора Александра Первого и победоносной русской армии; а также «Александровские триумфальные ворота»; так называемая «Пороховая башня» и памятник Гердеру⁷.

В Смоленске в 1841 году воздвигнут, по повелению императора Николая, памятник в память проходившего здесь сражения 15 августа 1812 года и павших в нём русских воинов. Другой монумент сооружён одному из героев Отечественной войны подполковнику Энгельгардту⁸, местному дворянину, расстрелянному французами за верность России. В 1887 году в городском саду «Блонья» открыт памятник знаменитому композитору М.Н. Глинке, уроженцу Смоленской губернии. Первые два монумента сооружены на счет казны, а последний на добровольные пожертвования. В Тобольске находится на мысе Чукман памятник завоевателю Сибири Ермаку Тимофеевичу, в виде мраморного обелиска, высотой в 7 сажен, с высеченными на нем надписями. Он устроен в 1839 году. Под горой возле городского сада находится в память императора Александра II часовня, открытая в 1885 году. В городском саду устроено особое здание в память бывшего в 1837 году пе-

---

⁶ Алексей Алексеевич Бобринский (1800–1868), внук Екатерины II (сын ее внебрачного сына от Григория Орлова. Получил известность как агроном-новатор, строитель и владелец сети сахарных заводов. Памятник ему в Киеве установлен в 1872 году. Стал первым памятником в нашей стране, установленным в честь лица, отличившегося на экономическом поприще (не самодержцу, не военному, не писателю, не ученому). Снесен в 1954 г. и утрачен, на его месте установлен конный памятник Н. Щорсу.

⁷ Гердер Иоганн Готфрид (1744–1803), немецкий писатель и философ. Смолоду жил в Риге, где преподавал в соборной школе. Здесь же началась его писательская биография.

⁸ Энгельгардт Павел Иванович (1774–1812), герой Отечественной войны 1812 года. Будучи в отставке, с началом вторжения Наполеона организовал из своих дворовых людей партизанский отряд и напал на французские отряды. Лично убил 24 француза. Был выдан своими крепостными неприятелю. Враги предложили ему перейти на их сторону с чином полковника. После отказа был расстрелян французами. Отказавшись завязывать глаза, сам дал команду стрелять. Памятник ему был установлен в Смоленске в 1830 г. по личному указанию и на деньги Николая I. В 1930-е гг. снесен.

реезда императора Александра II (тогда еще наследника [Л. 3] цесаревича) через реку Иртыш в Тобольске. В этом здании хранится катер, в котором был совершен переезд. В Одессе на берегу моря, на бульваре, в 1827 году сооружен монумент герцогу де Ришелье, управляющему Новороссийским краем с 1803 по 1814 год. Другой памятник – колонна императора Александра II, третий – в честь А.С. Пушкина.

Переходим теперь к городам, имеющим только по два исторических памятника.

В Житомире на городской площади находится устроенная из полированного гранита часовня в память чудесного спасения императора Александра II от опасности в Париже 25 мая 1867 года. Часовня открыта в 1871 году. На другой городской площади Житомира находится монумент польскому поэту Адаму Мицкевичу. Один из находящихся в Казани памятников воздвигнут в память воинов, убитых при взятии Казани в 1552 году. Он устроен на пожертвования членов Императорской фамилии и собранные по подписке во всей России суммы в 1823 году. Памятник имеет форму пирамиды. Другой – известному поэту Г.Р. Державину; открыт в 1847 году. В Кишиневе есть памятник А.С. Пушкину и монумент в память пребывания в 1877 году в Кишиневе [Л. 3об.] императора Александра II. Сооружен этот памятник на средства города в 1886 году. Кострома имеет два памятника: 1) царю Михаилу Федоровичу Романову и крестьянину Ивану Сусанину, поставленный в 1851 году на Сусанинской площади, и 2) часовню в память мученической кончины Александра II. В Новгороде [Великом] находится памятник тысячелетию России, открытый в 1862 году; другой памятник: в воспоминание похода новгородского ополчения в 1812 году. В Петрозаводске, по повелению императора Александра I в 1819 году, был поставлен памятник Петру Великому, а в 1885 году императору Александру II. Оба памятника, находящихся в Полтаве, относятся к воспоминанию о полтавской битве. 27 июня 1809 года, на месте встречи Петра I комендантом города Полтавы, полковником Келлином и гражданами города на другой день битвы. Монумент этот стоил 135000 рублей; часть этой суммы пожертвована Александром I. Другой памятник находится на месте, где был дом Магденка, в котором Петр на другой день после битвы посетил коменданта Келлина и пил за здоровье его и полтавских граждан, сооружен в 1849 году на добровольные пожертвования дворян и других [Л. 4] сословий. В Воронеже есть два памятника: Петру Великому и поэту Кольцо-

ву. Во Пскове находятся памятники: 1) павшим героям славной защиты Пскова от Стефана Батория в 1581 году; 2) императору Александру II. В Симферополе на площади в городском саду, против собора воздвигнут в 1842 году памятник завоевателю Крыма князю В.М. Долгорукому-Крымскому⁹. Другой памятник – Екатерине II в память исполнившегося столетия со времени присоединения к России Крымского ханства. В Таганроге находится часовня в память 4-го апреля 1866 года, и на Иерусалимской площади монумент императору Александру I в память пребывания его в Таганроге в 1825 году. В Херсоне в 1836 году в городском саду воздвигнут памятник светлейшему князю Потемкину-Таврическому. Еще раньше, в царствование Александра I против тюремного замка на площади поставлен монумент другу человечества англичанину Говарду¹⁰. Он представляет собой обелиск с солнечными часами и барельефным изображением Говарда.

Теперь нам остается указать провинциальные города, имеющие по одному историческому памятнику. В Архангельске есть памятник М.В. Ломоносову на Соборной площади, в Астрахани императору Александру II, [Л. 4об.] в Екатеринославе есть памятник Екатерине II, сооруженный на средства местного дворянства в 1846 году. Памятник этой же императрице находится в городе Ирбите, по случаю столетия существования города в 1883 году, которому она даровала права за непоколебимую верность жителей престолу во время бунта самозванца Пугачева. В Ковне находится монумент в память 1812 года на Александровской площади, открытый 30 октября 1843 года. В Самаре сооружен памятник Александру II, по рисункам и моделям академика В.О. Шервуда. Средства на сооружение доставлены добровольными пожертвованиями и ассигнованием городских сумм. В Симбирске есть памятник Н.М. Карамзину, устроенный на добровольные пожертвования в 1845 году. В Ярославле – П.Г. Демидову, основателю Демидовского лицея. Памятник открыт в 1826 году

---

⁹ Князь Василий Михайлович Долгоруков (1722–1782), генерал-аншеф русской армии. Во время русско-турецкой войны командовал армией, которая заняла Крым, разбив турок и крымских татар. За что и получил от Екатерины II титул «Крымский».

¹⁰ Говард Джон (1726–1890), реформатор британской тюремной системы на гуманных началах. Вел международную кампанию по борьбе с эпидемией чумы. Умер в России, в Херсоне, заразившись чумой в лазарете, где работал врачом. Памятник на его могиле был сооружен в Херсоне в 1826 г. по завещанию Александра I. Разрушен в 1950 г. при строительстве каменного карьера. Памятник «другу людей» Говарду находится также в Лондоне, у входа в собор св. Павла.

и помещен на площади, против лица. В Новочеркасске, на Платовском проспекте находится памятник донскому атаману Платову. В Севастополе – памятник капитану Козарскому¹¹, открытый в царствование императора Николая I. В Чернигове, Курске, Харькове, Сызрани и Орле существуют часовни в память императора [Л. 5] Александра II.

Из перечисленных мною памятников (включая сюда и часовни), в честь коронованных особ воздвигнуто 28; в честь писателей и учёных 9*; государственных и общественных деятелей 13; событий 15. Следует также заметить, что от прошлого века нет ни одного памятника; в нынешнем веке более всего памятников поставлено в царствование императора Николая II¹². Что касается часовен, то все они посвящены памяти императора Александра II.

Анатолий Танков».

ОР РНБ. Ф. 874. Архив С.Н. Шубинского. Оп. 2. Д. 272. Л. 1–6.

А.А. Танков – С.Н. Шубинскому

1.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич,
покорнейше Вас прошу напечатать мою статью¹³. При этом имею честь объяснить следующее:

1. На все условия «Исторического вестника» согласен.
2. Адрес мой: Курск, Новопретраженская улица, дом № 27-й.

---

¹¹ Александр Иванович Казарский (1797–1833), русский военный моряк, герой русско-турецкой войны 1828–1829 годов. В 1829 г. командовал бригадом «Меркурий», который победил в неравном бою два линейных турецкие судна. Памятник установлен по инициативе адмирала М.П. Лазарева. Этот памятник стал первым. Воздвигнутым в Севастополе.

* В том числе памятник композитору М.И. Глинке. – *Примеч. А.А. Танкова.*

¹² Николай Павлович действительно первым из русских царей обратил пристальное внимание на памятники отечественной истории и культуры, их сохранение, реставрацию; установку памятных знаков выдающимся деятелям и событиям национального прошлого. Подробнее см.: *Высочков Л. Николай I. М., 2008. С. 12–42 (ЖЗЛ. Вып. 173).*

¹³ Статья А.А. Танкова «Психопатка» была опубликована в «Историческом вестнике» (1887. Т. XXX. С. 180–197). Речь в ней идет о ложном доносе насчет существования «революционного сообщества в Обоянском уезде», который сочинила ревнивая помещица и расследовали курские чиновники в 1843 году.

3. Рассказ «Из-за мужчины» составлен на самом точном основании архивных дел. Против действительного факта, бывшего в 1843 и 1844 годах, в нем нет ни малейшего отступления и изменения, что может быть проверено подлинными делами. Каждая страничка рассказа находит себе подтверждение в добытых мною архивных бумагах.

4. Глубоко благодарен Вам, Сергей Николаевич, за последний ответ, хотя несколько сожалею о том, что затруднил Вас этим ответом. Я поставил себе задачу и выполняю ее: изучить местные архивы. При этом некоторые результаты этого изучения я помещаю в местном органе печати, в харьковских изданиях. Две мои вещи приняты в «Русской старине». Внимание печати, на первых шагах моей деятельности, имеющей в виду исключительно одну научную (хотя бы в малой форме) цель, для меня [Л. 121] есть дар небес, ибо более искать сочувствия и содействия в нашей провинции негде – напротив, везде к этому поставлены (трудно понять даже из-за чего) препятствия... Поэтому для меня так дорог Ваш ответ, какой бы он ни был. Кроме пользы, он ничего мне принести не мог... Посему еще раз благодарю вас, глубокоуважаемый Сергей Николаевич... Но опять смею просить вас, если мой рассказ не пойдет, не утруждайте себя ответом... Прошу именно потому, что знаю, что Вам как человеку непререкаемой науки, дорого время... Как редактору тем более... Будьте здоровы и благополучны.

А. Танков.
[1887 г.]

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 38. Л. 120.

2.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич, письмо Ваше своевременно получил. Вам трудно себе представить, как я Вам благодарен за наставления и разъяснения Ваши, которые принесли мне, как человеку сравнительно юному и недавно начавшему, много пользы. Я сознаю, что не заслужил Вашего внимания и тем более благодарен Вам. Из Ваших указаний для меня выяснилось теперь весьма многое.... Я теперь [Л. 121об.] уразумел, что добываемые мною из архивов сведения, раз они не обработаны и являются в сыром виде, надо издавать отдельно, в качестве «Материалов». Так мною и будет поступле-

но относительно «Освобождения крестьян [в Курской губернии]»¹⁴. На сбережения от гимназического жалования я постараюсь летом настоящего года издать 1-й том материалов. Я знаю, что эта книга не пойдет в продажу, но меня интересует именно сохранение все-таки, по моему мнению, имеющих значение для нашего края документов [Л. 122] от гибели. Которую я нашел случай видеть в здешних архивах; гибели, вид которой (если так позволительно выразиться) вырывает слезы из глаз. Ваше же внимание, многоуважаемый Сергей Николаевич, я утруждаю насчет издания «Материалов» потому, что прошу Вас и умоляю дозволить мне и это издание посвятить Вашему имени, чем исполнится горячее желание моего сердца. Вам трудно себе представить, как в нашем захолустье, среди всеобщего озверения, благотворно действующий [Л. 122], ободряющий юного адепта архивов голос человека исторической науки. Я сознаю, что не обладаю ни талантами, ни знаниями; но у меня есть страсть к чтениям архивных памятников. Все равно как картежника влечет к зеленому столу, так меня в архивы. После гимназических уроков, которые я на сей конец имею сравнительно немного, я иду в архивы губернского правления, суда и т.д. Там мне приходится заниматься за канцелярским столом вместе с пишущими чиновниками... И назанимавшись, [Л. 123] я уже иду домой, более или менее удовлетворенный. Я успел собрать из архивов много сведений, но им, как большей частью местным, надо лежать. Я вообще сознаю, что надо сначала изучить хорошенько архивы и собирать материалы, и дело составителя – впереди. И если мне пришлось явиться с некоторыми своими заметками в печати, то исключительно только для ободрения себя и получения энергии к работе. Так, например, после Вашего милостивого согласия на напечатание моего рассказа «Из-за мужины» [Л. 123об.], который получит пусть заглавие по вашему усмотрению¹⁵, я долгое время не буду утруждать вас присылкой статей, ибо сознаю, что «Исторический вестник», как лучший исторический журнал, не может и не должен уделять мне много места для местных сюжетов. Но на долгие месяцы напечатание моего рассказа придаст мне энергии в изучении архивов. Повторю свое искреннее и горячее желание, чтобы Вы дозволил первое мое посвятить вам ... и если будет так, [Л. 124] то прошу меня почтить уведомлением, только не теперь, а

---

¹⁴ Заметки А.А. Танкова «Освобождение крестьян в Курской губернии» напечатаны в «Курских губернских ведомостях» 1889 г., № 32 и следующие.

¹⁵ Речь идет о вышеупомянутом рассказе «Психопатка».

когда будете иметь свободное для этого дела время; потому что мне положительно совестно затруднять Вас перепиской... По Вашему желанию, сообщаю, что мое имя и отчество Анатолий Алексеевич. Будьте здоровы и благополучны.

1887, февраля 20.
А. Танков.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 38. Л. 121–124.

3.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич, пользуюсь всяким случаем, чтобы заявить Вам свою глубокую благодарность за то, что Вы, желая поощрить во мне охоту к изучению провинциального прошлого, дали мне место в «Историческом вестнике». Благодаря Вашему просвещенному содействию и покровительству, которого я никогда не забуду и о котором считаю своим долгом [Л. 132об.] и радостною обязанностью говорить устно и письменно везде и всюду, я теперь получил и некоторые блага, о которых прежде не думал. Во-первых, я был избран членом С.-Петербургского Археологического института, совершенно для меня неожиданно. Затем местный начальник губернии, узнав, что я имел случай поместить свои заметки в таком журнале, каков «Исторический вестник», для возможности продолжать мне труды, предложил мне место редактора Губернских ведомостей. Наконец, я недавно избран членом местного [Л. 133] Статистического комитета [и] как таковой получил свободный доступ в курские архивы.

Ввиду того, что Вы мне покровительствуете, я счел возможным сообщить Вам эти сведения. Я продолжаю работать в прежнем направлении, но только извлекая материалы и не торопясь строить что-либо. Покорнейше прошу бросить взгляд Ваш на мою заметку: не явилось ли бы возможности поместить ее как-нибудь? Если это окажется возможным, то покорнейше просил бы Вас разрешить это по Вашему указанию [Л. 133об.]. Дело, подобное «Психопатке», я на днях нашел. Оно будет мною на всякий случай обрабатываться. Может быть, и пригодится. В деле этом принимает личное участие Александр I. У нас стоит хорошая погода, не жарко и не холодно. Живем на даче, проводим время весело; учение в гимназии отложили до 16 августа... Я час-

то вспоминаю о Вас, а между тем очень хотел бы получить от Вас фотографическую карточку... Быть может, когда-нибудь...

Будьте здоровы и счастливы!

Ваш покорнейший слуга А. Танков.

1888, август 1.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 41. Л. 132–134.

4.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич, покорнейше Вас прошу, если то окажется возможным, поместить посылаемую мной рукопись¹⁶.

Будьте здоровы и счастливы!

Ваш покорнейший слуга А. Танков.

1889. окт. 7.

Курск, Новопретраженская улица, дом № 27-й.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 44. Л. 102.

5.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич, трудно выразить словами, как поразил меня, высказанный совершенно справедливо, Ваш упрек мне. Действительно, я сделал ошибку; но позволю занять несколько минут ваше внимание и объяснить Вам сущность дела.

Прежде всего, скажу, что в своей деятельности относительно извлечения и передачи читателям фактов из архивных документов, я всегда был педантичен, и поэтому все мои исторические заметки, помещенные в разных периодических изданиях, представляют только изложение фактов, без моих суждений и выводов. Считая себя чернорабочим по части извлечения сведений из истории Курского края, я честно и открыто могу сказать: относился добросовестно к каждому документу и старался передать содержащийся в нем факт [Л. 104] словами подлинника, боясь, в некоторых случаях, перефразировать или вставлять свои слова. У меня сейчас лежат две-три работы из курской истории, изложенных документально в источниковой форме. Для меня лично было

---

¹⁶ Статья А.А. Танкова «Ширковское дело» помещена в «Историческом вестнике» за 1890 г. (Т. ХLI. С. 134–164). В ней излагается уголовное дело 1813–1823 гг. по обвинению льговского помещика «Ширкова» в зверском убийстве любовницы.

бы приятно, переделав их, сократив, изложив живее и т.д., быть может, напечатать где-нибудь; но я не решаюсь сделать этого, чтобы не нарушить документальности изложения, и когда-либо на свои заработки издам приготовленные [Л. 104об.] мною факты; но издам в полной неприкосновенности подлинников. Так, по своим правилам, поступил я в статье о Ширкове. Все там, даже помещенные в разных местах разговоры, пунктуально выписаны из следственного дела, которое я вновь просмотрел вчера. Предания же о Ширкове рассказывал мне отец, знавший их из первых источников. Впрочем, некоторая часть преданий взята мною прямо из следственного дела, например, о сватовстве [Л. 105] Ширкова, гнусной проделке его над девушками и прочее. Что я позволил себе изменить, это фамилию Ширкова. В этом я виновен; но заслуживаю снисхождения. Если бы я знал, что о Ширкове уже напечаталось; то, разумеется, мне и в голову бы не пришло изменить две первые буквы фамилии; но я рассуждал так: Ширков не известное историческое лицо, и псевдоним в данном случае не изменит дела. К тому же, [Л. 105об.] в исторических журналах даже исторические (в более обширном смысле слова) лица фигурируют под псевдонимами. В «Воспоминаниях» Пассек почти везде встречается под именем Саши Герцена, в «Русском архиве» 60-х годов Марлинский вместо Бестужев, в «Записках» Головачевой Ч. вместе Чернышевский; генерал (даже без инициала) Малютин и многие другие. Я только долго думал, напечатать ли Ш-в или Нырков, и нашел, что последнее как будто бы лучше [Л. 106]. Объясняя это, я считаю своим долгом сказать, что так я думал только до получения Вашего письма. Теперь же, прочитавши его внимательно, я глубоко Вам благодарен; ибо Ваше доброе для меня направление послужит для меня уроком в будущем. Крепко-накрепко затвержу себе, что менять имен в исторических актах нельзя, к чему я легко отнесся в первый раз в своей деятельности, и в этом вполне раскаиваюсь и прошу [Л. 106об.] прощения. В остальном же вполне полагаюсь на снисхождение Ваше, надеясь, что впоследствии я заглажу перед Вами свой грех.

Будьте здоровы и благополучны.

Ваш покорнейший слуга А. Танков.

Окт[ября] 16 [18]89 года.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 44. Л. 103–106об.

6.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!
Покорнейше прошу Вас напечатать прилагаемую заметку, самым точным образом основанную на документах¹⁷.

А. Танков.

Адрес: Курск. Анатолию Алексеевичу Танкову. Дом № 21-й.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 44. Л. 12.

7.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!
В декабре мне пришлось, на основании архивных документов, составить заметку о крестьянском волнении в 1862 году. Сообщенные в ней факты, как кажется, не лишены некоторого интереса, потому я и позволил себе утруждать [Л. 163об.] Вас просьбою: не соблаговолите ли поместить прилагаемое. Если же это окажется неудобным, то будьте добры, прикажите отослать заметку мне. Бывшее недавно XXV земское (губернское) собрание постановило: составить исторический образ прошлой истории [Л. 164] земства Курской губернии и для участия в этом пригласило меня. Будьте здоровы и благополучны и весело встречайте Новый год!

1890, 27 декабря.

Ваш покорнейший слуга А. Танков.

Адрес: Курск. Новопрображенская улица, д. № 27-й.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 47. Л. 163–164.

8.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич, прежде всего поздравляю Вас с наступлением Нового года и от всей души желаю Вам быть здоровым и счастливым. Посылаю две заметки и покорнейше прошу, если найдете возможным, поместить их; так как мне показалось, что они могут быть небезынтересны для читателей¹⁸. Будьте благополучны!

---

¹⁷ В 1889 г. в «Историческом вестнике» вышли две заметки А.А. Танкова: «Нелепые толки» (Т. XXXV. С. 246–247) и «Грузинская царица и медные деньги» (Т. XXXVII. С. 448).

¹⁸ В 1892 г. «Исторический вестник» поместил две заметки А.А. Танкова: «Глинская Рождество-Богородицкая пустынь (Курской губернии, Путивльского уезда)» (Т. XLVIII. С. 800–801) и «Бой русских с турками в Белгороде» (Т. XLIX. С. 749–751).

Ваш покорнейший слуга А. Танков.
1892 года, января 21.
Курск. Новопретображенская улица. Д. 27.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 53. Л. 117.

9.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!

Прежде всего, позвольте пожелать Вам полного здоровья и благополучия, а потом сказать, почему я вздумал утрудить Вас присылкой двух заметок. Вы были столь снисходительны ко мне, что приняли для напечатания раньше посланное мною. Для меня это совершенно достаточно для глубокой благодарности Вам. Если же опять беспокою Вас, то вот почему. Заметка о провинциальных памятниках (на основании совершенно достоверных данных, недавно (в 1890 году собранных), была написана мною [Л. 118об.] год тому назад. Я не спешил печатать ее, а между тем и в устных разговорах и даже в печати нередко высказывают, кажется справедливое мнение о том, что до сей поры нет заметки, где бы собраны воедино были сведения о русских памятниках, какие они, где находятся и кем сооружены. Действительно странно, что нет ответа в исторической печати на подобные, вполне естественные вопросы. И вот я решил представить свою заметку вашему благосклонному вниманию. Если, быть может, за 91-й год еще где-либо сооружен памятник, то не думаю, что от этого потеряла значение заметка. У меня по этому поводу есть и оговорка.

Что касается второй заметки, то меня подкупило то, что здесь быт превосходит фантазию. Мною не прибавлено ничего; все опирается на актах об истязаниях Опоновой (?), я даже убавил и смягчил. Затем случай на ярмарке, заключение О., бегство при помощи слуги, спасение во дворе Добровского, осада его дома и проч. воспроизведены точно. Я знаю, из старого помещичьего быта сохранилось немного подобных вещей. Но опоновское [? дело] было не лишено оригинальных искр. И мне показалось, что оно может быть прочитано не без интереса¹⁹.

Во всяком случае, если признаете заметки неудобными, не пожалею о них нисколько; туда им и дорога.

Ваш покорнейший слуга А. Танков.

---

¹⁹ Статья А.А. Танкова «Из нравов недавнего времени» вышла в «Историческом вестнике» за 1893 г. (Т. LIV. С. 566–571).

1892, марта 19.

Курск, Новопретображенская улица. Д. 27.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 53. Л. 118–118об.

10.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!

Показалось мне, что рассказец, который я выслушал летом, небезынтересен; между прочим, потому, что решительно ничего не печаталось о событиях, которые он затрагивает. Вот поэтому-то позволяю его (т. е. рассказец) предложить на Ваш суд. Быть может, он найдет себе место в ряду мелочей²⁰. [Л. 120об.]. Замечательно, как увеличивается интерес книг «Исторического вестника». Наш клуб решил вместо 1 экземпляра, как раньше было, выписывать их 3.

Будьте здоровы и благополучны!

Ваш покорнейший слуга А. Танков.

1892, 24 декабря.

Новопретображенская ул. Д. № 21-й.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 53. Л. 120–120об.

11.

Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Сергей Николаевич!

Извините, что опять беспокою Вас. К этому меня побудило то обстоятельство, что, вероятно, небезынтересно будет читателям Исторического вестника прочитать о таком знаменитом ученом, каким был Ф.И. Буслаев, хотя бы и мимолетные мои заметки о некоторых чертах его характера²¹. Позволил я себе написать об этом предмете ввиду того, что когда умер Н.С. Тихонравов²², то у меня под руками были, как мне казалось, весьма интересные воспоминания [Л. 13об.] о нем; но я думал, что о нем как о профессо-

---

²⁰ Вероятно, речь идет о заметке А.А. Танкова «Селиховы дворы» («Исторический вестник», 1894, т. LVIII, с. 211–219). Других публикаций в этом журнале, кроме указанных в примечаниях, у автора за 1890-е гг. не было.

²¹ Статья А.А. Танкова «Воспоминания о Ф.И. Буслаеве» напечатана: Исторический вестник. 1897. Т. LXIX. С. 837–851.

²² Академик Николай Саввич Тихонравов (1832–1893), русский филолог, археограф и историк литературы. Профессор, декан историко-филологического факультета, ректор Императорского Московского университета.

ре напишет кто-либо посостоятельнее меня. Что же оказалось? Ни звука! Когда же прошло время, то и я не счел уже вправе высказаться о Тихонравове. Упоминаемый мною приват-доцент ²³ (быстро читавший лекции) преподавал антропологию. В высшей степени быстро и невразумительно читал теперь ваш петербургский Кареев ²⁴ (прямо таки захлебываясь). Я стенографировал за ним только при условии по 4 р. за час; ибо это была весьма адская работа. Ужели и теперь он так же захлебывается? Если почему-либо [Л. 14] нельзя мою заметку напечатать в И.В., то не пригодится ли она для Нового времени? А основана она на тех записях, которые я сделал в дневнике своем. Отрывочность же заметки объясняется тем, что я боялся написать более и сделать ее обширною. Несколько заметок своих пустил я в разные журналы: Киевскую и Русскую старину и [Исторический] Архив. Везде приняты. Буду и Вас еще беспокоить. Нашел прелюбопытные дела в архивах и пришлю Вам: если не соблаговолите напечатать, [Л. 14об.] то, по крайней мере, просмотрите. На днях возвратился из Киева, где один киевлянин спросил меня: лучше ли Петербург Киева, или нет?

Будьте здоровы и благополучны.

Примите уверение в совершеннейшем моем глубоком уважении и преданности, Ваш покорный слуга А.

Адрес: Курск. Новопретображенская улица, дом № 21-й. Анатолию Алексеевичу Танкову.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 71. Л. 13об.-14об.

12.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!

Христос воскрес!

Счел для себя долгом поздравить Вас с наступившим праздником воскресения Христова и пожелать Вам счастья и благополучия. Выражаю Вам кроме того глубокую благодарность за напечатание моей заметки «Психопатка». Я имел уже случай писать

---

²³ С 1881–1884 гг. должность приват-доцента кафедры антропологии Московского университета занимал Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923), будущий академик.

²⁴ Академик Николай Иванович Кареев (1856–1931), русский историк и социолог.

Вам, что такое с Вашей стороны просвещенное снисхождение ко мне подкрепляет мои силы.

В трех изданиях – журнале и двух газетах – прочитал я, что моя заметка любопытна. Этому я был рад; потому что давно привык к уничижению, что в «Историческом вестнике» помещались любопытные материалы (а стало быть, и я <по пословице – куда конь с копытом, туда и рак с клешней>), хоть немного не отстал от любопытного. За 97 год я (несмотря на то, что по домашним обстоятельствам и месяца не занимался научными делами) успел кое-что напечатать – большей частью в нашем «Курском листке», в редакции которого я принимаю участие, а потом исторические заметки в «Русской старине» (1), «Русском конверте» [?] (2), «Южном крае» (2), Московских ведомостях (1) и Курских епархиальных ведомостях (1). Кроме того, я извлек материалов довольно много для очерка о сенаторской ревизии, бывшей в 1850 году в Курской губернии. Этим очерком я и начну заниматься теперь. Знаете ли, какая судьба постигла «Освобождение крестьян в Курской губернии»? Я собрал все документы по этому [Л. 127об.] предмету, привел их в летописный свод и хотел, как Вы помните, издать на свой счет с посвящением Вашему имени. Меня уговорил заведующий губернской типографией печатать книгу у них, ибо будет это дешево. А посему рукопись была послана в цензуру в Москву. И там не дозволена к печати. Когда я узнал об этом – третьего дня, во вторник [то усомнился] – возможно ли так тому свыше? Однако пришлось поверить! Мой невиннейший летописный свод, безо всяких [Л. 128] комментариев с моей стороны – и забракован. Осмеливаюсь я спросить у вас совета, если найдете это возможным: что теперь делать? Вам известно, что я лично, кроме пользы для дела, ничего не ищу. Я часто не подписываю под заметками свою фамилию и забочусь не о себе, как авторе (хотя бы мельчайшем), но о старине – была бы она издана на свет Божий и только. В данном случае, например, я, собравший материалы для истории освобождения крестьян в Курской губернии, мог бы, выбросивши многие известия, оставить наиболее интересные [Л. 128об.], – приложить свое соображение к составлению литературного очерка – быть может, яркого – и тогда бы явилась возможность напечатать сей очерк в каком-либо периодическом издании. Но я этого не сделал, ведь меня увлекало издание документов освободительной эпохи, чтобы ни один из них не пропал для будущего. Точно также ниоткуда я не искал пособия на изда-

ние... И вдруг цензура. Повторяю, ели можете сказать что-либо, смею просить, – скажите. Еще один вопрос предложу Вам. Некогда в 27 верстах от Курска у Коренского монастыря была знаменитая Коренная ярмарка. Теперь от нее остались развалины и воспоминания. В историческом смысле, не будет ли хорошо – снять снимки с этих развалин (путем фотографии) и составить очерк истории ярмарки, и если это сделать, то как? Под словом как я, конечно, разумею очерк. Затем считаю своим долгом передать вам мое искреннее и глубокое почтение и еще поблагодарить Вас за все, что Вы сделали для меня.

Будьте здоровы?

А. Танков.

1899, апр. 30.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 41. Л. 126–129.

13.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!

Показалось мне, что моя заметка может быть небезынтересна, а потому я решился предложить ее Вашему вниманию²⁵. Если неудобно для «Исторического вестника», не будете ли так добры переслать ее в редакцию «Нового времени», хотя бы в форме корреспонденции. Будьте здоровы и благополучны на многие лета.

Вашего превосходительства покорнейший слуга А. Танков.

1899, июня 20.

Адрес: Курск, Новопретображенская улица, дом 21-й. Анатолию Алексеевичу Танкову.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 79. Л. 5.

14.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!

Имею честь представить Вам мою заметку²⁶; быть может, она пригодится для напечатания. Желая Вам здоровья и благополучия на долгие годы!

---

²⁵ В «Историческом вестнике» за 1899–1900 гг. заметок А.А. Танкова (за исключением упоминаемого ниже некролога Т.И. Вержбицкого) нет.

²⁶ В «Историческом вестнике» за 1899–1900 гг. заметок А.А. Танкова (за исключением упоминаемого ниже некролога) нет.

Ваш покорнейший слуга А. Танков.
1899, 3 июля.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 79. Л. 8.

15.

Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Сергей Николаевич!
Благодарю Вас за снисхождение к моим заметкам. Теперь посылаю на благоусмотрение Ваше два слова о Вержбицком²⁷. Не найдете ли возможным напечатать о нем в отделе смеси?²⁸ Он всю свою душу вкладывал в дело старины; в своей заметке я не мог высказать о нем многого, боясь распространения и утомления читателей. Если неудобно для «Вестника», быть может, соблаговолите передать в «Новое время. [Летописное] Посеймье, все-таки, Курская губерния. Приблизительно до половины семидесятых годов существовала в ней хоть какая-нибудь историография. Были лица, интересовавшиеся стариной. Теперь давно уже никого и ничего²⁹. Не выходит ни Памятных книжек [губернии], ни трудов Статистического комитета. Решительно негде напечатать что-либо, кроме Губернских ведомостей и Епархиальных. Есть у нас четыре газеты; но они таковы, что никто из местной интеллигенции и не показывается туда. Несколько лет прилагаю усилия к открытию ученой архивной комиссии – и все бесплодно. Вержбицкий прошлую зиму брался наладить дело, но вскоре заболел и умер. Просто [Л. 7] не верится, что 30, и 40, и более лет тому назад были

---

²⁷ Тит Иоильевич Вержбицкий (1845–1899), чиновник (на своей родине, Подолии, – полицмейстер; в Курске – судебный пристав, советник губернского правления, секретарь ГСК, редактор губернских ведомостей), историк-любитель, коллекционер антиквариата. Сотрудничал в газетах и журналах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Харькова. Инициатор установки памятников поэту И.Ф. Богдановичу в Курске, купцу-землепроходцу Г.И. Шеллихову в Рыльске; увековечивания памяти астронома-самоучки Ф.А. Семёнова (городские метеостанция, публичная библиотека его имени). Автор нескольких добротных работ по истории края, публиковавшихся в «Памятных книжках Курской губернии», составителем которых он сам и выступал.

²⁸ Некрологическая заметка А.А. Танкова о Т.И. Вержбицком опубликована в «Историческом вестнике» за 1899 г. (Т. LXXVIII. С. 231–235).

²⁹ Автор несколько преувеличивает, некоторые любители истории и древностей в Курске продолжали свою деятельность и в эту пору. См.: *Щавелев С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. II. «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910-е годы. Курск, 1997.

в Курске же любителя старины: писали, издавали, даже состоятельные люди благодетельствовали на мой предмет средства. Теперь, буквально, нет никого, и не предвидится. Я уже сообщал Вам, что моя профессия – преподавать в гимназии, теперь позволю сообщить Вам, что с апреля назначен я харьковским попечителем учебного округа, кроме прежней должности, управлять курской женской прогимназией. Я также назначен членом особой комиссии от министерства [Л. 70б.] народного просвещения для разбора архивных дел. Будьте здоровы и благополучны!

Ваш покорнейший слуга А. Танков.

1899, 14 августа.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 79. Л. 6–70б.

16.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!

Осмеливаюсь в дополнение к моей заметке о пожалованной шали, послать Вам еще два фактика из прошлой жизни, показавшиеся мне небезынтересными. Быть может, вы найдете возможным три мелочи поставить рядом³⁰. Долго не решался я сделать этого; но пришел к выводу – если они и не годятся, то Вы великодушно извините меня за беспокойство [Л. 130об.]

Письмо Ваше я своевременно получил и за него Вам благодарен, продолжаю только ждать Вашей карточки с нетерпением. Мы приготавливаемся к министру [народного просвещения]. Суета и волнение! За несколько дней перед сим был харьковский попечитель [учебного округа] и, увидевши в библиотеке Байрона, велел немедленно спровадить его подальше. Почему-то попечитель требует, чтобы в женских заведениях заняли министра рукоделием. Для министра же отыскивали и отыскали у местного богача экипаж [Л. 131] на резине. Теперь ищут ему квартиру и т.п. Когда министр от нас уедет, то непременно о его пребывании напишу Вам. Когда я сделался членом статистического комитета, то убеждаю комитет издать писцовые книги Курска и Курской области (XVII века), хранящиеся в Архиве министерства юстиции в Москве. Эти книги из Москвы вышлют, и я думаю их для издания редактировать; только сначала покорнейше обращаюсь к [Л. 131об.] Вам: имеет ли полезное и важное значение издание этих памят-

---

³⁰ На данный момент установить точное время и место указанных А.А. Танковым здесь и далее статей и заметок не удалось.

ников? В комитете колеблются, на мой взгляд. Я же согласился высказать свое мнение исключительно ввиду того, что могу обратиться за решением вопроса к Вам, и как Вы решите, так и будет. Быть может, Вы позволите мне в комитете сослаться на ваш авторитет в этом важном для нас деле. Теперь я исправляю должность секретаря комитета. Будьте здоровы и счастливы!

Ваш покорный слуга А. Танков.
1899, сентября 11.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 41. Л. 130–131об.

17.

Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Сергей Николаевич!
Прежде всего считаю долгом пожелать Вам здоровья и благополучия. Представляю Вам статью мою: «Первые волны университетского образования» с просьбой напечатать ее в Историческом вестнике. Давно уже я Вам не представлял статей, так [как] 2 ½ года был редактором «Курских ведомостей» и не было у меня необходимого досуга. Теперь я его имею и посвящаю прошлому. Будьте так добры: не откажите в напечатании, и, если [Л. 88об.] признаете удобным для напечатания, то, если возможно, поместите не в слишком отдаленное время. Давно-давно уже не было статей моих в Вашем журнале. Кланяюсь Вам низко и остаюсь всепокорнейшим и почтительнейшим слугою,

А. Танков.
1908, август 10.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 115. Л. 88–88об.

18.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!
Не найдете ли возможным напечатать представляемый мною рассказ, точно, по моему обыкновению, заимствованный из архива Курского губернского правления. Излагаемый мной случай показался мне небезынтересным. Будьте вполне здоровы и благополучны.

Ваш покорнейший и почтительнейший слуга А. Танков.
1908, ноября 15-го.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 115. Л. 89.

19.

Ваше превосходительство, глубокопочтимый Сергей Николаевич!

Приношу Вам искреннейшую и почтительнейшую благодарность за помещение моей заметки. Осмеливаюсь послать Вам новую заметку, причем имею честь изъяснить следующее:

1. написал я о курском музее на основании одного примечания в «Историческом вестнике», где сказано, что всякая заметка о том или ином музее найдет себе место в Вашем журнале;

2. Нахожу, что необходимо [Л. 2об.] почтить память ушедшего и поощрить живущих, поработавших свыше сил для музея, о чем нижайше ходатайствую перед вами;

3. Вы окажете нам благо и тем, что силы наши удваиваются от доброго Вашего высокоценимого нами слова;

4. Я не прилагаю рисунков, ибо они не дадут в небольшом формате понятия о видах музея, а он вполне великолепен и удался на славу!

5. Особенно прошу и умоляю напечатать статью в настоящем году; ибо могут измениться, по обстоятельствам, некоторые сведения статьи моей, и тогда окажется каким-то архаизмом от единственного изменения такого подвижного дела, каким является положение комиссии и музея. Никогда не беспокоил Вас просьбой о времени помещения статей, теперь же почтительнейше о том прошу³¹;

6. Моя заметка о посмертной милости императора Александра I перепечатана в массе газет, особенно провинциальных. Значит, подумал я, интересна она!

Будьте здоровы и благополучны на многие лета. Ваше святое и дорогое [Л. 3об.] для меня имя так и влечет к работе. Представьте себе: из курской старины напечатал уже я более 300 статей. Составил за 100 лет историю Курской мужской гимназии. Теперь попечительский совет женской гимназии просит составить историю женской гимназии за 50 лет, чем я и занят. Целую почтительнейше Вашу руку и остаюсь преданный А. Танков.

1909, июля 28-го.

Адрес: Курск. Новопретраженская улица, собственный № 21-й дом.
Анатолию Алексеевичу Танкову.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 119. Л. 2–3об.

---

³¹ Танков А.А. Курский историко-археологический и кустарный музей // Исторический вестник. 1910. Т. СХХ.

20.

Ваше превосходительство, глубокочтимый Сергей Николаевич!
Христос воскрес!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за помещение моей заметки. Это помещение имело большое значение для нашей [Ученой архивной] комиссии, которую всем миром мы стараемся оживить. Слава Богу, для этого есть теперь средства. Посылаю Вам [Л. 54об.], как мне кажется, небезынтересный эпизод: если найдете возможным – разрешите к печатанию, если нет – велите уничтожить! Но в нем всё до последней черточки документально верно. Описываемое в моем очерке тогда же было занесено в мой дневник. Для местной истории я тружусь ежедневно. Теперь составляю историю женской гимназии, как составил историю мужской. Докладываю Вам об этом как патриарху всех наших исторических дел. Искреннейше желаю Вам [Л. 55] полного здоровья и счастья.

Ваш почтительнейший слуга А. Танков.

Курск, 23 апреля 1910 г.

Курск. Новопретображенская улица, дом собственный, № 29-й.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 123. Л. 54.

21.

Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Сергей Николаевич!

Как я рад, что просьба моя о помещении прилагаемой заметки направляется к Вам в ту минуту, когда я могу от искреннего чувства и почтительнейшего уважения к Вам, высказать свое поздравление с всерадостным праздником Воскрешения Христова, дорогой, маститый наш и вечно любимый историк! Да будет наступивший светлый праздник и наступающая [Л. 1об.] живительная весна вновь и вновь на несчетное число лет укреплением для Вас всех сил физических и только физических, ибо духовные силы Ваши, несмотря на годы, сияют как солнце и к общей нашей радости – преданных Вам читателей не уменьшаются, как и Ваше создание – «Исторический вестник», равного которому, надо сказать святую правду, – нет в европейской литературе (американской я не знаю!)

В своем – Вашему превосходительству – генералиссимусу наших исторических сил, почетном рапорте имею счастье [Л. 2] доложить, что я, по Вашему завету, сказанному в письме – в 1885 го-

ду, тружусь для местной истории не покладая рук. Летом выйдет громадный том моей истории Курской гимназии (на средства ее попечительного совета), который представлю Вам своевременно. Два года проработал я над ним неустанно и продолжаю учительствовать в гимназии, оканчивая 31-й учебный год!

С истинным и нижайшим почтением Ваш вернейший и всепокорнейший слуга и почитатель, А. Танков.

11 апреля 1911 г.

Новопреображенская улица, собственный дом.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 127. Л. 1-2.

22.

Ваше превосходительство, глубокочтимый Сергей Николаевич!

Прежде всего желаю Вам полного здоровья, счастья и благополучия! Дай Бог, чтобы летнее время, когда особенно живёт и животворит природа, было благоприятно для укрепления Ваших телесных сил. Моя новая книга: Исторический очерк Курской гимназии в начале августа будет издана, и я сочту священнейшим долгом представить её Вам. Наша Ученая архивная комиссия постановила собрать и хранить [Л. 3об.] в своем музее все мои напечатанные труды по истории Курского края. Теперь мне предстоит, по приглашению курского губернского предводителя дворянства князя Л.И. Дондукова-Изъетдинова³², составить исторический очерк курского дворянства³³. Пишу Вашему превосходительству об этом потому, что по Вашему благословению, высказанному Вами мне на историко-литературную деятельность в 1885 году, в Вашем дорогом и хранимом мною письме, я уже четверть века ревностно занимаюсь местной историей. Теперь, несмотря [Л. 4] на старость и нелёгкий учительский труд в гимназии, продолжаю работать, и сегодня проработал в одном из курских архивов 4 часа, добывая необходимые сведения.

Почтительнейше благодарю за помещённую мою статью в № 6 Исторического вестника. Не найдёте ли возможным напечатать мою заметку о Ключевском? Мною сообщаемый факт показался интересным и для печати новым. В печати, по большей части. Я

---

³² Князь Лев Иванович Дондуков-Изъетдинов (1864–1939), курский помещик, отставной гвардии полковник. В 1909–1912 и 1915–1917 гг. – предводитель дворянства Курской губернии.

³³ См.: *Танков А.А.* Историческая летопись курского дворянства. М., 1913. Т. 1.

читал общие похвалы покойному историку, а между тем для его биографии важнее всего факты. [Л. 4об.] В напечатанных статьях переход Ключевского в университет рассматривается как легкий и естественный, а на деле было совсем не так. Я и теперь с удовольствием вижу, что все мои заметки в Историческом вестнике с охотой перепечатываются газетами, отсюда вывожу, что они небезынтересны. Предполагаю, что и заметка о Ключевском заинтересует... Полгода со времени его смерти будет в ноябре, сообщаемые мною факты, как и всегда, пунктуально точны, тем более что я, будучи студентом, стенографировал за профессором.

Вашего превосходительства покорнейший слуга

А. Танков.

[1911 г.]

Курск, Новопретображенская улица, собственный дом.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 127. Л. 3.

23.

Ваше превосходительство, глубокочтимый Сергей Николаевич!

Искреннейшее благодарю Вас за Ваше дорогое для меня письмо и считаю священным долгом представить Вам свою книгу «Исторический очерк Курской Мариинской гимназии». Простите за просьбу, не удостоите ли Вы сами сказать несколько слов в «Вестнике» несколько слов о ней. Впрочем, это мои мечтания, а, представляя книгу, желал я выполнить долг своего сердца. Теперь сел за труд на два года: «История Курского дворянства»; это поручено мне дворянским собранием [Курской губернии], бывшим [Л. 5об.] на днях. Трудно будет, имея в виду и занятия гимназические, то есть давание уроков, но приятно. Всё вспоминаю, как в 1885 году своим «золотым словом» и участием, а также помещением моих заметок, вызвали вы к жизни мои провинциальные труды, и я все время иду дорогой исследования и обнародования материалов по курской истории. А между тем как важно для нас, провинциальных историков, особенно начинающих, Ваше удостоверение того, чтобы чье-либо имя появилось в Вашем издании. Когда моя первая статья явилась в 1885 году³⁴, то сию же минуту

---

³⁴ В «Историческом вестнике» за 1885 г. отсутствуют статьи, пописанные А.А. Танковым. Возможно, что ему принадлежат какие-то из анонимных заметок, входивших в раздел «Смесь».

покойный П.П. Косаговский³⁵ (известный и Вам), бывший тогда курский губернатор, оказал мне много хорошего и материально, и в смысле доступности архивов. Потом и пошло известное содействие мне и учреждений, безусловно, необходимое у нас для работы. Я же люблю сознательно работать именно для провинции в ее гимназиях, поддерживая интерес к местной истории. В этом отношении держусь вполне Вашего завета: знакомить провинцию с историей в легких очерках, то есть, чтобы приучить ее к сему делу. Но вот что поразительно, глубокоуважаемый Сергей Николаевич, за тридцать лет моих занятий [Л. 60б.] все-таки я здесь одинок, нет соперников, хотя бы меньшего объема! Спят ученая архивная комиссия и статистический комитет. Я стараюсь будить их, но сон их столь сладок, что уму непостижимо!.. В канун сентября надеюсь быть в Белгороде, на поклонение святителю Иосафу³⁶, о котором в последнее время много писал, и там горячо буду молиться о Вашем дорогом всей России здоровье и благоденствии на многие лета!

Ваш почтительный и покорный слуга А. Танков.
Курск, 25 августа 1911 г.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 127. Л. 5–60б.

24.

Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Сергей Николаевич!
Посылая настоящую заметку со сведениями, которые мне показались интересны для большой публики, особенно же вновь найденное сообщение для биографии Пушкина, усерднейше прошу Вас о напечатании моей заметки в отделе библиографии. Этим напечатанием порадуете и нас, курян, для которых выход в свет новых исторических преданий очень важен, [Л. 97об.] ввиду общего возрождения интереса к родной истории. Я теперь нахожусь в командировке в Москве для извлечения из архивов материалов для истории курского дворянства, которой I том появится в январе 1913 года и который я буду иметь счастье и удовольствие поднести Вам. Представьте себе – мною ко дню юбилейного

---

³⁵ Павел Павлович Косаговский (1832–1895), новгородский помещик, чиновник, общественный деятель. В 1885–1889 гг. курский губернатор.

³⁶ Иосаф Белгородский (Иоаким Андреевич Горленко; 1705–1754), епископ Русской Православной церкви. С 1748 г. – правящий епископ Белгородский и Обоянский. Канонизирован как святой в 1911 году.

празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых найдено в курских архивах интересное сведение, что предки Михаила Федоровича и он сам были помещиками Курского уезда, села Жердева. Вообще Михаил Федорович особенно любил Курский край, на что имеется множество данных. Моя «История Курской Мариинской гимназии»³⁷ имела такой успех, что через несколько месяцев издание было почти все распродано, осталось несколько экземпляров.

Позвольте, Ваше превосходительство, с пожеланием Вам всего наилучшего, а главное здоровья на многие [Л. 98об.] годы, оставаться Вашим всепокорнейшим и почтительнейшим слугою А. Танков.

Москва, 7-го августа 1912 г.

Адрес: Курск, Новопретображенская улица, собственный дом.

ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 115. Л. 98–98об.

---

³⁷ См.: *Танков А.А. Исторический очерк Курской Мариинской женской гимназии. 1861–1911. Курск, 1911.*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47) (049.32)+929Перовская

Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2014. – 456 с.

Troitskiy N.A. Sofia Lvovna Perovskaya. Life. The person. Destiny. Saratov State University, 2014. – 456 p.

Многочисленные исследования Н.А. Троицкого хорошо известны специалистам, всем, кто интересуется историей России XIX в. Пожалуй, из всех его сорока книг судьба биографии Софьи Перовской – самая необычная.

Жизнеописание первой русской женщины, приговоренной царским судом к смертной казни, было задумано ее автором более пятидесяти лет назад. По свидетельству Н.А. Троицкого, он в далеком теперь 1961 году «уже владел основным кругом источников о родословной Софьи Перовской, ее семье и детстве»¹. Однако на исполнение замысла «обстоятельно и достоверно, на основе максимально доступного круга источников, запечатлеть <...> жизнь, деятельность, личность» «нравственного диктатора» партии «Народная воля» ушло более полувека...

Это не значит, конечно, что личность «нашей идейной Жанны Д'Арк» выпала из поля зрения историка. Напротив, Софья Перовская – одна из центральных фигур множества его монографий и статей², документально-художественного исследования³ Н.А. Троицкого и даже не оконченного им исторического романа

---

¹ Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба / Н.А. Троицкий ; указ. имён В.А. Соломонова. Саратов, 2014. С. 403 (далее ссылки на страницы этого издания приводятся в круглых скобках внутри текста).

² См.: Троицкий Н.А. Большое общество пропаганды 1871–1874 гг. (т.н. «чайковцы»). Саратов, 1963; *Он же*. «Народная воля» перед царским судом. 1880–1891 гг. Саратов, 1983. *Он же*. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов, 1976; *Он же*. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978; *Он же*. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М., 1979; *Он же*. Первые из блестящей плеяды. Саратов, 1991 и др.

³ См. Троицкий Н.А. «“Варвар” или правда о трех побегах и двух казнях». Саратов, 2013.

«Цареубийца» (глава из него помещена в «Приложениях» рецензируемого издания (С. 403–428). Более полувека саратовский историк не оставлял мысли «обобщающе воссоздать» биографию знаменитой народницы. Но... Жизнь порой подбрасывает такие сюжеты, что не снились ни одному сценаристу. По тайному знаку судьбы жизнеописание Софьи Перовской было подписано в печать в день смерти его автора...

За без малого девяносто лет было издано несколько научных и беллетризованных биографий Софьи Перовской⁴, но одни за давностью лет устарели, другие же носили очерковый характер, а посему, воздав должное предшественникам Троицкого, следует признать, что его работа – первая капитально фундированная биография одной из самых выдающихся женщин в истории России. Автор тщательно проанализировал необходимую литературу, ввел в научный оборот данные тринадцати архивов России и Украины, использовал сведения из личной переписки и общения с внучатой племянницей героини книги С.Г. Перовской, потомками народовольцев Е.Б. Лопатиной, А.А. Диковским, Ф.А. Михайловым, Н.А. Бассиновой.

Необычная судьба Софьи Перовской ставит перед ее биографом главную исследовательскую задачу: понять и объяснить, как могло случиться, что родившаяся в одном из самых аристократических семейств России праправнучка фаворита императрицы Елизаветы и дочь губернатора Санкт-Петербурга окончила свою жизнь на эшафоте. На этот интригующий и очень непростой вопрос Н.А. Троицкий стремится дать аргументированный ответ с первой и до последней страницы монографии.

Домашнее воспитание, семейные отношения и влияние родных, прежде всего, отца и матери на юную Соню Перовскую подробно рассматриваются в первой главе книги. Нельзя сказать, что отрочество и юность героини книги предопределили ее будущее. Мягкая, любящая мать, а на контрасте, отец, высокомерный, холодный аристократ, истинный представитель столичной бюро-

---

⁴ См.: *Ашешов Н.П.* Софья Перовская. Мат-лы для биографии и характеристики. Пг., 1920; *Ахтырская З.А.* Цареубийца (Софья Перовская). М.; Л., 1930; *Сегал Е.А.* Дорога на эшафот. М.; Л., 1931; *Корнилова-Мороз А.И.* Софья Перовская – член Исполнительного комитета «Народной воли» М., 1930; *Прилежаева-Барская Е.М.* Софья Львовна Перовская. Историческая повесть. Л., 1956; *Павлюченко Э.А.* Софья Перовская. М., 1959; *Сегал Е.А.* Софья Перовская. М., 1962; *Долгий В.Г.* Порог. Повесть о Софье Перовской М., 1974.

кратии; юношеский протест Сони против отеческого деспотизма и ранний уход из дома – этот вечный конфликт отцов и детей встречался, и будет повторяться в судьбе людей – великих и невеликих – столько, сколько существует род человеческий. Важнее другое. Семейный конфликт Льва Перовского с дочерью – маленькая трагедия в глобальной социокультурной трансформации русского общества эпохи Великих реформ. Автор биографии совершенно справедливо заметил, что «то время было переломным для России...» (С. 77). Добавлю, что на этом витке отечественной истории конфликт отцов и детей, разрыв в преемственности идеалов и ценностей обрел, полагаю, небывало острую, воинственно-радикальную окраску.

Это было время больших надежд и мятежных революционных порывов. Раскол в обществе и смена вектора политического развития, немыслимое прежде крушение традиций и норм прошлого оказались теми шагами истории, к которым чутко прислушивалась впечатлительная и жадная до всего нового русская молодежь. Уходила в прошлое пора мечтательных юношей и девиц, уединявшихся с томиком Ж.Ж. Руссо в уютном и тихом уголке барской усадьбы. В царствование Александра II публику шокировали стриженные курсистки, а отпрыски самых знатных семей уходили в коммуны, чтобы «строить новую жизнь»; юнцы и девицы, с насмешкой отвергнув идеалы старшего поколения, взахлеб читали Д.И. Писарева и Н.Г. Чернышевского, штудировали политические трактаты В.В. Берви-Флеровского, восторгались Л. Бюхнером и Я. Молешоттом. Софья Перовская, как и многие ее сверстники, «вольнлюбивую атмосферу в «коммунах» аларчинских курсисток» предпочла безбедной и сытой домашней жизни, но как заметил Н.А. Троицкий: «очень многие тогда следовали примеру Софьи Львовны, а иные и предваряли ее пример» (С. 77).

Перовская, к слову, далеко не единственный представитель «околоцарского» рода, порвавший с семьей и благородным сословием в эпоху «бури и натиска» 1870-х. Исповедовали социализм, расплатившись за это годами ссылки, каторги, тюремного заключения, а то и виселицей, потомок Рюрика, князь-анархист П.А. Кропоткин, убежденный апологет и теоретик индивидуального террора, дальний родственник Петра Великого Н.А. Морозов, сын крупного жандармского чина С.С. Голоушев, генеральские дети С.А. Лешерн фон Герцфельд и В.А. Осинский, повешенный по указке Александра II, князя А.Л. Макаев, П.А. Микеладзе, А.К. Цицианов, и де-

сятки других аристократов крови. Плечом к плечу с ними в движении народников участвовали выходцы из крестьян, рабочих, учащаяся молодежь, офицеры, разночинцы.

В этом коктейле идей и людей и родился феномен русской интеллигенции, олицетворением лучших качеств которой стала Софья Перовская, «самая обаятельная личность из тысяч и тысяч борцов против царского самодержавия» (С. 7), – по определению Н.А. Троицкого.

С.Л. Перовская ушла в революцию юной девицей и приняла смерть совсем молодой, не дожив и до тридцатилетия. За одиннадцать лет борьбы с режимом она поучаствовала во всех крупных нелегальных организациях и массовых акциях народников, общалась с людьми разных сословий, убеждений, взглядов, и повсюду – в деревне, среди крестьян, в кружках учащейся молодежи и рабочих, в кругу прошедших огонь, воду и медные трубы подпольщиков – оставалась непререкаемым нравственным авторитетом. Свидетельством благородства и нравственной чистоты «цареубийцы», как может убедиться читатель, является уникальный по своей пронзительности человеческий документ: письмо С.Л. Перовской к матери, написанное в ожидании смертного приговора (С. 401–402).

«Пусть всё это так но, как же эта кристально чистая в своих помыслах молодежь могла дойти до такого отвратительного явления как террор»? – может возразить недоверчивый оппонент. Автор жизнеописания Перовской дает свой ответ на этот вопрос.

Несомненное достоинство исследования Н.А. Троицкого, то, он не оставил без внимания ни одну из острых тем, связанных как с практикой революционного движения (особенно террором), так и восприятием личности С.Л. Перовской в отечественной и зарубежной общественно-политической мысли, художественной культуре, исторической науке. Полемизируя с оппонентами, Троицкий доказывает, что истоки трагедии 1 марта 1881 г. нужно искать не в злой воле С.Л. Перовской, а в исторической сущности российского самодержавия, заложником коей и стал Александр II.

Как исследователь, Н.А. Троицкий, едва ли не единственный в современной российской историографии отстаивал ленинский тезис о созданной усилиями народников второй революционной ситуации в России 1879–1882 гг. С этим тезисом можно, наверное, и нужно, спорить, труднее опровергнуть. Автор биографии Пе-

ровской свою позицию доказывает убедительно, на основе большого количества фактов и документов.

Первым серьезным деянием Перовской «со товарищи» стало знаменитое «хождение в народ», охватившее Россию с середины 1870-х годов. Н.А. Троицкий настойчиво подчеркивает, что движение народников по городам и весям России имело исключительно мирный характер. Это утверждение носит дискуссионный характер. Конечно, «народолюбцы» не были вооружены, не создавали партизанские отряды из крестьян и рабочих. Однако их конечной целью было разжечь в духе бакунинских инвектив пламя народного гнева и поднять крестьян на борьбу за «землю и волю». Конечно, власть подобную «перспективу» не приветствовала. Другое дело, что иного способа как передать народу из уст в уста заветные чаяния и мысли у народников и не было.

Вплоть до начала XX столетия Россия оставалась единственной европейской державой, не имевшей ни Конституции, ни парламента. Более того законы самодержавной империи, «подкреплявшиеся» хроническим беззаконием, воспрещали все, что хотя бы в отдаленной степени напоминало общественно-политическую инициативу, даже если это были всего лишь студенческие землячества. Угодить под каток полицейской машины можно было за крамольные разговоры, хранение нелегальной литературы или даже произнесенный, будучи чуть навеселе, тост за здоровье Парижской Коммуны, как это произошло со знаменитым адвокатом А.И. Урусовым. Не удивительно, что народники воспринимали Россию как раскинувшуюся на $\frac{1}{6}$ часть суши пенитенциарную систему. И власти это убеждение революционной молодежи подтверждали регулярно, усердно и с размахом. Мало того, что преобразования, получившие в истории название «Великие реформы» не были доведены до логического конца, самодержавие, мучаясь сомнением «не слишком ли много воли им дали?», постоянно ущемляло и укорачивало уже дарованные свободы. Этот факт признавали многие современники событий, в том числе, очень далекие от революционной среды. Так, царский министр П.А. Валуев противоречивую политику Александра II определял как «систему невозможных диагоналей», а консервативный журналист М.Н. Катков, полагая, что верхи будоражат общество своей трусливой непоследовательностью, раздражённо умозаключал: «власть ущипнёт и убежит».

Н.А. Троицкий не отрицает царствовавший первоначально среди народников романтический идеализм. Порой он даже по доброму иронизирует по поводу нравственного ригоризма радикально настроенной молодежи, как, например, в случае с переводчиком и публицистом С.Л. Клячко, изгнанным из кружка «чайковцев» «за чрезмерный интерес к женскому полу, что было инкриминировано ему как непроизводительная растрата революционных сил» (С. 98).

Наивным оказалось и восприятие народниками крестьян как среды готовой для восприятия социалистических идей. Крестьянство с благодарностью принимало помощь молодых революционеров в качестве врачей, акушеров, ветеринаров, писарей, но оставалось равнодушным к их пропаганде. Движение в народ медленно выдыхалось и угасало, но тут встрепенулись власть предержащие и устроили «следственный потоп». По данным автора биографии С.Л. Перовской только за последние месяцы 1874 г. были арестованы около 8 тыс. народников (С. 194). Юрист по образованию, охранитель по убеждениям, наставник наследника престола и будущий обер-прокурор К.П. Победоносцев ужасался: «нахватали по невежеству, по самовластию, по низкому усердию множество людей совершенно даром». Следствие по «делу 193-х», самому крупному политическому процессу в истории России, тянулось три с половиной года. За это время 43 арестанта скончались, 12 – покончили с собой и 38 – сошли с ума.

Если исполнители высочайшей воли предполагали таким образом искоренить «крамолу», то вполне уместно вспомнить старую мудрость: услужливый дурак хуже врага. Достаточно сказать, что многочисленные судебные политические процессы народники, вызывавшие сочувствие большинства образованных людей в стране и за рубежом, превратили в трибуну для пропаганды своих идей. Их единомышленники, оставшиеся на свободе, совершенствовали тактику и формы борьбы, уточняли политические программы, сосредоточенно и упорно готовились к новым сражениям. И стоит задуматься над резонностью вопроса-утверждения Н.А. Троицкого: не сама ли власть укорила переход от Большого общества пропаганды к Исполнительному Комитету «Народной воли»?

В последние годы история революционного движения трактуется пристрастно и, к сожалению, необъективно. Во многих исследованиях, претендующих на жанр «научной» работы, а также школьных и вузовских учебниках, СМИ утрируются истинные

цели и смысл деятельности народников, в искаженном, подчас карикатурном виде предстают и сами революционеры. Очень модно стало со ссылкой на Достоевского клеймить всех без исключения революционеров как «бесов». Действительно, фабулой знаменитому роману Фёдора Михайловича послужило убийство С.Г. Нечаевым и членами созданной им «Народной расправы» студента И.И. Иванова. Однако великий писатель не мог знать того, в чем легко может убедиться читатель этой книги: С.Л. Перовская и *все* ее товарищи категорически отвергли и личность Нечаева, и предложенные этим нравственным Квазимодо «методы революционной борьбы». Более того, во многом именно по настоянию Софьи Львовны «была развернута разоблачительная по отношению к нечаевщине пропаганда...» (С. 84).

Не столь прост, как может показаться, и вопрос об отношении народников к террору.

Следует сразу отбросить дикую по своему невежеству мысль, что якобы именно образованная в 1879 г. партия «Народная воля» первой в Новой истории явила «образцы» индивидуального политического террора. Напомню, лишь некоторые факты. За восемнадцать лет правления (1830–1848) семь покушений пережил король Франции Луи-Филипп, самым громким из которых стал взрыв адской машины 18 июля 1835 г.: убито 18 и ранено 22 человека. С середины XIX в. волна покушений нарастает беспрерывно. В 1854 г. убит герцог Пармский Роберт I. Четыре года спустя Ф. Орсини и К^o «бомбардировали» Наполеона III. В итоге – 10 человек убиты, 150 ранены. Император не пострадал. По два покушения пережили прусский король Фридрих-Вильгельм IV, германский император Вильгельм I, Фердинанд III Неаполитанский, королева Испании Изабелла II, Франц-Иосиф Австрийский (его жене королеве Елизавете повезло меньше: в 1898 г. ее настигла смерть от рули итальянского анархиста). В 1868 г. убит сербский князь Михаил Обренович III. В 1878 г. чудом избежал смерти от руки террориста король Италии Умберто I. Не лучше обстояли дела и за океаном. В 1867 г. расстрелян инсургентами родной брат Франца Иосифа Австрийского, император Мексики Максимилиан Габсбург. В США в 1865 г. Д.У. Бут выстрелом в упор смертельно ранил президента А. Линкольна, а в 1881 г. анархист Ч. Гуатье (Гито) буквально расстрелял президента Д. Гарфилда. Кстати, это покушение, как отметил Н.А. Троицкий, вызвало протест ИК «Народной воли», выступившего с заявлением, что «в

стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы <...> политическое убийство есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей» (С. 266). Повсюду мишенью террористов становились не только короли и президенты, но и чиновники, военачальники, полицейские, стражи порядка многих стран мира. И, то, что миссия «отца нации», будь он «принцем крови» или законно избранным президентом, становится смертельно опасной, не было затеей народников или программным положением ИК «Народной воли».

До осени 1879 г. практически все покушения русских революционеров носили эпизодический, характер и не готовились целенаправленно какой-либо организацией. Как показал саратовский историк, народники долгое время были ориентированы исключительно «на революционную работу с массами» и решительно выступали против новоявленных «каракозовых», которые с 1866 г. время от времени вознамеривались повторить затею цареубийства. Неприятие террора как *главной* формы борьбы было принципиальным убеждением Софьи Перовской, в чем может убедиться непредвзятый читатель рецензируемой монографии. Решение войти в состав «Народной воли (1879–1882)», этой «террористической» организации, она приняла после долгих колебаний, оставаясь при этом сторонницей пропаганды. Так что же подтолкнуло народников-пропагандистов перейти к «охоте» на самодержца?

Один из распространенных стереотипов, тиражируемых, в том числе, и некоторыми «научными» изданиями гласит: «Народная Воля» – всероссийская «террористическая организация». Приведу лишь некоторые фаты и цифры, позволяющие судить о резонности такого утверждения. По подсчетам Н.А. Троицкого студенческие, рабочие, военные и пр. кружки народовольцев по всей России насчитывали от двух до пяти тысяч участников, не имевших отношения к терактам. Из 30 членов Исполнительного Комитета «Народной Воли» в покушении на царя были задействованы 12 человек. По замечанию Н.А. Троицкого «охота» ИК «Народной воли» на царя продолжалась полтора года. С.Л. Перовская из трех реализованных попыток народовольцев казнить Александра II, приняла активное участие в первой и «сыграла решающую роль в последней из них». (С. 226). За пять лет с 1880 по 1884 г. ИК «Народной воли» осуществил 6 политических убийств. Члены отвергнувшей индивидуальный террор «Земли и воли» с 1876 по 1879 г. казнили девятерых. Теперь сравним (без всяких комментариев) эти данные с

масштабом карательных акций русского правительства за сравнительно короткий срок. С 1878 по 1882 г. под секретным надзором полиции пребывало не менее 20 тыс. человек. Начиная с 1879 г. только по официальным данным ежегодно ссылались в «места не столь отдаленные» в среднем не менее 1200 подданных российской короны (по подсчетам оппозиции эта цифра в разы выше). За 1880–1881 гг. «были репрессированы, по данным жандармских дознаний, не менее 6 тыс. человек» (С. 275). Сотни заключённых томились в нечеловеческих условиях на каторге, в тюрьмах, одиночных камерах. Многие из них, не выдержав истязаний, кончали жизнь самоубийством. С августа 1878 г. до февраля 1880 г. повешены или расстреляны 22 человека. В том числе «И.И. Логовенко и С.Я. Виттенберг были повешены за *«умысел»* на цареубийство, И.И. Розовский (студент) и М.П. Лозинский – за *«имение у себя»* революционных прокламаций, а Д.А. Лизогуб – за то, что он по-своему распорядился собственными деньгами, отдав их в революционную казну» (С. 225).

Как справедливо подчеркнул автор жизнеописания С.Л. Перовской, серия покушений на царя, предпринятая «Народной волей», лишь на первый взгляд выглядит только акцией возмездия царским карателям. При такой постановке вопроса убийство царя-освободителя выглядит как слабость революционной партии, отчаявшейся добиться цели иными средствами, что не соответствует исторической действительности.

Н.А. Троицкий особо подчеркнул, что террор был ошибкой народников, а взрыв в Зимнем дворце, повлекший смерть и тяжёлые ранения солдат караульной команды, «нравственно роняет» авторитет народовольцев в наших глазах. И вовсе не убийство Александра II является главной исторической заслугой Софьи Перовской, Андрея Желябова и их товарищей. Гораздо важнее другое.

В 1860 – начале 1880-х гг. самодержавие впервые столкнулось не с «бессмысленным и беспощадным бунтом» или попыткой переворота, а с осознанным гражданским протестом интеллигенции против нищеты и бесправия народа. Впервые в истории России общество отвергло право власти решать всё и за всех; впервые в ответ на реформы «сверху» выдвигались альтернативные варианты и сценарии политического развития страны «снизу». Можно, конечно, возразить, что пионерами революционного движения были декабристы, а первыми радикальными политическими про-

ектами «Конституция» Никиты Муравьева и «Русская Правда» Павла Пестеля. Однако дворянские революционеры действовали «для народа, но без народа», тогда как Перовская с товарищами шли в народ. Декабристы обсуждали свои проекты в узком кругу для избранных; народники пытались привнести революционные идеи в толщу народных масс. Мятеж 14 декабря 1825 г. лишь напугал и озлобил самодержавие; царевубийство 1 марта 1881 г. знаменовало небывалый по глубине кризис абсолютизма. Наконец, князь С.П. Трубецкой и большинство его сподвижников покаялись перед властью, дав «откровенные показания» на соратников, а многие из них вымаливали милости у царя; народники снисхождения от власти не ждали, товарищей не сдавали, за свои идеи готовы были идти на каторгу и смерть.

«Народная воля» впервые в истории России актуализировала борьбу за политические свободы. До того народники анархистски отрицали и необходимость Конституции, и борьбу за политические права народа. Как показано в монографии Н.А. Троицкого, непримиримые, якобы, радикалы «Народной воли» готовы были прекратить свою деятельность в случае созыва Всероссийского Учредительного собрания. В этом случае, разъясняла Софья Перовская, мы, «за собою мы оставляем лишь одно безусловное право – право свободной пропаганды своих идей, а во всем остальном готовы подчиниться верховной воле народа, выраженной ясно и свободно» (С. 142). Однако власть к такому историческому компромиссу была не готова.

В последние годы много говорят и пишут о том, что убийство народовольцами Александра II поставило крест на эволюции России по пути представительной демократии, первым шагом к которой должен был стать проект М.Т. Лорис-Меликова⁵. Нет никаких оснований для идеализации режима главы Верховной распорядительной комиссии и сожалений о канувшей в небытие «русской Конституции».

По подсчетам Н.А. Троицкого, за 14 месяцев «диктатуры сердца» во главе с Лорис-Меликовым власти «наскоро устроили 32 судебных процесса (почти все – в закрытом порядке) с 18 смертными приговорами» (С. 244). В истории России более «оперативной» была только скорострельная военно-полевая «юстиция» П.А. Столыпина. За время диктаторства наделенный огромной властью

---

⁵ См., например: *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 102–210.

«бархатный диктатор» даже не подступился к решению острых экономических и социальных проблем. Получается, что «выдающимся» несостоявшийся родитель первой «русской Конституции» наречен за намерение убедить Александра II, а после его гибели Александра III созвать совещательный орган власти при особе государя императора. Ведь ничего большего, вопреки ходячим стереотипам о «конституции», в предложениях М.Т. Лорис-Меликова и не содержалось.

Только в эпоху того политического смятения, в котором пребывала к началу 1880-х г. верховная власть, среднего ума и государственных талантов бравый вояка мог вскарабкаться на политический Олимп. И возвышение, и падение М.Т. Лорис-Меликова в основном предопределялось особенностями политической обстановки, подъемом и спадом революционной борьбы, а не выдающимися качествами калифа на час. Попытка же возвести «бархатного диктатора» в ранг выдающихся государственных деятелей носит явно искусственный характер.

Обстоятельства жизни и судьбы Софьи Перовской убедительно и аргументированно рассматриваются автором книги как героическая форма сопротивления социальному злу и насилию над личностью. Не потому ли деятельность народников находила сочувственный отклик в русском обществе?

В наше время, когда преобладают жизненный прагматизм и credo «своя рубашка ближе к телу» стало чуть ли не хорошим тоном издеваться, а то и просто глумиться над идеалами и кумирами народников и вообще революционерами всех времен и народов. Это то, что французы называют *l'esprit dans l'escalier* (остроумие на лестнице), т. е. ситуация, когда имярек, проиграв очный спор, умничает и острит в отсутствие оппонента, придумывая за него самые нелепые фразы и доводы. Почти никто из современных историков не решается выступить в защиту чести и достоинства героев и мучеников борьбы с русским самодержавием. Однако «почти» – не означает никто. Н.А. Троицкий последовательно, жестко и страстно отстаивает историческую правоту Софьи Перовской и ее товарищей. Насколько убедителен автор в своей апологии «народолюбцев» и «тираноборцев» судить читателю. Со своей стороны, хотел бы заметить, что можно критиковать (аргументированно, конечно) народников, их политические идеи, образ мыслей и деятельность, но нельзя не признать абсолютного бескорыстия и осознан-

ной жертвенности С.Л. Перовской, А.И. Желябова и тысяч их единомышленников.

Троицкий и не скрывает, что своеобразной сверхзадачей ставит цель «очистить светлую память Софьи Львовны Перовской от грязных наслоений со стороны ее хулителей». И это ему удалось сделать блистательно умно и талантливо.

В заключение отмечу, что украшением монографии стали хорошо подобранные и яркие иллюстрации, интересные и разнообразные по содержанию приложения к тексту биографии С.Л. Перовской. Книга снабжена тщательно проработанным именованным указателем. Хотелось бы выразить благодарность издательству и сотрудникам Саратовского государственного университета, сумевшим в наше нелегкое время найти средства и силы для издания этой замечательной книги.

Несомненно, написанное живым слогом, обстоятельное и эмоциональное повествование выдающегося русского историка Николая Алексеевича Троицкого о жизни и смерти Софьи Перовской даст пищу уму и сердцу внимательного и неравнодушного читателя.

Ю.Г. Степанов,
кандидат исторических наук, доцент
Саратовского государственного аграрного
университета им. Н.И. Вавилова

ПАМЯТИ...

УДК 94(47)+929Троицкий

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ТРОИЦКОГО (1931–2014)

IN MEMORY OF N.A. TROITSKIY (1931–2014)

28 мая 2014 года на восемьдесят третьем году жизни скончался известный русский историк, профессор Саратовского государственного университета Николай Алексеевич Троицкий. Тяжело и больно произносить затертые, клишированные фразы: «он был», «ушел из жизни»...

Родился будущий профессор истории вдалеке от главных центров культуры и образования страны, в селе Новорепное Ершовского района Саратовской области, 19 декабря 1931 года. Его отец, Алексей Васильевич (1908–1942), лучший на селе сапожник и гармонист, не имел даже среднего образования, однако письму и счету единственного сына научил задолго до того, как тому пришла пора поступать в школу. Пелагея Евдокимовна Троицкая, урожденная Серикова (1907–1990), мама будущего историка, отличалась спокойным характером и стремилась привить сыну трудолюбие, тягу к знаниям. В первый класс средней школы Николай Троицкий поступил 1 сентября 1939 г., по его собственному выражению, «подготовленным».

Конечно, последнее предвоенное десятилетие в советской деревне не было сытным и безбедным. Однако эти трудности окупались свойственным юности оптимизмом и желанием учиться. Из всех школьных предметов будущий профессор особо отличал словесность, оставаясь на всю жизнь страстным книголюбом, и, конечно, историю. Круг чтения Николая Алексеевича был необычайно широк для школьника тех лет (благо в селе имелась очень приличная библиотека): романы В. Скотта, В. Гюго, А. Дюма, А.Н. Толстого, произведения И.С. Тургенева, М.Ю. Лермонтова. Все, что могли дать школьная и сельская библиотеки, было проштудировано. Вот лишь один штрих к биографии историка: уже поступив на исторический

факультет, он первым делом бросился в университетскую библиотеку дочитать «Отверженных» Виктора Гюго. В экземпляре его районной библиотеки не хватало последних страниц.

В годы юности им были прочитаны и увидевшие свет накануне Великой Отечественной классические труды Е.В. Тарле о Наполеоне и Отечественной войне 1812 года. Именно Тарле навсегда остался для Николая Алексеевича эталоном историка, а его работы – образцом сочетания яркого повествования с глубиной анализа. Большое воздействие на Николая Алексеевича оказали и исторические фильмы предвоенных лет, с блистательной игрой Н.К. Черкасова, уроженца Саратова Б.А. Бабочкина, других замечательных артистов. Эти фильмы не только пробуждали любовь «к родной старине», тягу к изучению истории своей страны, но и настоящий патриотизм, который невозможно воспитать теми заунывными трелями, что раздаются ныне с экранов телевизоров.

Война принесла с собой страшную нужду, испытания, горе: В 1942 г. в боях за Северный Кавказ погиб гвардии рядовой Советской армии Алексей Васильевич Троицкий, так и не успев порадоваться успехам сына. Памяти отца Н.А. Троицкий посвятил одну из лучших своих книг – «Безумство храбрых».

В годы военного лихолетья Николай Алексеевич чем мог, помогал матери и каждое лето до темна трудился на сельхозработах. Древняя народная мудрость гласит: «посеешь поступок – пожнёшь привычку, посеешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу». Воспитанная с детства привычка к труду стала залогом будущих успехов историка. Кончилась война, учебные аудитории вновь наполнились шумным студенческим людом.

Николай Алексеевич помнил имена и фамилии каждого из своих одноклассников, бережно хранил пожелтевшую фотографию выпускников 1949 года Новорепинской средней школы № 1 и, показывая ее друзьям и коллегам, с гордостью говорил: *все* мы, дети войны получили высшее образование и разлетелись кто куда». Однако только один из них – Н.А. Троицкий – выбрал путь историка и поступил на исторический факультет Саратовского государственного университета. «... Я ни разу не пожалел о сделанном выборе...», – говорил Николай Алексеевич уже незадолго до смерти.

1 сентября 1949 г. Николай Алексеевич Троицкий впервые вступил в стены классического, как теперь принято говорить, Саратовского государственного университета. С Саратовом будут связаны лучшие годы его жизни, все победы и беды, счастье и трагедии, словом, «и жизнь, и слезы, и любовь».

Саратовский университет, несмотря на свою молодость (в 1949 г. СГУ было «сорок лет от роду»), давал хорошее образование. Главное же, после страшной войны студенческая молодежь увлеченно стремилась к знаниям, жила небогато, но дружно и весело. Для многих, включая и Николая Алексеевича, Саратов был первым в их жизни крупным культурным городом. Саратовские театры и консерватория были переполнены студенческим народом. Не пропускал ни одной сколь-нибудь значимой премьеры и студент Троицкий, но главным благом цивилизации была для него богатейшая Научная библиотека Саратовского университета, в которой он буквально «прописался», часами (порой, пренебрегая лекциями и семинарами) просиживая в читальном зале.

Организованный и целеустремленный, Николай Алексеевич уже на первом курсе точно определил хронологический и тематический круг своих научных интересов: XIX век, противостояние наполеоновской Франции и всей остальной Европы. Чтобы знать в оригинале источники и литературу, изучал французский язык.

Увы, когда подошло время писать диплом, на кафедре истории нового времени будущему профессору предметно объяснили, что нет специалистов по истории наполеоновских войн, и вообще надо писать не о войнах, а о борьбе за мир во всем мире. Конечно, Николай Алексеевич был огорчен и расстроен этим обстоятельством. Однако, написав дипломную работу на предложенную научным руководителем тему, вовсе не отказался от мечты изучать наполеоновскую эпоху. Сказалось то качество, которое М.В. Ломоносов называл «благородной упрямкой», иными словами, умение преодолевать препятствия для достижения поставленной цели. Много лет спустя, будучи уже известным стране исследователем, Троицкий с блеском реализует юношескую мечту в целой серии работ о событиях Отечественной войны 1812 г., Наполеоне и его маршалах, императоре Александре I и М.И. Кутузове.

Осенью 1960 г., после аспирантуры, Николай Алексеевич был «распределен» на кафедру основ марксизма-ленинизма в Шадринский педагогический институт Курганской области. Будущий

профессор не терял времени: писал статьи, продумывал план докторской диссертации. К счастью, пребывание вне сферы университетской науки длилось недолго. Весной 1961 г. Николай Алексеевич получил и принял приглашение работать на кафедре истории СССР СГУ (в 1963 г. кафедра разделилась на две – советского и досоветского периодов).

Так, семь лет спустя, Николай Алексеевич вернулся в *alma mater* уже в качестве преподавателя. В 1963 г., работая на историческом факультете Саратовского университета, Н.А. Троицкий защитил кандидатскую, а в 1971 г., и докторскую – о политических процессах в России 1871–1890 годов.

По тем временам он стал самым молодым доктором исторических наук и профессором на историческом факультете Саратовского университета, на который был приглашён преподавать ещё в 1961 г., и которому оставался преданным более 50 лет своей жизни. Все эти годы он был верен одной-единственной кафедре, которая за это время трижды меняла своё название: кафедра истории СССР, кафедра истории СССР досоветского периода, с 1991 г. – кафедра истории России. В течение 26 лет, с 1975 по 2001 г., он был её заведующим. И каким заведующим! Имя Николая Алексеевича, благодаря его научным статьям и книгам, многие из которых выходили в московских издательствах, было известно в научных кругах далеко за пределами России. Он многие годы являлся визитной карточкой или, как бы сейчас сказали, брэндом, не только истфака, но и всего университета.

Итогом творческой деятельности профессора Саратовского университета стали 40 книг и более 400 статей, но путь к признанию для него был непростым и не только потому, что он не выбирал легких дорог в науке, но и по причинам весьма далеким от науки и научной этики.

Наряду с историей освободительного движения особое место в творческой биографии Николая Алексеевича занимала Отечественная война 1812 года и шире – эпоха наполеоновских войн. Как уже говорилось, еще студентом Троицкий попытался приступить к изучению этой темы. Тогда это не получилось, но от мысли вернуться к эпохе бурных событий начала XIX в. он не отказался. Едва приступив к исследованию «грозы двенадцатого года», он поразился обилию мифов, явных передержек и прямых фальсификаций в трудах по истории великой войны. «Генералы от науки», спекулируя на патриотических чувствах, нещадно

эксплуатировали тему Отечественной войны, создавая себе репутацию «ученых мужей».

Научные интересы Николая Алексеевича были столь разнообразны, что невозможно охарактеризовать их все. В числе наиболее значимых для него работ «малого жанра» – заметки и статьи о российских и советских историках: В.И. Семевском, Б.П. Козьмине, М.Н. Покровском, Е.В. Тарле. Ждет своего часа и публикация большого эпистолярного наследия Николая Алексеевича. За годы творческой жизни он состоял в дружеской переписке с выдающимися отечественными и зарубежными историками и писателями – с Ф. Вентури (Италия), Е. Лампертом (Англия), Н.М. Дружининым, П.А. Зайончковским, Ю.В. Трифоновым, Е.А. Таратута, Ю.В. Давыдовым и другими, а также с потомками героев своих книг – внучкой одного из лидеров I Интернационала и партии «Народная воля» Г.А. Лопатина Еленой Бруновной Лопатиной, внучатой племянницей «нравственного диктатора» «Народной воли» С.Л. Перовской Софьей Глебовной Перовской, дочерьми корифеев российской адвокатуры Н.К. Муравьева (душеприказчика Льва Толстого) и П.Н. Малянтовича (министра юстиции Временного правительства 1917 г.). Татьяной Николаевной Волковой и Галли Павловной Шелковниковой, внуками знаменитых адвокатов Н.П. Карабчевского (Ниной Анатольевной Винберг) и В.И. Танеева (Еленой Павловной) и другими.

За 50 лет служения науке Николай Алексеевич Троицкий неоднократно оказывался в самом центре научных дискуссий или публичной полемики. Чуждый всякого официоза, он никогда не принимал участия в коллективных проработках кого бы то ни было, напротив, именно он зачастую становился объектом нападков со стороны партийных верхов или раздраженных оппонентов.

И по сей день можно порой услышать нелепые обвинения по адресу саратовского историка в «непатриотизме». Перефразируя А.И. Герцена, хочется спросить таких «патриотов»: Где границы патриотизма? Неужели любовь к Родине должна распространяться на любое ее правительство, императора, исторического деятеля, генерального секретаря, или, быть может, начальника концлагеря? Неужели, будучи в здравом уме, можно считать историками и патриотами тех, кто сочиняет пухлые тома с жизнеописанием русских самодержцев, замалчивая, а порой и оправдывая их человеческие пороки и жестокие репрессии? Не путают ли такого рода «специалисты» призывание историка с должностью камер-юнкера? Участник множества

«боев за историю», Николай Алексеевич неоднократно с фактами на руках, доказывал графоманскую ничтожность «сочинений» таких «историков».

Для Николая Алексеевича Троицкого честь и честность были не только однокоренными словами, но и понятия от одного корня. Он категорически не принимал бесчестности, некомпетентности и откровенной лжи в науке. Всегда выступал в защиту своих убеждений, порой, вступая в спор с самым высокопоставленным оппонентом, если видел пренебрежение научной истиной. Как раньше, так и сейчас находится немало деятелей, готовых ради сиюминутной «славы» или из карьерных соображений пойти на откровенное извращение исторических фактов. Прав был В.О. Ключевский, когда писал: «История как девица, которая хочет любви, но ее постоянно пытаются изнасиловать». Принципиальность Троицкого, полное отсутствие конформизма в его характере, умение и желание вести споры и дискуссии по важнейшим вопросам, не единожды вызывали у власть имущих желание проучить неудобного историка.

Нельзя не сказать и о лекторском мастерстве профессора Троицкого. Ему не приходилось призывать самую пеструю студенческую аудиторию к порядку, в этом не было необходимости. Полное внимание публики достигалось за счет построения лекции как научно-художественного текста, изложенного безукоризненным русским языком в лучших традициях университетского красноречия. В его лекциях яркость образов, умение интонацией, неожиданным сравнением выделить главное или взять паузу там, где необходимо, сочетались с меткими, порой ироничными, но всегда колоритными характеристиками событий и людей эпохи.

Одним из главных не только профессиональных, но и личностных качеств Николая Алексеевича было умение кратко, афористично определить самую суть предмета. Свою книгу воспоминаний он назвал: «Книга о любви». Это действительно *Книга о любви*. К людям, профессии, Отечеству.

Научные интересы профессора Н.А. Троицкого не ограничивались историей борьбы русских народников с абсолютизмом. И все же именно народники занимают главное место в его творческом наследии.

Ответом на официально культивируемую истерику и ложь в отношении русских революционеров должна была стать подготовленная Николаем Алексеевичем биография Софьи Перовской. Жизнеописание

первой русской женщины приговоренной царским судом к смертной казни было задумано ее автором более пятидесяти лет назад. Однако на исполнение замысла «обстоятельно и достоверно, на основе максимально доступного круга источников, запечатлеть «жизнь, деятельность, личность» «нравственного диктатора» партии «Народная воля» ушло более полувека... В течение нескольких лет центральные издательства в испуге шарахались от предложения Троицкого издать первую в отечественной историографии полную биографию «цареубийцы». И лишь в этом году издательство Саратовского университета взялось опубликовать книгу Н.А. Троицкого тиражом в 100 экземпляров.

Николай Алексеевич считал своим человеческим и гражданским долгом донести до читателя истинный, очищенный от клеветы образ С.Л. Перовской. Над её биографией профессор Троицкий работал, преодолевая свалившиеся на него невзгоды, трагедии, смертельную болезнь. Буквально до последнего дня жизни, прикованный к постели тяжким недугом, он вносил поправки в текст монографии, скрупулезно выверял сноски и примечания, подбирал иллюстрации, участвовал в обсуждении макета предстоящего издания. Дорогая сердцу Историка книга была подписана в печать в день его смерти ...

Для Николая Алексеевича «слово и дело» С.Л. Перовской и ее товарищей – это не только активная форма протеста против социальной несправедливости, но и понимание нравственности как необходимости немедленной и открытой борьбы со злом. Даже ценой собственной жизни. Это свое страстное убеждение гражданина и человека Историк стремился донести до читателя и в своей последней, посмертной книге.

Николай Алексеевич был убежден и всегда подчеркивал, что память о человеке – это главное, самое важное, что остается нам, после того как человек уходит из жизни. В памяти его друзей, учеников и коллег он навсегда останется гражданином, глубоким ученым, жизнерадостным, остроумным и отзывчивым человеком. А в исторической науке навсегда останутся его блестящие исследования, сорок книг и сотни статей, которые не оставят безучастными ум и сердце неравнодушного к судьбам Родины читателя.

**О.Н. Дмитриева, Ю.Г. Степанов,
редколлегия сборника
«История и историческая память»**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аврус Анатолий Ихильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории в новейшее время ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и Новейшего времени ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Ганус Сергей Алексеевич, старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории и историографии исторического факультета Ужгородского национального университета (Украина)

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и Новейшего времени ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Дмитриева Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, начальник отдела культурно-эстетической работы УВР Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.

Калашников Михаил Васильевич, старший преподаватель кафедры истории Отечества и культуры социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.

Ким Ильгизя Анваровна, кандидат социологических наук, независимый исследователь (Волгоград).

Кобылин Игорь Игоревич, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Нижегородской государственной медицинской академии.

Ковальчик Малгожата Эва, доктор истории, профессор Исторического института Вроцлавского университета (Польша).

Костина Александра Константиновна, аспирант кафедры истории Нового и Новейшего времени ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Креленко Наталия Станиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и Новейшего времени ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Ли Хен Кын, руководитель Региональной общественной организации «Корейский культурно-просветительский центр “Первое марта”» (Москва).

Николаи Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета.

Орехова Валерия Дмитриевна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Попов Денис Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры этики и эстетики философского факультета Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Степанов Юрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и политологии Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова.

Тотфалушин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Цихорацки Пётр, хабилитированный доктор исторических наук, профессор Исторического института Вроцлавского университета (Польша).

Черевичко Т.В. доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма и культурного наследия, директор ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук юридического факультета Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Щавелёв Сергей Павлович, доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии Курского государственного медицинского университета.

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 9

Под редакцией *А.В. Гладышева*

Ответственный за выпуск *В.А. Соломонов*
Оригинал-макет подготовили *А.И. Жемков, В.А. Соломонов*

Подписано в печать 10.12.2014. Формат 60x84 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 17,87. Тираж 300 экз. Заказ № 199-Т

Типография Саратовского государственного университета
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А